

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVUFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2026

Том 17
Vol.

№ 2

СЛОВА И СМЫСЛЫ WORDS AND MEANINGS

МАРКЕРЫ MARKERS
МЕТАКОММУНИКАЦИИ: OF METACOMMUNICATION:
МЕЖДУ КОРПУСОМ BETWEEN CORPUS
И ДИСКУРСОМ AND DISCOURSE

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2026

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2026
Том 17
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2026.
222 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия) — главный редактор; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Дмитрий Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Иван Борисович Микиртумов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плуигян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 03.06.2026 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2026
Vol. 17
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2026.
222 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia) – Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	6
--------------------------	---

СЛОВА И СМЫСЛЫ

<i>Zimmerling A. V. Mind de re</i>	7
<i>Кочарян Р. Х. Единая концепция «Герменевтики и экзегетики» Св. Августина и семь правил толкования Тикония Африканского</i>	40
<i>Попова Т. Г. Лексикографически не описанные слова древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского</i>	58
<i>Патроева Н. В. Семантический потенциал лексемы <i>orgán</i> в русской поэзии: «свое» и «чужое»</i>	75

МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: МЕЖДУ КОРПУСОМ И ДИСКУРСОМ

<i>Фещенко В. В. Ксенопоказатели в славянских языках: корпусно-дискурсивные данные</i>	96
<i>Шилихина К. М. Экспликация прагматических смыслов метакоммуникативных комментариев как исследовательская проблема</i>	118
<i>Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Дискурсивное слово <i>хоть</i> в текстах поэтов Серебряного века</i>	133
<i>Соколова О. В. Non sequitur: дискурсивный маркер <i>следовательно</i> в поэтическом и судебном дискурсах</i>	148
<i>Радбиль Т. Б., Абдуллаева Р. Х. Прагматика имплицитной оценочности фразеологизмов в свете корпусно-дискурсивного анализа: выражение «из ряда вон (выходящий)»</i>	167
<i>Кибрик А. А., Кортаев Н. А., Николаева Ю. В. Речевые и жестовые сигналы продолжения / завершения монолога</i>	187

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Пробст Н. А., Ткаченко А. И., Кукса И. Ю. Первые Ваулинские чтения: горизонты модальности</i>	209
--	-----

CONTENTS

<i>Editor's preface</i>	6
-------------------------------	---

WORDS AND MEANING

<i>Zimmerling A. V.</i> Mind de re	7
<i>Kocharyan R.</i> St Augustine's conception of Scriptural hermeneutics and exegesis: seven rules of interpretation of Tyconius the African.....	40
<i>Popova T. G.</i> Lexicographically undescribed words from the oldest Russian manuscript of the "Ladder" by St. John Climacus	58
<i>Patroeva N. V.</i> The semantic potential of the lexeme 'organ' in Russian poetry: one's own and someone else's.....	75

MARKERS OF METACOMMUNICATION: BETWEEN CORPUS AND DISCOURSE

<i>Feshchenko V. V.</i> Xeno-markers in Slavic languages: corpus and discourse data	96
<i>Shilikhina K. M.</i> Explication of pragmatic meanings of metacommunicative comments as a research problem.....	118
<i>Shestakova L. L., Kuleva A. S.</i> The discourse word 'khot' in the poetry of the Silver Age	133
<i>Sokolova O. V.</i> Non sequitur: the discourse marker 'sledovatel'no' (therefore) in poetic and judicial discourse.....	148
<i>Radbil T. B., Abdullaeva R. Kh.</i> The pragmatics of implicit evaluativeness of phraseological units: a corpus-discourse analysis of the expression 'iz ryada von' (vykhodyashchiy) ('out of the ordinary')	167
<i>Kibrik A. A., Korotaev N. A., Nikolaeva Yu. V.</i> Signals of monologue continuation/completion: speech and gesture	187

CHRONICLE OF ACADEMIC LIFE

<i>Probst N. A., Tkachenko A. I., Kuksa I. Yu.</i> The first Vaulina Readings: horizons of modality.....	209
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

В текущем выпуске получили развитие два кардинальных для журнала направления. Первое — *Слова и смыслы*. Четыре представленные в разделе статьи показывают, насколько могут различаться методы и процедуры выявления смысла. Вместе с тем это разнообразие — свидетельство того, что главными критериями являются точность и строгость, позволяющие получать сопоставимые результаты.

Второй раздел развивает прагмалингвистические подходы, он посвящен *маркерам метакоммуникации*. Публикуемые статьи демонстрируют, каким образом современные корпусно-дискурсивные методы анализа разнообразного языкового материала — от бытового общения до поэзии — способствуют получению количественно и качественно новых результатов в сфере прагмалингвистики. Как и предыдущий выпуск по прагмалингвистике, раздел подготовлен усилиями приглашенного редактора, доктора филологических наук В.В. Фещенко (Институт языкознания РАН).

EDITOR'S PREFACE

This issue continues to develop two thematic strands that are central to the journal. The first, *Words and Meanings*, brings together four articles that illustrate the diversity of methods and approaches used in the study of meaning. At the same time, this methodological diversity reflects a shared commitment to precision and analytical rigour, making it possible to produce comparable results. The second section advances a pragmalinguistic perspective and focuses on markers of metacommunication. The contributions demonstrate how contemporary corpus-based and discourse-analytic approaches, applied to a wide range of linguistic material ranging from everyday interaction to poetry, generate both quantitatively and qualitatively insights in pragmalinguistics. As in the previous issue devoted to this field, the section has been prepared under the guidance of the guest editor, Dr Vladimir V. Feshchenko (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences).

УДК 81'372, 161'26

MIND DE RE

Anton V. Zimmerling^{1, 2}

¹ Pushkin State Russian Language Institute,
6 Volgina St., Moscow, 117485, Russia

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, 125009, Moscow, Russia

Submitted on 01.08.2025

Accepted on 20.11.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-1

The study outlines the semantics of verification and examines its interaction with de re ascriptions. Verification sentences are analysed as having a layered structure comprising two unary operators, VER and ACT, represented as VER(ACT(p)). The operator VER establishes a link to a verification event in which agent X has established the truth of p in the actual world, while ACT renders the proposition pre-verified, that is, open to verification or falsification. Standard accounts of the de re versus de dicto distinction maintain that, in contexts of belief and desire, de re attitudes involve ontological commitments to the existence of objects in the actual world. Within a Davidsonian framework, events are treated as spatiotemporal particulars. Accordingly, sentences of the type VER(ACT(p)), which posit the existence of verification events in the actual world, pattern with de re constructions. On this basis, lexical markers of VER, such as English 'indeed', 'really', 'in fact', and Russian 'dejstoitel'no', 'na samom dele', may be analysed as de re modal elements conveying a meaning of epistemic necessity. A distinct class of discourse markers includes English 'certainly' and 'naturally', and Russian 'razumeetsja' and 'estestvenno', which introduce the operator AFF and signal that the speaker's expectations are fulfilled. These two classes of operators display different semantic properties: markers of certainty do not entail that p is verified de re, whereas VER markers do not encode speaker certainty. The operator AFF may take scope over VER, yielding the configuration AFF(VER(ACT(p))), which is well-formed, whereas the inverse order VER(AFF(ACT(p))) is ill-formed. The proposed analysis accounts for two empirical generalisations. First, VER is invariably realised overtly at the phonetic level. Second, counterfactual constructions require components that are pre-verified or verified and exclude anti-veridical markers in the protasis. This constraint supports the view that, within the metaphysics implicit in natural language, counterfactual worlds are treated as real and are capable of hosting verification events.

Keywords: attitude reports, de re, de dicto, modality, verification, operator words, logical form, phonetic form, communicative structure

Do re mi, and do mi re,
Learn de dicto, mind de re.

1. Introduction: modal categories and language theory

Language theory and logic need each other. The former provides the conceptual apparatus for such notions as semantic interpretation, truth conditions, quantification, presupposition, entailment, and implicature, whereas the latter requires fine-grained representations of linguistic data to assess the gap between formal logical systems (e. g. Lewis and Langford 1932; Hintikka 1969) or formal languages (Montague 1970; Hamblin 1973) and natural languages along with their semi-formal models (Frege 1892; Russell 1905; Carnap 1955; Stalnaker 1972; Grice 1975; 1981; Harman 1972; Davidson 1970; Vendler 1967; Paducheva 1974; Arutyunova 1988; Partee 2004).

Modality constitutes a domain of shared interest. Philosophers must cultivate linguistic intuitions to identify applications of modal logic (Carnap 1947; Kripke 1980; Lewis 1979; Kuslij and Veretennikov 2024), whereas linguists must ground their descriptions of expressions of possibility and necessity in concepts derived from logic (Kratzer 1991).

Modal expressions quantify over possible worlds. A proposition p is true in a world $w \in W$ if and only if $w \in p$; otherwise, p is false in w . The notions of modal base (e. g. circumstantial or epistemic) and ordering source (e. g. deontic, bouletic) are cross-linguistically robust: the modal base determines the set of worlds accessible from a given world w , while the ordering source imposes a ranking on this set (Ibid., p. 642).

Following Johan van der Auwera and Vladimir Plungian (1998), one may adopt the notion of a path, understood as a semantic transition. A modal meaning of one type, for example, epistemic possibility ('in view of the available evidence, p is possible'), may develop from a modal meaning of another type, for example, deontic possibility ('in view of certain norms, p is possible'), and vice versa. In addition, modal expressions often originate from non-modal lexical items or may lose their modal force over time (Ibid., p. 111).

Van der Auwera & Plungian and Kratzer share the intuition that the meaning of most language modals is underspecified, i. e., ambiguous, vague, or diachronically unstable¹. Bulygina & Shmelev (1997, pp. 218–231) argue that Russian modal verbs *dolžen* 'must' and *možet* 'can' are ambiguous between alethic, deontic, and epistemic readings. A similar point regarding the predicative *nado* 'must' is made in (Kobozeva, Laufer 1991). Unambiguously epistemic, cf. Eng. *certainly*, deontic, cf. Eng. *should*, and alethic modals, cf. Russ. *Tebe ne vyjti otsjuda* 'It is not in the cards for you to come out from

¹ Similar points have been made concerning indefinite pronouns, cf. (Haspelmath 1997) and (Kratzer, Shimoyama 2002).

here' are not always expressed by verbal lexemes. In the last example, the alethic flavour is contributed by the dative-infinitive construction, which is aspect, polarity, and mood-sensitive (Mitrenina 2017). I will not dwell on the grammar of modals and state that overt modality is typically encoded lexically. This is, however, not the case with the famous *de re* versus *de dicto* distinction. In *de re* sentences, the existential quantifier scopes over the modal operator, which gives rise to the existential reading 'There is some x that is such that is necessarily A' , cf. (1).

$$(1)_{\text{DE RE.}} \exists(x) \Box A(x)$$

In *de dicto* sentences, the modal operator has a wider scope than the quantifier, which gives rise to the non-existential reading 'Necessarily, some x is such that it is A' , cf. (2).

$$(2)_{\text{DE DICTO.}} \Box \exists(x) A(x)$$

The received wisdom is that there are no lexically marked *de re* and *de dicto* predicates, but the *de re* versus *de dicto* distinction is diagnosed in the contexts of belief and desire, where the matrix predicates like *believe*, *think*, *want*, *wish* license both *de re* and *de dicto* readings (Kaplan 1969). In this paper, I discuss a candidate for the role of lexically marked *de re* — the cross-linguistically stable class of discourse words expressing the meaning of verification and introduce the operator *VER*. A word x_L of the language L is a lexical *VER* marker iff x_L is a discourse word of L , and verification is part of its assertive meaning. I argue that *VER* markers, aka *de re* modals, must be kept apart from commitment markers like *certainly*, *naturally*, that represent a different sort of meaning.

Before I turn to my arguments, I should first explain the title of this article. It revokes the names of two great scholars — Elena Paducheva (1935–2019) and Tatiana Bulygina (1929–2000). To Paducheva's anniversary, Bulygina composed a song, where the singer asserts that even children in the backyard (*deti vo dvore*) nowadays know about *de dicto* and *de re*, presumably, after Paducheva's works:

Znajut deti vo dvore
Pro *de dicto* i *de re*.

The translation of this stanza used by me in the epigraph was made by the prominent linguist Anatoly Liberman. Liberman also proposed an alternative variant, which I reproduce with his kind permission: <*Ding-dong-ding, ding-dong-ding*> *Learn the word, but catch the thing*. Indeed, *de re* translates 'about the thing', '**as things are**'. Meanwhile, *de dicto* translates 'about what is said', 'about the dictum', therefore it can be 'learned' as the poet said or 'evaluated on a set of possible worlds' as logicians put it.

The paper is structured as follows: in section 2, I render some approaches to the *de re* versus *de dicto* distinction and mention Bulygina's and Paducheva's contributions, section 3 discusses *de re* and *de dicto* reports in the context of belief and desire, and section 4 contains the preliminaries to

the generalised analysis of *res* and *de re* claims. Section 5 outlines the semantics of verification, while section 6 discusses the consequences of the chosen approach.

2. The *de re* and *de dicto* in logical analysis and linguistic research

2.1. The philosophical tradition

Nelson (2019), following the debate in Quine (1953; 1956), Kaplan (1969), Burge (1977), and Salmon (1997), cf. also Lewis (1979), Kripke (1979), and Stalnaker (1987), outlines three conceptions of the *de re* versus *de dicto* distinction labelled *syntactic*, *semantic*, and *metaphysical*. A sentence is *syntactically de re* iff it contains a pronoun or variable within the scope of an opacity verb that is anaphoric on or bound by a singular term or quantifier outside the scope of that verb, cf. (2). Otherwise, it is *syntactically de dicto*, cf. (1). The notion of being *semantically de re* is based on the substitution of co-designated terms *salva veritate*: a sentence is *semantically de re* iff it permits substitution of co-designating terms *salva veritate*. Otherwise, it is *semantically de dicto*. It is well-known that in opaque contexts, such verbs as *believe*, *want*, or *hate* do not license the substitution of co-designated terms. Assume that Bill stole the pie, but Mary is not aware of it. Then, the sentences (3) and (4) have different truth-conditional meanings since Mary can hate the person who stole the pie but be unaware that the culprit is Bill. Therefore, (3) is *semantically de dicto*.

(3) SEMANTICALLY DE DICTO. Mary hates the person who stole the pie.

(4) SEMANTICALLY DE RE. Mary hates Bill.

Nelson introduces the third conception of the *de re* versus *de dicto* distinction and labels it 'being metaphysically *de re*'. An ascription is *metaphysically de re* with respect to an object *o* just in case it directly attributes a property to *o*. This condition is more rigid than being *semantically de re* = be bound by an operator. Assume that Mary has reasons to believe that there is just one man in the room where the pie has been stolen. She sees that the thief is happy but does not know his true identity. Therefore, (5) is not *metaphysically de re*, despite Bill satisfies the condition of uniquely being in the room, where the pie has been stolen.² Meanwhile, (6) is *metaphysically de re*, since it contains a singular proposition³ about the thief:

² The contrast between *metaphysically* versus *semantically de re* can be explained by theories where referentiality is treated as a gradable notion or by adopting Hamblin's (1973) postulate that grammar operates on sets, and one should distinguish singleton sets from singular terms, cf. Zimmerling (2025). In Nelson's example with the weakly referential man in the room (= *semantically de re*), one deals with the singleton set of possible thieves, but if the identity of the thief is known to the belief holder (= *metaphysically de re*), one gets a true term expression.

³ A proposition is singular with respect to an object *o* iff it is about *o* in virtue of having *o* as a direct constituent (Kaplan 1989).

(5) METAPHYSICALLY DE DICTO. Mary believes that the person who stole the pie in the room is happy.

(6) METAPHYSICALLY DE RE. The thief in the room is such that Mary believes that he is happy.

On the Fregean account, a *syntactically de re* sentence is always *semantically de re*, i.e. licenses the term substitution *salva veritate*, and vice versa. The mismatch between *syntactically de dicto* and *semantically de re* can be captured by the competing accounts. The so-called naïve Russellianism treats proper names, cf. *Bill*, demonstratives, cf. *this one*, and definite descriptions, cf. *Mary's brother*, as referential expressions. Along these lines, the definite description 'the person who stole the pie' in (3) can be substituted by the name 'Bill', or by the deictic 'him over there', which means that some *syntactically de dicto* sentences contain their *semantically de re* counterparts and are contained in them. This perspective is interesting, but I do not find it desirable. Therefore, I adopt the Fregean approach and preserve the initial insight that the notions of *de re* and *de dicto* more or less regularly correspond to two different types of contexts. A part of philosophers defended the opposite thesis and maintained that proper quantification in opaque contexts is impossible (Quine 1956) or that opaque contexts require hybrid ascriptions, with a path from *de re* to *de dicto* or vice versa (Kaplan 1969; 1986). Kaplan's proposal was later introduced to formal semantics by Percus & Sauerland (2003), who argued that *de re* ascriptions already contain *de dicto* ascriptions but add an extra piece of logical structure.

The 'metaphysical' condition is compatible with the Fregean account. Let us assume that words like *actually* and *indeed* introduce *de re* beliefs of the speaker that she or someone else verified *p*. The meaning of verification comes from the one-place operator *VER* (*p*) taking *p* as its argument. If Susi claims that *p* indeed took place, it means that *X* considered *p* and $\sim p$ and at some moment established that *p* is true in the actual world. This kind of analysis is relatively common in linguistic research, cf. Yanko (1995), Lohnstein (2018), Zimmerling (2023a), but surprisingly absent from the literature on attitude reports. Let us consider the predicates 'be a thief' and 'steal the pie' in the context of *VER*. Provided that being a thief means 'to be engaged in at least one act of theft', a sentence like *Bill is indeed a thief* directly attributes the property of being engaged in at least one act of theft to Bill, in full accord with Nelson's definition of *metaphysically de re*, cf. (7a). Note that the *VER* operator can embed. In (7b), it is the matrix clause subject *Susi* who has verification commitment and not the speaker.

(7) a. METAPHYSICALLY DE RE. [^{VER} Bill is indeed [_{PROPERTY} a thief]].

b. METAPHYSICALLY DE RE. Susi believes that [^{VER} Bill is indeed [_{PROPERTY} a thief]].

Let us now make *p* an event proposition. Events as we know after (Davidson 1970) are particulars in space and time, so that the sentence *Bill indeed stole the pie* means that the speaker confirmed that this act of theft took place sometime and somewhere, cf. (8a). This is equivalent to saying that the event

p has the property of being realized at the actual world @ (inhabited by the attitude's holder) at some place in some time. Again, *VER* with an event proposition can embed into the structure led by an overt attitude verb, as in (8b).

- (8) a. METAPHYSICALLY DE RE. [^{VER} Bill **indeed** [_{EVENT} stole the pie]].
b. METAPHYSICALLY DE RE. Susi believes that [^{VER} Bill **indeed** [_{EVENT} stole the pie]].

Finally, *VER* can take a proposition containing an attribution of some act. The cleft construction *It was X who did q* expresses the meaning of contrast, i. e. choice on an exhaustive set, cf. Yanko (2001, pp. 49–61). Adding *VER* to this construction yields a reading on which the speaker asserts that she confirmed that it was X , but not Y or Z , who did q , so that Bill is the right candidate satisfying the condition of having uniquely stolen the pie on that occasion⁴.

- (9) a. METAPHYSICALLY DE RE. [^{VER} It was **indeed** [_{CONTRAST} Bill] [_{PROPERTY} who [_{EVENT} stole the pie]]].
b. METAPHYSICALLY DE RE. Susi believes that [^{VER} it was **indeed** [_{CONTRAST} Bill] [_{PROPERTY} who [_{EVENT} stole the pie]]].

Sentences (7)–(9) show direct attribution of properties to event particulars and objects of other kinds. I will return to this point in section 4 and state here that the *VER* operator is not sensitive to the sortal type of the embedded proposition, be it a property or an event and combines with higher lying attitude verbs as in (7b), (8b), and (9b).

Tiskin (2021) discusses recent approaches to *de re* and *de dicto* in formal semantics. There are reductionist theories, where *de dicto* is chosen as the default option, while the *de re* reading is triggered by transformational rules or hidden context (Charlow, Sharvit 2014), cf. also the so-called revisionist account, where a *de dicto* report is valued true if the interpreter considers only those belief worlds of the holder where the relevant proposition holds (Lederman 2021). The proposals to analyse *de re* as default (*de dicto* \supseteq *de re*) are less popular, cf. Charnavel (2020). As Tiskin hints, this might align with the fact that *de dicto* sentences are easier to process (Zhang, Davidson, 2024). Sportiche (2020) argues that all structures with syntactic control and the null subject of the controlled clause (PRO) impose a *de dicto* reading. The difficulties with diagnosing *de re* by the substitution test are addressed in Benbaji-Elhadad (2023). An experimental study of *de re* statements is presented in Wang (2025). Since Lewis (1979), it has become customary to postulate a third type of ascription, *de se*, where the agent holds an attitude toward a proposition about themselves. The considerations about hybrid attitudes lying midway from *de dicto* to *de re* are presented in Kusliy (2023), cf. also Rebuschi & Tullenheimo (2011), who implement Hintikka's independence-

⁴ I leave out a more sophisticated scenario, where the pie has been stolen by a group of people including X . In this case, the uniqueness requirement fails, while the contrast remains.

friendly epistemic logic. In this paper, I do not address *de se* reports and analyse *de dicto* and *de re* from the viewpoint of the person who interprets the attitude reports.

2.2. Linguistic research: two case studies

This section is a tribute to two previously mentioned scholars — Paducheva and Bulygina. The *de re* and *de dicto* terminology is surprisingly rare in Paducheva's works. Her papers on modality and non-veridicality (Paducheva 2015; 2016) do not mention it. In her 2004 book, she argues that deictic expressions violate the <Fregean> compositionality principle as their valuation is only possible outside the embedded proposition (Paducheva 2004, pp. 118–119). I reproduce Paducheva's examples with a modified notation in (10).

- (10) Russian (Ibid., p. 118)
- a. ^{OK} A ved' menja moglo by **zdes'** ne byt'.
'But I might not be **here**.'
 - b. ^{OK} Ja naxožus' **zdes'**.
'I am **here**.'
 - c. ^{OK} Ja naxožus' **tam, gde ja naxožus'**.
'I am **in the place, where I am**.'
 - d. AKA DE DICTO. *Moglo by byt' neverno, čto ja naxožus' **tam, gde ja sejčas naxožus'**.
int. 'It might be false that **I am there, where I am now**.'
 - e. AKA DE RE. ^{OK} **Dlja togo mesta, gde ja sejčas naxožus'**, moglo byt' neverno, čto ja *tam* naxožus'.
'**For the place where I am now**, it might be false that I am *there*.'

Paducheva assumes that the deictic word *zdes'* 'here' has the lexicographical definition 'the place, where I am now'. If one substitutes *zdes'* in (10b) with its definition, one gets (10c), which is an analytic truth. However, the same substitution in the embedded clause fails: the sentence (10d), according to her, is "contradictory and anomalous". Meanwhile, (10a) and its explication (10e) are not anomalous, since the locative restricts the modal verb, which is clear in (10e), where the locative is placed outside the clause containing the modal. This comment amounts to a *syntactically de re* interpretation:

- (10e') SYNTACTICALLY DE RE. There is such a place *x*, such that *Z* is now in *x* & *Z* believes that she could be not in *x*.

Some speakers of Russian do not share Paducheva's view of the sentence (10d) as weird. For these speakers, (10d) is a variant of (10e) with the locative restrictor *in situ*.

Bulygina's approach to the *de re* and *de dicto* problem is best displayed in her coauthored paper Bulygina, Shmelev (1994) reissued in (Bulygina, Shmelev 1997, pp. 405–416). The authors work out the idea that most speech acts

and attitude reports should be described from the outside by an Interpreter and not by the attitude holder. The Interpreter can apply different strategies. She can minimise her role and aim at preserving the original nominations and reporting the beliefs and assessments of the holder. This is called (*aka*)⁵ *de dicto* strategy. But the Interpreter can also aim at describing the things as they are in the world inhabited by her. In this case, she changes the original nominations and adds her own assessments. This is called (*aka*) *de re* strategy⁶.

With the *de dicto* strategy, we describe the speech acts as if from the inside. With the *de re* strategy, we describe them with a distorting effect from our interpretation (Ibid., p. 415).

Bulygina & Shmelev develop a holistic lexicon-oriented approach to natural language and do not aim at analysing atomic sentences. However, they add a dimension to the *de re* versus *de dicto* issues. Their central claim is that most speech and mental acts, notably those not involving performative verbs, should be described from the outside and not in the eyes and brains of the holder. Therefore, the practice of defining the meanings of the attitude verbs like *say*, *believe*, *hope* on the basis of their use in the 1st person *a la* Wierzbicka (1987), should be discarded (Bulygina, Shmelev, 1994, pp. 49–50). This claim resembles the later revisionist approach, where *de dicto* sentences are valuated true after the Interpreter trims the set of the speaker's attitudinal alternatives (Lederman 2021). In the following sections, I import the Interpreter parameter into the analysis of attitude reports.

3. Belief and desire

Let us focus on the role of the Interpreter in belief and desire reports. I start with an ambiguous example with an indefinite pronoun in the embedded clause. If one wants to formalise the intuition that some attitudinal objects exist in the belief of the holder but not necessarily in the actual world, one needs a more fine-grained semantics. Probably, Rebuschi & Tulenheimo's (2011) category of *de objecto* will suit for this purpose, but I preserve the *de re* and *de dicto* terminology.

3.1. The contexts of belief

(11) Vasja believes that **someone** reported on him.

The *de re* reading is explicated in (12). Let $A(x)$ stand for 'to report on Vasja', then $\exists x A(x)$ stands for 'there is such x that x reported on Vasja'.

(12) _{DE RE.} $\exists x A(x)$, such as V believes that $A(x)$, and V believes that he knows that person.

⁵ The 'aka' tag is supplied by myself.

⁶ Virtually the same use of the *de re* and *de dicto* terminology is attested by Bogomolova (2024, pp. 45–46) who addresses the indexical shift in Tabasaran (Lezagic).

Translating (12) into two-sorted first-order logic gives the formula (12'). The symbol '@' refers to the world of evaluation aka *the actual world*, R stands for the accessibility relation, and $R_{\text{BEL-V}w}$ reads 'in the belief worlds of V'.

$$(12')_{\text{DE RE BELIEF.}} \exists x (\forall w (@R_{\text{BEL-V}w} \rightarrow \text{Reported}(x, v, w)))$$

The use of the non-factive *believe* on the *de re* reading (12) implies that the Interpreter does not know who Vasja suspects to be the informer, but on some reasons is sure that Vasja has some particular individual in mind. Let us now turn to the *de dicto* counterpart (13).

$$(13)_{\text{DE DICTO.}} V \text{ believes that } \exists x A(x), \text{ and } V \text{ does not know who reported on } V.$$

Translating this into two-sorted first-order logic gives the formula (13').

$$(13')_{\text{DE DICTO BELIEF.}} \forall w (@R_V w \rightarrow \exists x (\text{Reported}(x, v, w))).$$

On the *de dicto* reading, it is irrelevant whether the Interpreter believes that anyone reported on Vasja, but she ascribes to Vasja the belief that p , i. e. the informing *event* or the *act* of informing on V has taken place, but not the knowledge of the actor. In other words, she restores an *event proposition* in Vasja's mind and ascribes it to the belief holder, cf. (14).

$$(14)_{\text{PRESUPPOSITION.}} V \text{ is sure that } p.$$

In two-sorted first-order logic, the meaning (14) can be represented as (14'), the interpretation being 'for all worlds w belief-accessible from the world @ of Vasja's evaluation, there is an informing event'.

$$(14') \forall w (R_V(@, w) \rightarrow \text{Informing}(w))$$

The Interpreter can render Vasja's *de dicto* attitude in more than one way. I outline two types of *post hoc* reconstructions of the Interpreter. The first of them can be called *holistic*, cf. (15). The point is that Vasja does not need to check all accessible possible worlds to be sure that p , since this sort of belief can be based on the observations on the world @ inhabited by him and the potential informer.

(15) HOLISTIC INFERENCE. V did not consider accessible possible worlds, where the role of the Informer could be taken by different people, but concluded that $\exists x A(x)$ based on the information about the world @ inhabited by him.

Note that the information used by V in (15) is not necessarily backgrounded, cf. the scenario (16).

(16) HOLISTIC DE DICTO. The director looked askance at Vasja, and Vasja concluded that someone had reported on him.

The second type of inferences can be labelled *split*. It boils down to the Interpreter's guess that the holder developed the intuition that p by checking

the accessible possible worlds inhabited by non-identical informers. The point here is that Vasja still may hold the presupposition that p without knowing which of the worlds considered is real.

(17) SPLIT DE DICTO. V considered different accessible possible worlds inhabited by the potential Informers and checked the relevant set of individuals $\{X, Y, Z\}$. In w_1 , only X can be the Informer, in w_2 – only Y , in w_3 – both X and Y , in w_4 – neither X nor Y , but some unknown Z , and V does not know which of these worlds is real.

The upshot is that in the contexts of belief, the Interpreter (Y) always recovers the mental state of the attitude holder (X), opting either for the *de dicto* or *de re* reading. If Y ascribes to X the lack of knowledge of the true identity of some event participant, and the event itself is supposed to be known to X , one gets a *de dicto* report. If, on the contrary, Y ascribes to X the belief that X knows the identity of the event participant, one gets a *de re* report. If we assume that the Interpreter inhabits some world, then the choice of *de dicto* versus *de re* reading on behalf of the Interpreter can be considered her *mental act*. Therefore, the epistemic state of Y , who checked X 's belief report and assigned it the status of *de dicto* or *de re*, should also be reconstructed by some Z , and so on.

3.2. The contexts of desire

Desire contexts can be analysed along similar lines, with the proviso that the verbs of desire have a more complex meaning than the verbs of belief. Let us start from the example (18), which is ambiguous between the *de re* and *de dicto* readings, while *de dicto* has multiple triggers.

(18) Vasja wants to invite the female student with the maximum score to dinner.

The holder's desire in contexts like (18) apparently feeds on the holder's belief that the corresponding event p took place in the world of evaluation $@$ (both *de re* and *de dicto*), and the relevant participant, i. e. the object of desire, exists in some world(s) w (only *de re*). Let us abstract from the scenario, where the holder's desire is directed towards things he knows do not exist in $@$, and consider a *de re* reading. On this reading, Vasja wants to invite a particular student, say, Mary, and believes that Mary satisfies the condition $\exists x A(x)$ 'being a female student with the maximal score on the exam'.

(19) DE RE. $\exists x A(x)$, such that V believes that $A(x)$, and V wants to date that person.

The bouletic *de re* reports like (19) do not mean that the holder expresses his wish that the definite girl with the maximal score exists. He only presupposes that she exists in $@$, though his intuition is not necessarily shared by the Interpreter. I sketch the variant of the two-sorted first-order notation below: B stands for 'belief', and D for 'desire'⁷.

⁷ I am grateful to Daniel Tiskin (p. c.) for this proposal.

(19') DE RE BOULETIC. $\exists x((\forall w(@R_{BEL-V}w \rightarrow FemaleStudent(x) \ \& \ MaxScore(x), w)) \ \& \ (\forall u(@R_{DES-V}w \rightarrow Invite(v, x, u))))$

Let us now turn to the *de dicto* counterpart (20).

(20) DE DICTO. *V* believes that $\exists x A(x)$, and *V* does not know who that person is.

The translation into two-sorted first-order logic is given in (20').

(20') DE DICTO BOULETIC. $\forall w(@R_{DES-V}w \rightarrow Invite(v, ix(FemaleStudent(x) \ \& \ MaxScore(x)), w))$

In (20), the holder is ready to invite to dinner any student who satisfies $\exists x A(x)$ and, according to the Interpreter, *does not care* who that person is. In other words, the Interpreter attributes to Vasja *indifference* to the true identities of his companions, along with the presupposition that the set of candidates is not empty.

(21) PRESUPPOSITION. *V* is sure that *p* is true.

In two-sorted first-order logic, the meaning of (21) can be set as (21'), the interpretation being 'for all worlds *w* belief-accessible from the world @ of Vasja's evaluation, there is a maximal scoring-event'.

(21') $\forall w (R_V(@, w) \rightarrow MaxScore(w))$

The Interpreter can render Vasja's *de dicto* attitude in more than one way. On the *holistic* scenario, Vasja did not check any accessible possible worlds where different female students get the maximal score since his wish to meet the Maximal Scorer holds at all worlds accessible from @. I outline a holistic scenario in (22) and skip the issue of how the holder gets to know the exam stats.

(22) HOLISTIC DE DICTO. The stats of the exam are known, but *V* is not interested in them as he is ready to meet any Maximal Scorer, provided she is a female student.

On the second *de dicto* scenario, which can be labelled 'split', the results of the exam are not yet determined, and Vasja (or the Interpreter restoring his report) must consider different variants.

(23) SPLIT DE DICTO. The final results of the exam are not yet established. There are different scenarios. In w_1 , *X* wins, in w_2 , the winner is *Y*, in $w_3 - Z$. *V* is monitoring the situation, but he is ready to meet any winner.

The upshot is that in the context of desire, the Interpreter (*Y*) restores the mental state of the Subject of Desire (*X*) in opting for a *de re* or *de dicto* reading. If the Interpreter attributes to *X* *the interest* to the identity of the object of desire, it is *de re*. If the Interpreter attributes to *X* *the indifference* to the identity of the object of desire, it is *de dicto*. The metalinguistic term 'indiffe-

rence' corresponds to two cognitive states — the *non-involvement* in the process, cf. (22), or the *firm will not to change one's plan*, cf. (23). In both cases, the choice of *de dicto* versus *de re* reading on behalf of the Interpreter can be considered her *mental act*. Therefore, the epistemic state of *Y*, who checked the *X*'s belief report and assigned it the status of *de dicto* or *de re*, should also be reconstructed by some *Z*, and so on.

4. Approaching *res* and *de re*

4.1. Semantic complexity of *de re* claims

It is plausible that *de dicto* and *de re* are umbrella terms for non-homogeneous language data from diverse fields, in which the two types of attitude reports can be viewed as opposed. From the viewpoint of naïve interpretative semantics, the opaque contexts with an indefinite or ambiguous phrase in the embedded clause favour *de re* readings, while *de dicto* readings like *X*-s interest to a non-referential girl seem made-up. Formal semantics explains how the logical form⁸ of the sentence (hence, *LF*) and its syntax are generated. From a derivational perspective, it is convenient to set *de dicto* as the default, since it is simpler to obtain the *de re* readings by moving the quantifier to the matrix clause. As Tiskin (2021, p. 4) points out, under the scope approach to intensionality *de dicto* is the default option as the attitude verb scopes over the attitude clause.

I work out the insight that *de re* readings do not only contribute to the description of *res* in the actual world, but apply to *res* in accessible possible worlds: the latter in the *de re* perspective are considered *as if they were real*, i. e. as the worlds of evaluation. This applies to the substitution of the co-designating terms in fictional worlds. A statement that *Clark Kent* and *Superman* are the same character *de re* does not differ from the statement that *Hesperus* and *Phosphorus* are the same celestial body. The *de re* problem does not boil down to the interpretation of names, e. g. *Paderewski* in the opaque contexts⁹. What matters is the attitude towards describing the things (*res*) in some world *as they are there*. But what actually makes that world real? — It is the accessibility route to other worlds. If Ivar utters an identity sentence *Andrej and Elena's husband are the same person*, and adds a verification marker like *actually*, he makes a statement that *A* and *E's husband* are identical, not just in his world of evaluation but in all worlds epistemically accessible from it¹⁰.

⁸ The term 'LF' is used throughout this paper in the sense of (Harman 1972) and refers to the abstract representation of the sentence that is interpreted according to the provided rules. In philosophy, the term 'LF' is occasionally used as a synonym for 'truth conditions', cf. Kuslij & Veretennikov (2024, p. 191). I share the standard assumption that there are no optional components at the level of LF.

⁹ In Kripke's example, Paderewski the pianist and Paderewski the prime minister inhabit different belief worlds of the attitude holder, who assumes that P. the pianist is musical but P. the prime minister is not.

¹⁰ It is not so easy with the name 'Andrej' and the description 'Elena's husband' if one wants to claim that they are always co-designating in the accessible worlds of the

- (24) DE RE. Ivar: — ^{VER} Andrej and Elena's husband are **indeed** the same person.
 (25) DE RE. $\forall w(R_I(@, w) \rightarrow (Andrew(w) = Helen's\ husband(w)))$

One might object that the accented words like *indeed* are neither logical connectives nor modals but commitment markers that express a high degree of certainty (Krifka 2023), while the verum meaning is concealed in the identity proposition itself. This view should be rejected. If the identity proposition does express the verum meaning, it must be triggered by the operator VER contained at LF. The cross-linguistic observations support the view that VER is always overtly marked by prosody, notably by the placement of the *verum* accent on the verb or copular complement (Yanko 1995; Lohnstein 2018). With the lexically marked VER, the verum accent shifts from the verb to the discourse word marking VER, unless this word is a clitic (Yanko 2001, p. 62)¹¹. In Russian, the verum accent is realised as a reinforced falling contour tagged below as '↘↘' and differs from the default focus accent tagged below as '↘' (Zimmerling 2023a). Following the convention introduced in (Zimmerling 2008), I put the accent tags before the corresponding word form. The syntax of the VER markings is shown in (26); the discourse word introducing VER is boldfaced.

- (26) Russian
- a. Andrej — muž ↘ Eleny. <no VER>
'Andrej is Elena's husband.'
 - b. [^{VER} Andrej — ↘↘ **dejstvitel'no** muž Eleny]. <VER>
'Andrej is **indeed** Elena's husband.'
 - c. Andrej i muž Eleny — odno ↘ lico. <no VER>
'Andrej and Elena's husband are the same person.'
 - d. [^{VER} Andrej i muž Eleny — ↘↘ **dejstvitel'no** odno lico] <VER>
'Andrej and Elena's husband are **indeed** the same person.'

Meanwhile, commitment markers affirming the expectations of the speaker, cf. *razumeetsja* 'of course', *samo soboj* 'as a matter of fact', do not take over the accent in contexts like (27). I tag below the affirmative operator as AFF and boldface the corresponding discourse item. The tag '0X' before the word form reads 'no relevant phrasal accent'.

- (27) Russian
- a. [^{AFF} Andrej — 0**razumeetsja** muž ↘ Eleny]. <AFF, no VER>
'Andrej is, **of course**, Elena's husband.'
 - b. [^{AFF} Andrej i muž Eleny — 0**razumeetsja** odno ↘ lico]. <AFF, no VER>
'Andrej and Elena's husband are, of course, the same person.'

holder. First, one has to stipulate that proper names and descriptions are rigid designators, and the names of different individuals called 'Elena' and 'Andrej' are quasi-homonymous. For the second, one has to ignore the possibility that in some accessible worlds Andrej can be called 'Ferdinand' and Elena — 'the Queen', but the identity of Andrej and the Queen's husband will hold.

¹¹ The same holds for the grammaticalized segmental markers of VER like accented *do* in sentences like [^{VER} Andrej **DID** prove that theorem].

4.2. *De re and de dicto claims with discourse words*

There is a near consensus in linguistic research that firm beliefs, when the speaker is committed to p differ from probabilistic statements introduced by the words like *probably*, *likely*, when the speaker introduces his belief that the likelihood of p is higher than the likelihood of $\sim p$, $P(p) > P(\sim p)$, cf. similar points made by Paducheva (1996, p. 313), Krifka (2023, p. 122) and Krylova (2021, p. 64–82) in the descriptions of Russian, German, and Danish data respectively. However, the meaning of high certainty can be interpreted differently: Von Wright (1962) classifies it with epistemic probability, while Ayer (1964) and Dmitrovskaja (1988) classify it with epistemic necessity. I attempt to harmonise these accounts by assuming that *AFF* markers express necessity only in the belief worlds of the holder, while *VER* markers introduce *de re* claims about the actual world.

(28) MODAL FORCE GENERALIZATION. *VER* markers express necessity in @, *AFF* markers express epistemic possibility in @, or epistemic necessity in the belief world of the holder.

There are reasons to think that *VER* describes *res* in the whole model set: the speaker excludes $\sim p$ in all accessible possible worlds. Unwarranted beliefs and failed attempts at verifying p exist both from the perspective of science and common sense. However, the language ontology is different, since verification as a type of *c(ommunicative)-meaning* is, in a way, infallible. Even if the Interpreter does not share the holder's belief that he verified p , the attitude containing *VER* does not disappear in oblique and counterfactual contexts. In the following, I label the *VER* sentences 'de re claims'.

(29) Russian

a. DE RE CLAIM. Ivar (naivno) verit v to, [^{VER} čto Andrej i muž Eleny – **✗✗** **dejstvitel'no** odno lico], ne imeja dokazatel'stv.

'Ivar (naïvely) believes [^{VER} that Andrej and Elena's husband are **indeed** the same person], without any proof.' \rightsquigarrow Andrej and Elena' husband may be the same person at @.

b. DE RE CLAIM. [^{VER} Esli by Rassel **✗✗** **dejstvitel'no** ne čital Frege], ego sobstvennaja teorija byla by menea posledovatel'noj.

'[^{VER} If Russell **indeed** has not read Frege], his own account was less consistent.' \rightsquigarrow Russell read Frege at @.

Conversely, the *AFF* markers' capacity to embed is degraded. They are blocked in counterfactuals and only marginally possible in oblique contexts¹². If the attitudes with *AFF* are licensed in the embedded clause at all, the *AFF* markings either belong to the reported speech of the holder or rep-

¹² This condition is often neglected, since most authors only mention the ill-formedness of problematic modals in the protasis part but keep silent about *AFF* words. E.g., Krifka (2023, p. 128) says: "...the protasis part of conditionals, which is naturally interpreted as referring to a proposition, hence a TP, does not easily allow for epistemic adverbials, in contrast to epistemic adjectives".

resent a similar attitude expressed by the Interpreter towards the holder. In the following, I label the attitudes containing *AFF* ‘de dicto claims’ and use superscripts to identify the holder.

(30) Russian

a. DE DICTO CLAIM. [INTERPRETER^x: Ivar^y estestvenno^x sčitaet, [čto Andrej i muž Eleny, *₀estestvenno^{x,y} odno lico]].

‘Ivar naturally believes that Andrej and Elena’s husband are *naturally the same person.

b. *Esli by Rassel ₀razumeetsja ne čital Frege...

Int. ‘If Russell, **of course**, has not read Frege...’

Paduceva (1996, pp. 200, 318), sticking to Russell’s term, dubs modal discourse words ‘egocentrals’, i.e. elements projecting the speaker’s attitude and divides them into *primary* and *secondary*: the former are only licensed in the 1st person reports, while the latter are also licensed in the 3rd person. *AFF* words overtly pattern with the last group but are primary egocentrals in disguise, since they are blocked in reports pertaining to the beliefs of other people. If *X* says ‘certainly^x *p*’, he asserts that *p* is fulfilled in the actual world, but as *AFF* words incl. *certainly* are anti-veridical, they are deleted in *Y*’s reports: **X* believes that certainly^{x,y} *p*. Meanwhile, *VER* words are either not egocentrals or secondary egocentrals. Therefore, the reports like *X* believes that indeed^{x,y} *p* are not anomalous, and the information that *X* raised a *re* claim that *p* holds at the actual world is not redundant.

The Interpreter is not obliged to agree with anyone claiming that he verified *p* in the actual world, but if she preserves the *VER* marker, she necessarily confirms that that person did not just express his ‘opinion’ or ‘commitment’ but raised the claim that he verified *p* in *his* world of evaluation. This factor contributes to a broad distribution of the *VER* markers, which are attested both in root and embedded clauses in indicative and non-indicative sentences, cf. Zimmerling (2023b, pp. 141–145). A philosopher may find the omnivorous behaviour of the *VER* markers puzzling, but the discrepancies between formal and natural languages notwithstanding or rather owing to them, *de re* claims provide a bridge from classical *de re* reports like those discussed in sections 2 and 3, where the role of the attitude holder is essential to the statements of quantified modal logic.

5. The semantics of verification

In this section, I sketch two alternative analyses of verification as an LF component.

5.1. The communicative status and the puzzles of verification

VER as a type of language meaning is part of the strictly limited set of *c*-meanings obligatorily marked by prosodic and segmental cues and involved in systemic information-structural relations. The list of currently acknowledged *c*-meanings includes theme (topic), rheme (focus), contrast, emphasis,

and discourse incompleteness (Yanko 2001). Following Lohnstein (2018), I assume that *verum focus* is a subset of focus: sentences with the overtly marked focus may but must not add overt *VER* markings. A competing approach, according to which *verum* and focus are independent values, is advocated in Gutzmann et al. (2020). Following Yanko (1995), I treat contrast and emphasis as second-order *c*-meanings that modify the basic first-order meanings of theme and rheme. The conventional meaning of contrast is associated with the selection of one element against the background of a Hamblin set, that is, an exhaustive set of relevant alternatives. By contrast, the conventional meaning of emphasis is more accurately understood as the speaker's evaluative stance, expressing strong feelings triggered by the violation of an expected norm (Yanko 2001, pp. 64–65). Unlike emphasis, verification is based on Hamblin semantics and can be analysed as a special case of contrast as long as the speaker makes a choice on the set of two exhaustive alternatives, *p* and $\sim p$, and picks *p*. The same holds for the dual meaning of *falsification*, when the speaker opts for $\sim p$. Mind that under the outlined approach, *c*-meanings not marked overtly at the level of Phonetic Form (PF) do not exist. This is not an a priori claim but a posteriori generalisation based on the previous linguistic research.

Let us now highlight four contexts where the use of *VER* markers deviates from the use of the term 'verification' in the language of science. These cases are relevant for the assessment of Ayer's (1964) theory, which attempts at implementing the scientific notion of verification in the analysis of attitudes and to the works of his followers who distinguish two kinds of attitudes dubbed 'belief-and-opinion' versus 'belief-and-assessment' and link them with different putative verbs (Dmitrovskaja 1988, p. 16). The *belief-and-opinion* class hosts probabilistic statements about the likeness of *p* based on the rational knowledge, while the *belief-and-assessment* class hosts vague statements that cannot be verified (Zaliznjak 2006, p. 190).

The distribution of *VER* markers compromises the Ayerian approach as all propositions uniformly pattern with the vague belief-and-assessment class. In other words, the *VER* operator does not discriminate any kinds of embedded propositions. This effect is puzzling if one assumes that *VER* markers ascribe some mental state to the holder, e.g. 'infallible belief' or 'the feeling of happiness after the successful attempt at verifying *p*', etc. It is, however, predictable if *VER* sentences are modal, as modal operators are not truth-functional, and modal sentences can be true in the case the embedded proposition is false (Veretennikov 2008, p. 35).

5.1.1. Indifference puzzle

The *VER* marker can take any proposition, e.g. a subjective assessment with the predicate 'be a scoundrel', cf. (31). I put the matrix clause with the propositional verb in brackets and boldface the lexical *VER* marker.

- (31) DE RE CLAIM. <Ja utverđdaju, što> [VER Vasja **indeed** ne negodjaj].
<I claim that> [VER Vasja is **indeed** a scoundrel.]

The same holds for vague statements that lack a conventional interpretation. In 1957, Noam Chomsky constructed the example *Colourless green ideas sleep furiously* to show that well-formed sentences can be nonsensical. In 1959, Roman Jakobson argued that this sentence is interpretable as part of some real-life text. The sentence (32) introduces a *de re* claim that colourless green ideas exist at @: the Interpreter may support this claim by using a factive matrix verb, *prove* or reject it by opting for a non-factive verb like *imagine* instead.

(32) DE RE CLAIM. <ROMAN DOKAZAL ČTO> [VER Bescvetnye zelenye idei **dejavitel'no** jarostno spjat].
<ROMAN PROVED THAT> [VER Colourless green ideas **indeed** sleep furiously.]

The context (33) can, with some provisos, be considered neutral regarding the truth of *p* as it refers to a dispute between two scholars. Meanwhile, *p* in some cases is set as false. The common conversational background of most people contains the proposition that the Earth is not flat, which does not prevent the dissidents from claiming the opposite *de re*.

(33) DE RE CLAIM. <KAJRI VERIT V TO, ČTO> [VER Zemlja **dejavitel'no** ploskaja].
<KYRIE BELIEVES THAT> [VER The Earth **indeed** is flat.]

The *VER* marker can also be added to a contradictory or absurd sentence like (34).

(34) DE RE CLAIM. <EST' MNENIE, ČTO> [VER Irracional'nye čisla **na samom dele** racional'nye].
<THERE IS AN OPINION THAT> [VER Irrational numbers are **actually** rational.]

Earlier philosophers would discard (31)–(34) as loose talk, while their modern colleagues acknowledge loose talk as a research object, cf. Dinges (2024) and define it as deliberate loosening of the truth conditions or deviation from the canonic uses of language expressions. This applies to the Jakobson example (32), which involves a deliberate violation of selectional restrictions. Meanwhile, there is no loose talk in (31), (33), and (34): the mistakes in (34) and (34) are factual and logical but not linguistic.

5.1.2. Counterfactual puzzle

A striking feature of *VER* words is that many of them are licensed in counterfactuals and combine with the irrealis markers, cf. Zimmerling (2023b) for Old Russian. Let us introduce the dual operator *FALS* for the falsification sentences and consider a pair of counterfactuals (44a-b), where the *VER/FALS* word is in the protasis part. In this case, the falling verum accent '↘' expected in the root sentence shifts to the rising accent '↗' that differs from the neutral rising accent '↗'.

(35) FALS (*p*) ↔ VER (~ *p*)

(36) Russian

a. DE RE CLAIM. [^{VER} Esli by Vasja **dejstvitel'no** ljubil Katju], on by podaril ej cvety.

'[^{VER} If Vasja **really** loved Kate], he would give her flowers' \sim Vasja does not love Kate at @ & Vasja did not give Kate flowers at @.

b. DE RE CLAIM. [^{FALS} Esli by Vasja **dejstvitel'no** *ne* ljubil Katju], on by *ne* podaril ej cvety.

'[^{FALS} If Vasja **really** *didn't* love Kate], he would *not* give her flowers' \sim Vasja loves Kate at @, & Vasja gave Kate flowers at @.

The licensing of *VER* and *FALS* in (36a-b) lends a linguistic argument to D. K. Lewis' metaphysics (1973) that counterfactual utterances are true in the sense that it is the case in another world that such a thing occurred¹³. Note that *de dicto* claims with *AFF* are invariably blocked here.

5.1.3. Confirmation puzzle

The verified proposition necessarily gets the status of *fact*, i.e. infallible truth in the holder's world of evaluation. The person who utters a *de re* claim is its guarantor. Meanwhile, the sentence containing a *VER* word is not factive. The Interpreter can support the holder's claim by putting it into a factive shell, by saying *I know that* [^{VER} Roman indeed proved *p*], or *Roman proved that* [^{VER} *p* indeed holds] \sim *p* holds at @. But she can also refute his claim by using an implicative verb and adding her own nominations, like *erroneously*, cf. *Roman (erroneously) imagines that p* \sim *p* does not hold at @, or remain neutral, cf. *Roman says that p* \sim *p* or \sim *p*. A further complication is that facts as logical truths are atemporal (Arutyunova 1988, pp. 152–168), even though the content proposition describes a spatiotemporal event and the verification attempt is an event in space and time. Cf. *In 1959, when Roman was in New York, he proved that [the green ideas sleep furiously]* \equiv the green ideas exist and have a confirmed property of sleeping furiously & Roman proved that in 1959 while being in N.Y, or even: *In 1959, Roman proved that [the green ideas slept furiously in 1959]* \equiv the green ideas **existed** and **slept** furiously in 1959, & Roman proved that in 1959. The upshot is that the factive status of the *VER* sentence that *X* really succeeded in proving *p* is not preserved in the embedding, while the reference to the spatiotemporal event, where *X* raised the corresponding *de re* claim, is not lost.

5.1.4. Framing puzzle

As long as a sentence with *VER* describes *res* in an accessible world, it can be framed by a *de dicto* sentence with a hypothetical modal like *assume* or *probably*. The sentences (37a-b) express the meaning 'It must have really rained, since there are raindrops on the shoes'.

¹³ However, I do not see linguistic arguments in favour of Lewis' central claim that accessible worlds are inhabited by our 'counterparts' and not by the same individuals that inhabit the actual world,

(37) Russian

a. [\diamond Ja dopuskaju, čto [^{VER} dožd' i $\searrow\searrow$ pravda prošël]]: na botinkax kapli.

'[\diamond I assume that], [^{VER} it really rained]: there are drops on the shoes.'

b. [\diamond Naverno, [^{VER} dožd' i $\searrow\searrow$ pravda prošël]]: na botinkax kapli.

'[\diamond Probably], [^{VER} it really rained]: there are drops on the shoes.'

Mind that the higher lying hypothetical operator must scope over *VER* (*assume* > *really*; *probably* > *really*). It does not belong to the embedded argument, and the combinations **really* > *assume*, **really* > *probably* are ruled out. The degree of certainty does not matter. The same condition holds for *de dicto* claims with *AFF*, cf. the anomalous examples with ^{AFF} *razumeetsja* 'certainly', 'of course'.

(38) Russian

a. * [^{VER} dožd' i $\searrow\searrow$ pravda ^{AFF} *razumeetsja* prošël].

int. *'it really, of course, rained.'

b. [^{VER} dožd' ^{AFF} *razumeetsja* i $\searrow\searrow$ pravda prošël].

int. *'it of course really rained.'

5.2. Negation and modal operators

A sentence with *VER* may contain the negation and a subordinate modal. According to (35), *VER* ($\sim p$) \leftrightarrow *FALS* (p). However, *VER* ($\diamond p$) is not equivalent to \diamond *VER* (p). It is intuitively clear that the sentence *Vasja dejstvitel'no MOŽET gnut' podkovy* 'Vasja CAN really bend horseshoes' is not synonymic to *VOZMOŽNO, čto Vasja dejstvitel'no gnet podkovy* 'It is POSSIBLE that Vasja really bends horseshoes'. The Russian verb *možet* can express different flavours. In this pair of sentences, it has the meaning of internal possibility, which is not characteristic of the adverb *vozmožno*. I provide an extra context where this disturbing effect is absent. The variant (39a) has the weak modal *vozmožno* 'possible', the *VER* word *dejstvitel'no* in the root clause, and the infinitival clause introducing the proposition p . In (39b), the structure of (39a) is embedded to the matrix predicate *verno* 'it is true that'. In this case, the weak modal *vozmožno* ends up in the embedded clause, while the *VER* word *dejstvitel'no* can be placed in the matrix clause: a copy of this *VER* word can optionally be pronounced in the embedded clause.

(39) Russian

a. [^{VER} [_{InfP} Otozvat' zajavku] **dejstvitel'no** ^{\diamond} *vozmožno*]].

'[^{VER} It is really ^{\diamond} possible [_{InfP} to withdraw the application]].'

b. [^{VER} **dejstvitel'no** verno, [_{CP} čto [_{InfP} otozvat' zajavku] (**dejstvitel'no**) ^{\diamond} *vozmožno*]].

'[^{VER} It is really true [that it is ^{\diamond} possible [_{InfP} to withdraw the application]].'

The truth value of (39a-b) is identical, since according to the Modal Force Generalisation (30), *VER* markers express necessity, and \square ($\diamond p$) \rightarrow $\diamond p$. The interpretation of (39a) could be either (40a) or (40b), but only (40a) is the correct paraphrase.

- (40) a. ^{VER} **Dejstvitel'no verno**, čto p ([◊]*vozmožno* (otozvat' zajavku)).
 'It is **indeed** true that p (it is possible (to withdraw the application))' $\rightsquigarrow p$
 b. # [◊]*Vozmožno*, čto ^{VER} **dejstvitel'no verno**, čto p ([◊]*vozmožno* (otozvat' zajavku)).
 'It is [◊]*possible* that it is indeed true that p ([◊] it is *possible* (to withdraw the application))' $\rightsquigarrow p \vee \sim p$

The problem is that the *VER* meaning holds only with the order *VER* >, but gets lost if the weak modal lies higher than *VER*. To put it differently, it is impossible to extract the weak modal from the embedded proposition *VER* ($\diamond p$) and raise it above *VER*, since there is no licit rule like $*VER (\diamond p) \rightarrow \diamond (VER (p))$.

5.3. Two models of verification

Verification as a *c*-meaning can be modelled in two ways. According to the first one, it is a degraded case of contrast, where the choice is made on the exhaustive set of two alternatives, p or $\sim p$ (Yanko 2001, p. 61). This approach can be dubbed 'extensional' or 'Hamblin-style' in honour of Hamblin, who introduced exhaustive sets to linguistics. On this account, a verified sentence does not contain the link to the spatiotemporal situation, where some X raised a claim that he verified p , e.g. that the Earth is flat or green ideas exist.

- (41) HAMBLIN-STYLE VER. The *c*-meaning of verification is triggered by the one-place operator *VER*, which takes a propositional argument and is overtly marked at PF by prosodic and lexical cues. The speaker makes a choice on the set $\{p; \sim p\}$ and picks p (verification proper) or $\sim p$ (falsification). The speaker is the guarantor of verification.

The second account explores the idea that any *VER* sentence contains a link to a real-world situation, where some X raised a *de re* claim (Zimmerling 2023a, p. 111–112). This approach can be dubbed 'intensional' or 'Davidson-style' in honour of Donald Davidson, who created the ontology of events.

- (42) DAVIDSON-STYLE VER. The *c*-meaning of verification is triggered by the one-place operator *VER*, which takes a propositional argument and is overtly marked at PF by prosodic and lexical cues. The speaker chooses the set $\{p; \sim p\}$ and picks p (verification proper) or $\sim p$ (falsification). The speaker is the guarantor of verification. Each sentence containing overtly marked *VER* or *FALS* contains a reference to a spatiotemporal verification event in the actual world @, where some X raised a *de re* claim about @ or possible worlds accessible from @.

For most linguistic purposes, the choice between (41) and (42) is not critical, but since I discuss *res*, I adopt the Davidsonian approach.

5.4. Cross-linguistic parallels and language theory

Gutzmann et al. (2020) address *verum* constructions in several non-Indo-European languages compared to German. The title of their paper echoes Lohnstein (2018) and claims that *VER* is not a subset of focus but an independent *c*-meaning. Neither Lohnstein nor Gutzmann consider lexical *VER* markers. Contrariwise, Krifka (2021; 2023) who develops a layered model of the speech act does not comment on the prosody of discourse items but tries to explain their meanings by the positions they take in the structure consisting of three layers above the propositional layer: these layers are called *judgments* (associated with the JP phrase in syntax), *commitments* (associated with the CompP) and *acts* (associated with the ActP). Each layer hosts a different group of discourse words. *Judgment modifiers* are epistemics and evidentials, while *commitment modifiers* are expressions that “turn proposition ϕ into a propositional function that the speaker x is publicly committed to in world i to ϕ ” (Krifka 2023, p. 122). Finally, *act modifiers* are expressions like Ger. *offen gesagt* ‘frankly speaking’ specifying certain aspects of the speech act. Regarding commitment markers, Krifka says that they “modify the strength of the commitment and hence may be called “affirmatives” (Ibid., p. 139). This category roughly overlaps with our *AFF* class, but Krifka puts there both *AFF* items like Ger. *ganz sicher* ‘certainly’, *echt* ‘seriously’ and some accented *VER* words like *wirklich* ‘really’, based on some word order tests. However, other *VER* markers like *tatsächlich* ‘in fact’, *in der Tat* ‘indeed’, *in Wirklichkeit* ‘in reality’ do not match these tests, and Krifka admits that he cannot list them as commitment modifiers (Ibid., p. 146). I won’t discuss the merits and drawbacks of Krifka’s cartographic analysis, but state that classifying *AFF* and *VER* words with one group is not based on semantic criteria. Paducheva (1996, p. 313; 2016, p. 81) mentions a class of Russian discourse words marking that the expectations of the speaker were met and lists five items: *konečno* ‘certainly’, *estestvenno* ‘naturally’, *razumeetsja* ‘of course’, *dejstvitel’no* ‘really’, *v samom dele* ‘in fact’. This is not an accurate description. The first three items are *AFF* words that do not indicate that the speaker verified p or attempted at it, they just tell that p was expected. The last two items are *VER* words that do not necessarily imply that p was expected or mentioned earlier; they just tell that p was verified. Along similar lines, Krylova (2021, p. 62–80), who addresses Danish modal particles, distinguishes between ‘problematic modals’ (= Krifka’s judgments) versus ‘affirmative modals’ (= Krifka’s commitments) and puts Danish *AFF* and *VER* words in the same class.

If the *VER* meaning is universal, it makes sense to check whether the distinction of *AFF* and *VER* words is cross-linguistically stable. These issues are discussed by Zimmerling & Baiuk (2025), who experiment with translating 17 Russian *VER* words and *AFF* words into 9 target languages. The stimuli sentences were translated by humans, MT systems, and LLMs. The correct analysis of the stimuli boils down to recognising them as *de re* claims versus *de dicto* claims. The translation itself amounts to a triple task: 1) recognising

the *VER* | *AFF* insertion in the stimulus; 2) extracting the correct operator; 3) providing a valid equivalent from the set of *de re* or *de dicto* words in the target language. This is shown in (43); the symbol W^{VER} stands for the set of all discourse elements containing *VER*, ‘SL’ stands for the source language, and ‘TL’ for the target language.

$$(43) w_i \in \{_{SL} w_1, w_2 \dots w_n\}^{DE RE} \Rightarrow W^{VER} \Rightarrow w_j \in \{_{TL} w_1, w_2 \dots w_n\}^{DE RE}$$

The results show that the translators preserved the contrast of *VER* and *AFF*, despite the class of *VER* words in all target languages turned out to be smaller than in Russian. The distributional independence of *VER* and *AFF* operators supports their universality.

6. Discussion: *VER* and the actual world(s)

I argued that the standard theory of *de re* and *de dicto* reports should be complemented by the analysis of *de re* claims that the proposition p holds at the actual world, and X verified p in the actual world. *De re* claims are triggered by the one-place operator *VER*, which is present at LF and obligatory marked by the special prosody at PF labelled ‘verum focus’. *VER* can also be marked lexically by the words taking over the verum accent. The sentences with lexically and non-lexically marked *VER* are synonymous, cf. [^{VER} *Vasja LOVES Kate*] and [^{VER} *Vasja REALLY loves Kate*] both convey that the speaker confirmed that V loves K at @ and rejected the hypothesis that he does not. The lexical *VER* markers are involved in a regular contrast with the discourse words containing the *AFF* operator and introducing *de dicto* claims that p is true in all belief worlds of the holder. *AFF* sentences express a high degree of certainty. It is unlikely that *VER* sentences describe any mental state, but they introduce *de re* claims that p necessarily holds at the actual world, where any potential Interpreter lives.

De dicto claims with *AFF* are generally deleted in the embeddings, as the information that some X at some point was sure that p is of minor relevance for the valuation of p in the set of worlds accessible from the actual world. Meanwhile, *de re* claims with *VER* may be preserved here, since the X 's attempt to verify p is an event at the actual world. Assume that Bill accepts Roman's theory of colourless green ideas. Bill can utter (i) or (ii): (i) $BILL^x$: [^{AFF} *ROMAN^y surely^x proved [that green ideas *surely^{x,y} exist]*]; (ii) $BILL^x$: [^{VER} *ROMAN^y (indeed^x) proved [that green ideas indeed^{x,y} exist]*]. In (ii), the lower *indeed^{x,y}* in the embedded clause can be associated both with the holder (Roman) or the speaker (Bill), but as *de re* claims are about the actual world, the index does not matter. The higher *indeed^x* in the matrix clause is unambiguously associated with the speaker. The same holds for the higher *surely^x* in (i) introducing the *de dicto* claim: it is unambiguously associated with Bill, not Roman. However, the *AFF* word *surely* in (i) is Bill's own nomination, not Roman's, despite both of them allegedly believing in the same things. Therefore, Bill cannot put *surely* in the embedded clause and ascribe his own attitude to Roman. Let us now assume that Mary is sceptical both toward Ro-

man's theory and Bill's skills. She can utter (iii), but not (iv): (iii) MARY^x: [VER BILL^y (*indeed*^{x,y}) believes [VER that ROMAN^z *indeed*^{x,y,z} proved the existence of green ideas]]; (iv) MARY^x: [AFF BILL^y (*surely*^y) believes [AFF that ROMAN^z **surely*^{x,y,z} proved the existence of green ideas]]. The reason is that any attempts at verifying p are part of the actual world: the encyclopedic sources tell that Roman published his *de re* claim about green ideas in 1959, and while we do not know when Bill joined him, the VER sentence infers that Bill's own *de re* claim must have (spatio) temporal characteristics in @ too. The upshot is that AFF words are transparent for the interpretation but normally do not embed, while VER words are opaque but embed and project a chain of *de re* claims as in (iii), where the lower *indeed*^{x,y,z} is felicitous on each of the three available indexes (Roman^z, Bill^y, and Mary^x). It is therefore not surprising that the distinction of VER and AFF words holds in translation.

The omnivorous behaviour of the VER words that are licensed in root and embedded sentences in realis and irrealis contexts does not pose a threat to the outlined theory. Moreover, it supports the view that VER words pattern with strong modals and not with verbs describing mental states: a modal statement can be true even though the proposition is false. VER and AFF words apparently have mutually-exclusive characteristics: the former bring about factive presuppositions about *res* and describe logical operations but not mental states, while the latter do not bring about any *de re* presuppositions, and describe mental states but not logical operations. Adding into consideration the third group of discourse modals, Krifka's 'judgment modifiers' yields a more complicated picture: PROB words as *likely*, *probably* bring about likelihood presuppositions that $P(p) > P(\sim p)$ in @ and describe logical operations, i.e. calculating of subjective probabilities (Von Wright 1962), while it is a matter of agreement, whether PROB words associated with guesses, hypotheses and conjectures ascribe some mental state to the attitude holder. For the sake of clarity, I assume here that they do not.

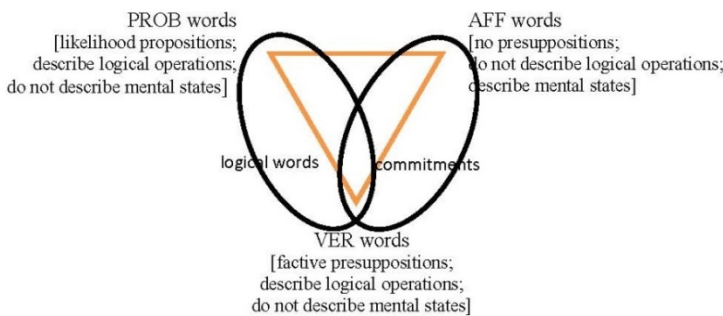

Fig. Three classes of discourse modals and the *de re* versus *de dicto* distinction

Let us now turn to two puzzling consequences from the proposed semantics. One is that in our system, $VER(p) \rightarrow p$, but p does not entail $VER(p)$. Another one is the interaction of VER with IRR, whereby p does not hold at the actual world. At the first step, I remind that according to 5.1.4 and 5.2 the IRR operator, like other non-veridical operators, cf. PROB, AFF, or the yes-

no operator ‘ $?_{Y/N}$ ’ must lie higher than *VER*, and the opposite order $*VER > > IRR$, cf. $*VER$ (*probably* (p)), $*VER$ (*certainly* (p)), $*VER$ ($?_{Y/N}$ (p)) is illicit¹⁴. This poses a dilemma: a) either *VER* takes bare propositions that do not embed in any speech act structures, including *IRR* and other non-veridical markers; or b): the absence of the non-veridical operators is due to the presence of a veridical operator that blocks them. I opt for b) and assume that *VER* takes propositional arguments led by the *actuality operator* *ACT* containing a direct (Crossley, Humberson 1977) or indirect (Rebuschi, Tulenheimo 2011) link to the actual world. Thus, we arrive at the layered structure (44).

(44) $IRR (VER (ACT_{@} (p)))$.

According to Rebuschi and Tulenheimo (Ibid., p. 17), *ACT* is a deictic operator similar to ‘now’¹⁵. Since my task is to explain why *VER* and *ACT* are not redundant, and *VER* is licensed in the irrealis, I cannot accept their claim that the “actual world has been fixed once and for all” and consider multiple worlds of evaluation compatible with *de re*. At the second step, I introduce the notions of *preverified statement* and *constructed actual world*. A preverified statement is a veridical (in the broadest sense, i.e. *not* marked as anti-veridical¹⁶) sentence that contains *ACT* but not *VER* and does not contain a link to the situation, where some *X* verified p in @.

(45) PREVERIFIED-S. A preverified statement p is a veridical statement led by $ACT_{@}$, which is not linked with any verification event $e_{@}(p)$, where some *X* verified p in @.

The sentences of the form $ACT (p)$ must be preverified. An indicative *VER* sentence like $[^{VER} [^{ACT} \textit{Green ideas actually exist}]]$ on this account conveys the meaning: “The actual world @ is such that green ideas exist in @ & there is a verification event $e_{@}(p)$ for $Act(p)$ in @”. A non-indicative *VER* sentence in the context of *IRR*, cf. $[^{IRR} \textit{If } [^{VER} [\textit{green ideas actually existed}]]]$, [*the*

¹⁴ Mind that the condition $*VER > IRR (p)$ is about anti-veridical operators *above* the content proposition. The Russian yes-no particle *li* is a 2P element, which adjoins to the first accented word at PF but scopes over the *VER* word *dejstvitel’no* at LF. Therefore, the licit yes-no question *dejstvitel’no* LI_{Y/N} (p ili $\sim p$) ‘Whether it **really** is that (p or $\sim p$)?’ is interpreted $|| ?_{Y/N} (VER (p \textit{ or } \sim p)) ||$. However, one cannot ask $*dejstvitel’no p$ LI_{Y/N}? as it sets the illicit scope hierarchy $*VER (?_{Y/N}(p))$.

¹⁵ “a world w_0 (‘the actual world’) has been fixed once and for all... Then... the semantic clause for *ACT* lays down that $ACT \phi$ holds at w iff ϕ holds at the designated world w_0 .” (Ibid.).

¹⁶ Paduceva (2015: 130, 135, 144) identifies non-veridicality with the licensing conditions for the Russian NPI pronouns and emphasises the role of uncertain perception and *PROB* markers like *kažetsja* ‘apparently’, *edva li* ‘hardly’. De Marneffe et al. (2012) treat the veridicality effects as context-dependent and postulate four veridicality values – ‘certain’ (CT), ‘probable’ (PR), ‘possible’ (PS), and ‘underspecified’ (Uu). I concur with Paduceva in that veridicality should be preferably analysed as a semantic feature, but take de Marneffe et al. point that the CT+ value regularly corresponds to the Uu value of the Interpreter (Ibid., pp. 305, 316). Thus, their Uu category overlaps with our $ACT (p)$, i.e. preverified sentences.

daltonics were disturbed]], conveys a more complex meaning. I skip the interpretation of the apodosis part and interpret the protasis as: “the actual world @ is such that green ideas do not exist in @ & there is no verification event $e_{@}(p)$ for $ACT(p)$ in @ & there is an accessible possible world w , such as green ideas exist in w & there is verification event $e_w(p)$ for $ACT(p)$ in w ”. This formula captures the observation that counterfactuals require veridical components, i.e. $ACT(p)$. Indeed, $PROB$ and AFF operators are ruled out here, cf. anomalous attempts to insert them in $*[IRR\ If\ [PROB\ green\ ideas\ probably\ existed]...]$, $*[IRR\ If\ [AFF\ green\ ideas\ certainly\ existed]...]$ etc.

(46) VERIDICALITY HYPOTHESIS. Irrealis sentences contain a mirror image of the actual world and require veridical components, i.e. preverified sentences, $ACT(p)$ or verified sentences, $VER(ACT(p))$.

The accessible possible world, where $ACT(p)$ can be verified, is a *constructed actual world*:

(47) CONSTRUCTED ACTUAL W. A world $w^@$ is a constructed actual world accessible from @, which is called into existence as the mirror image of @ in the irrealis contexts and preserves the veridical status of the negative counterparts of $ACT(p)$. If there is a falsification event for p in @, there is a verification event for the same proposition in $w^@$.

The diagnostics of lexical VER markers is easy: the theory predicts them to be accented words licensed in root and embedded sentences in the absence of non-veridical AFF and $PROB$ operators in the scope of VER but above the content proposition, $*VER(AFF/PROB(p))$. From the viewpoint of PF, it is VER that blocks subordinate AFF and $PROB$ operators: if the speaker already has a lexical VER marker like Eng. *indeed, really, in fact*, Russ. *dejstvitel'no, na samom dele*, she cannot insert AFF or $PROB$ words like *certainly, probably* in the embedded structure. From the perspective of LF, it is rather non-veridical AFF and $PROB$ words that block the higher lying VER operator. This is exactly what formal semantics and related theories tell: semantic (and syntactic) structure is generated from below, bottom-to-top (Montague 1970). I argued that the absence of overt AFF and $PROB$ markers in veridical sentences is due to the presence of a covert veridical operator that can be straightforwardly identified with Crossley & Humberson's ACT operator. This step provides a key to a uniform account of *de re* and *de dicto* claims.

(48) ACTUALITY GENERALIZATION. All reports claiming that p holds at the belief worlds of the holder (*de dicto*) or in the actual world (*de re*) require veridical complements. *De dicto* claims pattern with preverified sentences, i.e. $ACT(p)$, *de re* claims pattern with verified sentences, i.e. $VER(ACT(p))$.

Recall that AFF words are anti-veridical in the oblique speech but infer $AFF^x(ACT^x(p)) \rightarrow p$ in the belief world of the holder. Suppose that Bill believes that Roman played a chess game with Paul Morphy last night. The doctor does not know that Paul Morphy died in 1884, and there is no chess

game event (*r, pm, last night*) in @. She remains neutral to Bill's claim but cannot say **Bill believes that Roman, of course, played a chess game with PM*, although Bill is in fact sure that *p*.

(49) Russian

DE DICTO. DOKTOR^x: [ACT Billy verit v to, [ACT čto Roman *AFFkonečno^{x,y} /*PROB naverno^{x,y} prošloj nočju igral v šaxmaty s Polom \Morfi]].

'THE DOCTOR^x: [ACT Billy believes [ACT that that Roman *AFFof course^{x,y} /*PROBprobably^{x,y} played^{x,y} chess with Paul Morphy last night]]' ~ *p* ~ ~ *p* in @.

The same condition holds for counterfactual sentences evaluated both in @ and *w*@.

(50) Russian

COUNTERFACTUAL. *Ešli by Roman *AFFkonečno^{x,y} /*PROB naverno^{x,y} igral s Polom Morfi....

Lit. '*If Roman AFFcertainly, PROBprobably played with Paul Morphy...'

Int. 'If it were AFFcertain/PROBprobable that R played chess with PM...'

Rebuschi & Tulenheimo (2011, p. 5) mention that the contrast of knowledge and belief matters for the assessment of *de re*, *de dicto*, and their third category of *de objecto*, i.e. things existing only in belief worlds of the holder. It does, but only for the Interpreter and not for the holder who may imagine that he proved *p* in @. The doctor may support Bill's claim that *p* holds at @ by adding her own nominations, e.g. factive verbs *know*, *establish*, or *prove* to the matrix clause or remain neutral as in (51a). Mind that (59a-b) contain similar inferences despite the fact that there is a verification event for Bill's claiming that *p* holds at @, and no verification event for Roman's game with Paul Morphy in @.

(51) a. DE RE. THE DOCTOR^x: [VER [ACT Billy indeed^x believes that [PREVERIFIED ACT Roman played a chess game with Paul Morphy]]]. ~ there is a verification event at @ for Bill's claiming that *p* holds at @ & *p* can be true or false at @.

b. DE DICTO. THE DOCTOR^x: [PREVERIFIED ACT Billy believes that [DE RE [VER [ACT Roman^y indeed^y played a chess game with Paul Morphy.]]]] ~ there is no verification event in @ for Bill's claiming that *p* holds at @ & *p* may be true or false at @ & Bill believes that he proved *p* at @.

Another way of confirming that *X* raised a *de re* claim in @ without verifying the content proposition is to insert adverbials like *surprisingly* into the matrix clause. The difference between (51a) and (52) is that the latter does not contain any word like *indeed*, for which *VER* is part of its assertive meaning. Therefore, I classify (52) with *de dicto*.

(52) DE DICTO. THE DOCTOR^x: [PREVERIFIED ACT Billy surprisingly^x believes that [PREVERIFIED ACT Roman played a chess game with Paul Morphy]]. ~ there may be a verification event in @ for Bill's claiming that *p* holds at @ & *p* may be true or false at @ & it is surprising that Bill believes in *p*.

Finally, the Interpreter may falsify the holder's report by adding the word *wrongly* to her clause. This makes her own speech act a *de re* claim.

(53) DE RE. THE DOCTOR: [FALS [ACT Billy **wrongly** believes [FALSIFIED that [ACT Roman played a chess game with Paul Morphy last night]]]] $\sim p$ is false at @.

A question arises, whether $FALS(p) \leftrightarrow VER(\sim p)$ sentences are necessary or contingent truths in @. The answer depends on the context and the conventions of analysis. If the doctor follows Roman on CCTV and knows that he *did not play* any chess game last night in @, the $VER(\sim p)$ clause in (53) is a contingent truth. If, however, she has encyclopedic knowledge that *no one could play* chess with Paul Morphy last night, it is a necessary truth in *her* belief worlds. But then, a second-order Interpreter who believes that ghost chess players exist in @ and finds the doctor too materialistic may disregard her claim that there is a falsification event for p in @ and assign p a different status.

7. Conclusions

I outlined a semantics of verification motivated by two observations: 1) the VER operator must be realised overtly at PF; 2) the counterfactuals and other sorts of irrealis sentences require veridical components in the protasis part. These intuitions are captured by the formula $VER(ACT(p))$, where the lower operator ACT links a sentence to the actual world and makes it verifiable, while the higher operator VER adds a link to the verification event. Provided that events are spatiotemporal things, i.e. quantified particulars in space and time (Davidson 1970), the VER sentences raise *de re* claims. The lexical VER markers, i.e. discourse words encoding VER as part of their assertive meaning, are in stark contrast to a different class of discourse words containing the operator AFF . The current versions of the commitment theory that place VER words and AFF words into the same class fail to predict the constraint on the use of AFF within the scope of VER , cf. **Roman indeed naturally won the game* also in the irrealis contexts, cf. **If Roman naturally kills the dragon, the doctor will be amused*, **If Roman certainly had three heads, the doctor would be confused*. This constraint shows that AFF words are anti-veridical. For the speaker, 'certainly p ' entails p , while 'probably p ' does not, but the Interpreter refuses to see any ontological commitments here and classifies both sentences with *de dicto* claims pertaining to the belief worlds of the holder. If AFF sentences pattern with *de dicto*, one can no longer claim that *de re* is always semantically and derivationally more complex than *de re* ($de re \supseteq de dicto$), since the $AFF(ACT(p))$ part is not contained in $VER(ACT(p))$ sentences.

Acknowledgements. This paper was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00528P, "Clausal Connectives in Sentence and Discourse: Semantics and Grammaticalization Paths"), carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. I am grateful to the anonymous reviewers, to Daniel Tiskin for his valuable comments, and to Anatoly Liberman, whose inspired translation of Bulygina's verse provided the initial impetus for this paper.

References

- Arutyunova, N.D., 1988. *The types of the language meanings. Evaluation. Event. Fact.* Moscow, 341 p. (in Russ.). [Арутюнова, Н.Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 341 с.]
- Ayer, D.J., 1964. Belief and evidence. In: *Danish yearbook of philosophy*. Vol. 1. Copenhagen, pp. 13–22.
- Benbaji-Elhadad, I., 2023. Preliminaries for a substitution theory of de re. In: *Proceedings of SALT*, 33, pp. 358–378.
- Bogomolova, N., 2024. Indexical shift in Tabasaran. *Natural Language & Linguistic Theory*, 42, pp. 1–52, EDN: QGMGJK, <https://doi.org/10.1007/s11049-023-09584-3>.
- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D., 1994. Evaluative speech acts: an external and internal perspective. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logical analysis of language: The language of speech actions*. Moscow, pp. 49–59 (in Russ.). [Бульгина, Т.В., Шмелев, А.Д., 1994. Оценочные речевые акты извне и изнутри. В: *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. Н.Д. Арутюнова (ред.). М., с. 49–59.]
- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D., 1997. *The language conceptualization of the world. On the basis of Russian grammar*. Moscow, 576 p. (in Russ.). [Бульгина, Т.В., Шмелев, А.Д., 1997. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М., 576 с.] EDN: RBBSFH.
- Burge, T., 1977. De re belief. *Journal of philosophy*, 74, pp. 338–362.
- Carnap, R., 1947. *Meaning and necessity. A study in semantics and modal logic*. Chicago.
- Carnap, R., 1955. Meaning and synonymy in natural languages. *Philosophical studies*, 6, pp. 33–47, EDN: BLESRG, <https://doi.org/10.1007/bf02330951>.
- Charlow, S. and Sharvit, Y., 2014. Bound ‘de re’ pronouns and the LFs of attitude reports. *Semantics and pragmatics*, 7, art. 3, <https://doi.org/10.3765/sp.7.3>.
- Charnavel, I., 2020. Logophoricity and locality: a view from French anaphors. *Linguistic inquiry*, 51(4), pp. 671–723, https://doi.org/10.1162/ling_a_00349.
- Crossley, J.N. and Humberson, L., 1977. The Logic of ‘actually’. *Reports on mathematical logic*, 8, pp. 11–29.
- Davidson, D., 1970. Events and particulars. *Noûs*, 4(1), pp. 25–32, <https://doi.org/10.2307/2214289>.
- de Marneffe, M.-C., Manning, C.D. and Potts, C., 2012. Did it happen? The pragmatic complexity of veridicality assessment. *Computational linguistics*, 38(2), pp. 301–333, 10.1162/COLI_a_00097.
- Dinges, A., 2024. Absolute gradable adjectives and loose talk. *Linguistics and philosophy*, 47(2), pp. 341–360, EDN: OLMAWR, <https://doi.org/10.1007/s10988-023-09399-w>.
- Dmitrovskaja, M.A., 1988. Knowledge and belief: the concept of the world and the concept of the human being. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logical analysis of language: Knowledge and opinion*. Moscow, pp. 6–18 (in Russ.). [Дмитровская, М.А., 1988. Знание и мнение: образ мира, образ человека. В: *Логический анализ языка: Знание и мнение*. Н.Д. Арутюнова (ред.). М., с. 6–18.] EDN: XCBLFH.
- Frege, G., 1892. Über Sinn und Bedeutung. In: *Zeitschrift für Philosophic und Philosophische Kritik*. Vol. 100, s. 25–50.
- Grice, H.P., 1975. Logic and conversation. In: P. Cole and J. Morgan, eds. *Syntax and semantics*. Vol. 3, pp. 41–58.
- Grice, H.P., 1981. Presupposition and conversational implicature. In: P. Cole, ed. *Radical pragmatics*. New York, pp. 183–198.

Gutzmann, D., Hartmann, K. and Matthewson, L., 2020. Verum focus is verum, not focus: cross-linguistic evidence. *Glossa: a journal of general linguistics*, 5 (1), EDN: ZFKHMG, <https://doi.org/10.5334/gjgl.347>.

Hamblin, C., 1973. Questions in Montague Grammar. *Foundations of language*, 10, pp. 41–53.

Harman, G., 1972. Logical form. *Foundations of language*, 9, pp. 38–65.

Haspelmath, M., 1997. *Indefinite pronouns*. Oxford. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198235606.001.0001>.

Hintikka, J., 1969. Semantics for propositional attitudes. In: J. Davis et al., eds. *Philosophical logic*. Dordrecht.

Kaplan, D., 1969. Quantifying. *Synthese*, 19, pp. 178–214.

Kaplan, D., 1986. Opacity. In: L. E. Hahn and P. A. Schilpp, eds. *The Philosophy of W. V. Quine*. La Salle, pp. 229–289.

Kaplan, D., 1989. Demonstratives. In: J. Almog, J. Perry and H. Wettstein, eds. *Themes from Kaplan*. Oxford, pp. 481–563.

Kobozeva, I. M. and Laufer, N. I., 1991. The Semantics of necessity predicates in Russian. *Russistik*, 1, p. 68–76 (in Russ.). [Кобозева, И. М., Лауфер, Н. И., 1991. Семантика предикатов долженствования в русском языке. *Russistik*, 1, с. 68–76.]

Kratzer, A., 1991. Modality. In: A. von Stechow and D. Wunderlich, eds. *Handbuch Semantik*. Berlin; New York, pp. 639–650.

Kratzer, A. and Shimoyama, Y., 2002. Indeterminate pronouns. The view from Japanese. In: Yukio Otsu, ed. *Proceedings of the 3rd Tokyo conference on psycholinguistics*. Tokyo, pp. 1–2

Krifka, M., 2021. Modelling questions in commitment spaces. In: M. Cordes, ed. *Asking and answering: rivaling approaches to interrogative methods*, pp. 63–95. Tübingen, <https://doi.org/10.24053/9783823394808>.

Krifka, M., 2023. Layers of the clause: propositions, judgements, commitments, acts. In: J. M. Hartmann and A. Wöllstein, eds. *Propositionale Argumente im Sprachvergleich / Propositional Arguments in Cross-Linguistic Research*. Tübingen, pp. 116–183, <https://doi.org/10.24053/9783823394105>.

Kripke, S., 1979. A puzzle about belief. In: A. Margalit, ed. *Meaning and use*. Dordrecht, pp. 239–283.

Kripke, S., 1980. *Naming and necessity*. Cambridge.

Krylova, E. B., 2021. *The communicative functions of Danish modal particles*. Moscow, 440 p. (in Russ.). [Крылова, Э. Б., 2021. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М., 440 с.] EDN: OVXVRV, <https://doi.org/10.29003/m2532.978-5-317-06730-4>.

Kusliy, P. S., 2023. In Defense of Standard Approach to Logico-Semantic Explication of Non-Specific Transparent Interpretation of Propositional Attitude Reports. *RUDN Journal of Philosophy*, 27(3), pp. 677–697 (in Russ.). [Куслий, П. С., 2023. В защиту стандартного подхода к логико-семантической экспликации неспецифического транспарентного прочтения сообщений о пропозициональных установках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 27 (3), с. 677–697.] EDN: EZPUAY, <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-677-697>.

Kusliy, P. S., Veretennikov, A. A., 2024. Analytical truths in R. Carnap's theory and in natural language. *Epistemology & Philosophy of Science*, 61(1), pp. 184–201 (in Russ.). [Куслий, П. С., Веретенников, А. А., 2024. Аналитические истины в концепции Р. Карнапа и естественном языке. *Эпистемология и философия науки*, 61 (1), с. 184–201.] EDN: CQFUOE, <https://doi.org/10.5840/eps202461115>.

Lederman, H., 2021. Fine-grained semantics for attitude reports. *Semantics and Pragmatics*, 14, art. 1, <https://doi.org/10.3765/sp.14.1>.

- Lewis, C. I. and Langford, C. P., 1932. *Symbolic logic*. New York; London.
- Lewis, D. K., 1973. *Counterfactuals*. Harvard.
- Lewis, D. K., 1979. Attitudes de dicto and de se. *Philosophical review*, 88, pp. 513–543.
- Lohnstein, H., 2018. Verum focus, sentence mood, and contrast. In: C. Dimroth and S. Sudhoff, eds. *The grammatical realization of polarity contrast: theoretical, empirical, and typological approaches*, pp. 55–88, <https://doi.org/10.1075/la.249.02loh>.
- Mitrenina, O. V., 2017. Dative-infinitive construction in Russian as a prepositional group. In: E. A. Lyutikova and A. V. Zimmerling, eds. *Typology of Morphosyntactic Parameters: materials of the international conference*. Iss. 4. Moscow, pp. 64–70 (in Russ.). [Митренина, О. В., 2017. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. В: *Типология морфосинтаксических параметров: материалы международной конференции*. Вып. 4. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). М., с. 64–70.] EDN: XNVDFB.
- Montague, R., 1970. Universal grammar. *Theoria*, 36, pp. 373–398.
- Nelson, M., 2019. The de re/de dicto distinction. In: E. N. Zalta and U. Nodelman, eds. *The Stanford encyclopedia of philosophy* (Fall 2024 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/prop-attitude-%20reports/dere.html> [Accessed 31 July 2025].
- Paducheva, E. V., 1974. *On semantics of syntax*. Moscow (in Russ.). [Падучева, Е. В., 1974. *О семантике синтаксиса*. М.].
- Paducheva, E. V., 1996. *Semantic studies*. Moscow (in Russ.). [Падучева, Е. В., 1996. *Семантические исследования*. М.].
- Paducheva, E. V., 2004. *Dynamic models in lexical semantics*. Moscow (in Russ.). [Падучева, Е. В., 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.].
- Paducheva, E. V., 2015. Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items. *Russian linguistics*, 39 (2), pp. 129–162 (in Russ.). [Падучева, Е. В., 2015. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности). *Russian linguistics*, 39(2), с. 129–162.] EDN: UVIFUP, <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6>.
- Paducheva, E. V., 2016. Modality. In: *Data for the corpus grammar of Russian. The verb. Part I*. St. Petersburg, pp. 19–94 (in Russ.). [Падучева, Е. В., 2016. Модальность. В: *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть 1*. СПб., 19–94].
- Partee, B. H., 2004. Compositionality. In: *Compositionality in Formal Semantics: selected papers by Barbara H. Partee*. Cornwall, pp. 153–181.
- Percus, O. and Sauerland, U., 2003. On the LFs of attitude reports. *Proceedings of Sinn and Bedeutung*, 7, pp. 228–242, <https://doi.org/10.18148/sub/2003.v7i0.805>.
- Quine, W., 1953 [1980]. Reference and modality. In: W. Quine, ed. *From a logical point of view*. 2nd ed. New York, pp. 139–159.
- Quine, W., 1956. Quantifiers and propositional attitudes. *Journal of philosophy*, 53, pp. 177–187.
- Rebushi, M. and Tulenheimo, T., 2011. Between de dicto and de re: de objecto attitudes. *Philosophical quarterly*, 61(245), pp. 828–838, <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2011.701.xhalshs-00633982>.
- Russell, B., 1905. On denoting. *Mind*, 14, pp. 479–493.
- Salmon, N., 1997. Is de re belief reducible to de dicto? In: A. Kazmi, ed. *Meaning and reference* (The Canadian journal of philosophy: Supplementary). Vol. 23, pp. 85–110.
- Sportiche, D., 2020. *De dicto omnibus or how to control PRO*. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/004715> [Accessed 31 July 2025].
- Stalnaker, R., 1972. Pragmatics. In: D. Davidson and G. Harman, eds. *Semantics of natural language*. Dordrecht, pp. 380–397.

- Stalnaker, R., 1987. Semantics for belief. *Philosophical topics*, 15, pp. 177–190.
- Tiskin, D., 2021. *De re, de dicto, and the problems of default case*. 21–23 June. St. Petersburg.
- van der Auwera, J. and Plungian, V., 1998. Modality's semantic map. *Linguistic typology*, 2(1), pp. 79–124, EDN: SCKBGH.
- Vendler, Z., 1967. *Linguistics in philosophy*. Ithaca.
- Veretennikov, A. A. 2008. Modal philosophy: analytical philosophy and logic. *History of Philosophy*, 13, pp. 26–48 (in Russ.). [Веретенников, А. А., 2008. Философия модальности: аналитическая философия и логика. *История философии*, 13, с. 26–48.] EDN: NCDBKP.
- von Wright, G. H., 1962. Remarks on the epistemology of subjective probability. In: *Logic, methodology and philosophy of science: proceedings of the 1960 international congress*. Stanford, pp. 330–339.
- Wang, Ya., 2025. *Revisit de re presuppositions*. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/008989> [Accessed 31 July 2025].
- Wierzbicka, A., 1987. *English speech act verbs: a semantic dictionary*. Sidney.
- Yanko, T. E., 1995. The communicative status of expressions containing the word PRAVDA. In: N. D. Arutyunova and N. K. Ryabceva, eds. *Logical analysis of the language. Truth and veracity in culture and language: materials of the conference "Truth and truthfulness"*. Moscow, pp. 173–177 (in Russ.). [Янко, Т. Е., 1995. Коммуникативный статус выражений со словом ПРАВДА. В: *Логический анализ языка: истина и истинность*. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (ред.). М., с. 173–177.] EDN: UAODQL.
- Yanko, T. E., 2001. *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow, 386 p. (in Russ.). [Янко, Т. Е., 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М., 386 с.] EDN: ZGJMBL.
- Zaliznjak, Anna A., 2006. *The language polysemy and its representations*. Moscow, 671 p. (in Russ.). [Зализняк, Анна А., 2006. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М., 671 с.] EDN: SMRRBT.
- Zhang, Y. and Davidson, K., 2024. Interpreting referential Noun Phrases in belief reports – the de re/de dicto competition. *Glossa psycholinguistics*, 3(1), art. 13, <https://doi.org/10.5070/G60111258>.
- Zimmerling, A., 2008. Local and global rules in syntax. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. Issue 7 (14). Bekasovo, pp. 551–562 (in Russ.). [Циммерлинг, А. В., 2008. Локальные и глобальные правила в синтаксисе. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Выпуск 7 (14). Бекасово, с. 551–562.] EDN: XGWTCH.
- Zimmerling, A., 2023a. Biased questions and Hamblin semantics. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 6(2), pp. 92–135, EDN: JTLCCP, <https://doi.org/10.37632/PI.2023.94.43.005>.
- Zimmerling, A., 2023b. Really: syntactics without semiotics? *Slovo. ru: Baltic Accent*, 14(3), pp. 125–153 (in Russ.). [Циммерлинг, А. В., 2023б. Конкретно: синтактика без семиотики. *Слово.ру. балтийский акцент*, 14(3), с. 125–153.] EDN: VNJAWQ, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9>.
- Zimmerling, A., 2025. Grammar. Linguistics. Language. Responding to discussants. *Herald of the Russian academy of sciences*, 95(1), pp. 69–72, EDN: TQERJR, <https://doi.org/10.1134/S1019331625600842>.
- Zimmerling, A. V. and Baiuk, A. M., 2025. Operator words versus MT systems and LLMs. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2025)*. Moscow, pp. 471–480, <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2025-23-471-480>.

The author

Anton V. Zimmerling, Dr phil. hab., Pushkin State Russian Language Institute, head of the laboratory of typological and theoretical linguistics; Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Leading Research Fellow, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-5996-2648

E-mail: fagraey64@hotmail.com

To cite this article:

Zimmerling, A. V., 2026, Mind de re, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 7–39. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

СЕМАНТИКА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ И УСТАНОВКИ DE RE

А. В. Циммерлинг^{1, 2}

¹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Волгина, 6

² Институт языкознания РАН,
Россия, 1250091, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

Поступила в редакцию 01.08.2025 г.

Принята к публикации 20.11.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-1

Строится семантика верификации и прослеживаются связи слов верификации с установками de re. Предложения верификации имеют уровневую структуру с двумя одноместными операторами VER и ACT: VER (ACT (p)). Оператор VER задает связь с событием верификации, где X доказал p в действительном мире, в то время как ACT делает предложение верифицируемым или фальсифицируемым. Установки de re связаны с допущениями о существовании объектов в действительном мире. В онтологии Д. Дэвидсона события рассматриваются как индивиды, локализованные в пространстве и времени, поэтому предложения VER (ACT (p)), утверждающие существование событий верификации в действительном мире, классифицируются как de re, а слова VER типа англ. indeed, really, рус. действительно, на самом деле могут рассматриваться как модальности de re, передающие значение эпистемической необходимости. Имеется второй класс дискурсивных слов типа англ. certainly, naturally, рус. разумеется, естественно, выражающих оператор AFF, который сигнализирует о том, что ожидания говорящего подтвердились. Слова данных классов имеют разные свойства: уверенность в p не подразумевает верификации de re, а слова VER не приписывают состояния уверенности носителю установки. AFF может иметь более широкую сферу действия, чем VER, конфигурация AFF (VER (ACT (p))) разрешена, но VER не может иметь более широкую сферу действия, чем AFF, конфигурация *VER (AFF (ACT (p))) запрещена. Предложенный анализ объясняет два наблюдения над языковым материалом: 1) VER всегда маркируется внешне просодией или сегментными средствами; 2) контрафактические предложения требуют верифицируемых компонентов в прота-

сисе. Это ограничение дает повод считать, что контрфактические миры в перспективе естественного языка рассматриваются как действительные и могут включать события верификации.

Ключевые слова: верификация, коммуникативная структура, логическая форма, модальность, операторы, пропозициональные установки, фонетическая форма, *de re*, *de dicto*

Благодарности. Статья написана при поддержке проекта РНФ №22-18-00528п «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации», реализуемого в Институте языкознания РАН. Я благодарю анонимных рецензентов и Д.Б. Тискина за ценные замечания, а также А.С. Либермана, чей перевод строфы Т.В. Булыгиной дал импульс этой статье. Ответственность за все ошибки лежит на авторе.

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, доктор филологических наук, заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-5996-2648

SPIN-код: 6944-0819

E-mail: fagraey64@hotmail.com

Для цитирования:

Zimmerling A. V. Mind de re // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, № 2. С. 7–39. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-1.

**ЕДИНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ГЕРМЕНЕВТИКИ И ЭКЗЕГЕТИКИ»
СВ. АВГУСТИНА И СЕМЬ ПРАВИЛ ТОЛКОВАНИЯ
ТИКОНИЯ АФРИКАНСКОГО**

Р. Х. Кочарян

Матенадаран им. М. Маштоца,
Республика Армения, 0009, Ереван, просп. Месропа Маштоца, 53
Поступила в редакцию 05.11.2025 г.
Принята к публикации 25.02.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2

Отцы Церкви, церковные авторы и богословы в своих трудах, посвященных толкованию Св. Писания, всегда обращались к проблеме толкования аллегорий божественного откровения и / или боговдохновенного повествования таинств божественной премудрости. В поисках понимания и интерпретации повествуемого в Писании они находили основополагающие закономерности, а также формулировали общие правила и обучающие истолкованию методы, разрабатывали целостные концепции толкования Св. Писания. В практике и культурном наследии устной и / или письменной языковой деятельности проблема сказывания истины посредством прямого или аллегорического смысла языкового выражения универсальна; она относится к самой сакральной сфере. Св. Августин следуя своей путеводной идее и принятому обязательству – разработки теории и практики понимания и истолкования аллегорий Св. Писания, размышляет над семью правилами толкования Тикония Африканского. Он переосмысливает семь правил Тикония, предлагая новую уточненную реинтерпретацию их значений и применений к аллегориям Св. Писания, в таком качестве включая их в свою герменевтическую концепцию.

Ключевые слова: аллегория, герменевтика, истина, истолкование, мудрость, откровение, понимание, правила толкования, Св. Писание, экзегетика

**Введение: культурное наследие науки и искусства
как прямосказательное и иносказательное разумение истины
бытия всего сущего (универсума)**

В святоотеческой литературе особое место занимают труды по теории толкования Св. Писания – сокровенной прямозначности и инозначности боговдохновенной нарративации, а именно премудрости божественного откровения. В поисках понимания и интерпретации истинного смысла Писания (Ориген 1993, с. 277, 280–281, 302; Sancti Aurelii Augustini 1865a, I: 1; далее цитируется как *Doc. Chr.*) вспоможением и благодатью Святого Духа они находили некие основополагающие закономерности и формулировали общие основоположения и принципы, правила и методы, обучающие толкованию, и даже разрабатывали целостные концепции толкования Св. Писания.

В культурном наследии и практике устной и / или письменной языковой деятельности проблема сказывания истины посредством прямого или аллегорического смысла языкового выражения универсальна и относится не только к божественным реалиям и самой сакральной сфере, но и к содержанию человеческой жизни. Св. Писание, повествуя и приобщая читателей к истории и смыслу божественного творения, промысла и вечного спасения, глаголет истину бытия всего сущего и человеческой духовной жизни. И посему св. Августин в своей герменевтической концепции, формулируя универсальную проблематику понимания и толкования истинного смысла Св. Писания (Doc. Chr. I: 1) с целью научения и совершенствования как читателей, так и слушателей в разумении божественной премудрости библейского откровения, обращается к проблеме понимания и истолкования прямого или аллегорического смыслов Писания. В трактате «Христианская наука» он формулирует основную проблематику своего исследования и разрабатывает общую теорию понимания и толкования самой истины библейского откровения: *«вещей божественных и спасительных»* (Doc. Chr. IV: 45). В четырех главах трактата он представляет *единую концепцию «священнописной герменевтики и экзегетики» — теорию и практику понимания и истолкования Св. Писания*, исследующую библейскую премудрость, выявляющую *истину божественного во всем сущем*, что, по сути своей, можно называть не только лишь предсказанием, но и *полнозначным первооснованием концепции «герменевтики мудрости»*.

Св. Августин в своей герменевтической концепции подчеркивает необходимость и полезность знаний *искусств и наук*, исследующих и понимающих истину всего сущего, освобождающих от суетно и суетно недопонимающих мнений (Doc. Chr. II: 29–63). Ибо *призвание человеческой мысли — в постижении и экспликации глубокого смысла и премудрости, выявляющих истину бытия всего сущего как такового*. Совместно со знаниями наук и искусств св. Августин считает необходимым и предпочтительным также и знание *языковых средств*, используемых Св. Писанием (Doc. Chr. II: 16–23) в повествуемом божественном откровении мудрости творения, провидения и спасения.

1. Определение содержания Библии согласно герменевтической концепции св. Августина

Св. Августин в трактате «Христианская наука» ставит целью создание единой теории священнописной герменевтики и экзегетики и именно толкованию обучающей общей концепции. В ней наблюдаются обоснования и принципы, основоположения и правила *общей* теории понимания и толкования Св. Писания и, следовательно, наличие *общей герменевтики*, а также конкретные положения, каноны и инструкции *специальной* теории понимания и толкования и в конечном счете наличие *экзегетики*. Философские и обще-герменевтические размышления, а также конкретно-экзегетические библейские толкования св. Августи-

на имплицитно определяют существенные дефиниции содержания Св. Писания, по сути – божественной премудрости. Содержание Писания определяется ответами на три основных вопроса:

1) Что в нем повествуется?

2) Каково оно или каковы существенные свойства того, что в нем повествуется?

3) Для чего оно в нем повествуется?

В богословских и философских, герменевтических и экзегетических трудах св. Августина содержатся определенные ответы на эти вопросы.

1. Согласно христианскому учению святых отцов и самого св. Августина Св. Писание повествует и изрекает *божественную премудрость*. Посему:

Св. Писание предстает как единосплетение боговдохновенных историй и изречений божественной премудрости.

2. В святоотеческих и августиновских экзегетических трудах, в согласии с библейским откровением, *Божье присутствие* предстает трехсоставным и триединым деянием Его любви и мудрости, а именно: *божественного творения, промысла и вечного спасения*. Соответственно:

Св. Писание – это единосплетение таинств божественной премудрости творения, промысла и вечного спасения, вещающей во всем сущем Божье и / или божественное присутствие и спасозначное воздействие.

3. В августиновской герменевтике бытие Сущее как таковое в своем бытии, то есть своему истинному призванию адекватном бытии, предстает как *взаимосоотносимое соприсутствие всех сущих*. Все сущее в целом и составляющие его каждое сущее с особенностью своей природы – «*что*» оно есть, а также бытие сущего по соответствию особенности природы сего сущего – «*как*» оно есть, соотносено с Богом. И богословие ищет, изучает и, согласно человеческой способности, постигает – понимает и интерпретирует в соприсутствии универсума с Богом. Посему и определение богословия по предмету (теоретическое):

Богословие – это наука, понимающая и интерпретирующая истину бытия всего сущего в соотношении к со-присутствию Бога.

И в соответствии с такой особенностью предмета исследования можно сформулировать также и другое определение августиновской концепции герменевтики:

Герменевтика – это наукоучение понимания и толкования библейского откровения истины бытия всего сущего в соотношении к со-присутствию Бога.

4. Св. Августин, наученный также и неоплатоновской философией, различает все сущее как *вещи божественные и человеческие*. И в своих трудах он изъясняет истину вещей божественных и человеческих (Sancti Aurelii Augustini 1865б, III: 5, 6; далее цитируется как *Contra Academ.*). Посему:

Св. Писание – есть историко-сплетение истин и смыслов бытия вещей божественных и человеческих.

В соответствии с особенностью предмета исследования определяется также и августиновская единая концепция «священнописной герме-

невтики и экзегетики», которая, стремясь к пониманию божественной премудрости, раскрывающей истину бытия всего сущего, исследует и познаёт ее через библейское откровение. В соответствии с этим можно сформулировать одинаковые существенные свойства совокупно содержащие определения и герменевтики как *общего* наукоучения толкования Св. Писания, и экзегетики — как *прикладной* теории толкования и конкретной *экзегезы* Св. Писания:

Герменевтика — это наукоучение понимания и толкования истины вещей божественных и человеческих в библейском таинство-знаменующем откровении.

Экзегетика — это прикладная теория и практика понимания и толкования истины вещей божественных и человеческих в библейском таинство-знаменующем откровении.

5. Св. Августин в «Христианской науке» целью герменевтических штудий и задачей человеческого понимания и толкования называет следующую тройку предметов:

- высшим предметом, единственно достойным любви, восхищения и духовного наслаждения, понимает самого *Бога*,
- предметом, достойным любви, духовного наслаждения и взаимопользования друг другом (Bonner 1970, p. 547–548) (но не использования и манипулирования как средством), понимает *человека и в нем — божественное начало*,
- предметом — только пригодным и полезным — рассматривает весь *остальной мир* (Doc. Chr. I: 3, 39; Кочарян 2018; 2019).

Основываясь на внутренне последовательной связи между *предметом* и *исполнением* герменевтики св. Августина, можно констатировать, что в качестве предмета герменевтического истолкования принимается *мощь и порядок бытия всего сущего как такового*, установленных благодатью божественного творения и промысла. Из августиновской экспликации трехсоставного предмета исследования библейской герменевтики как импликация следует также и содержание Св. Писания как таинство-сплетение божественных откровений истины бытия трехсоставно-сущего предмета:

Св. Писание — это сплетение таинств божественной премудрости, прямосказательно и / или иносказательно выявляющее истинное сопричастие Бога, человека и природы.

6. Св. Августин выявляет *три типа человеческого отношения* к вышеупомянутым трем родам вещей, составляющих всеобъемлющий предмет его концепции библейского толкования. Предметом высшего наслаждения, восхищения и блаженства человека является Бог, а люди — это предмет взаимовосхищения и взаимопользования во имя Бога и божественного, в них присутствующих; вещи же материального, временного и преходящего мира суть предметы только пригодные и полезные людям в достижении блаженства с Богом (Doc. Chr. I: 3, 39). Соответственно:

Св. Писание — это таинство-сплетение восхищающего и полезного духовному восхождению к премудрости.

7. Исходя из вышеупомянутого августиновского суждения о трехступенчатой структуре предмета священнописной герменевтики, библейское откровение о *присутствии вечного и временного сущего в человеческой жизни* раскрывает божественное во всем универсуме, что и освещается им всесторонне в его экзегетических трудах. Посему:

Св. Писание — это таинство-сплетение боговдохновенных откровений о Боге и божественном во всем сущем.

В соответствии с сей существенной особенностью предмета исследования определяется также и августиновская единая концепция «священнописной герменевтики и экзегетики»:

Герменевтика — это наукоучение разумения (понимания) и толкования истинного Сущего — Бога, а также истины и таинства божественного во всем сущем.

8. Св. Августин в «Христианской науке» пишет о библейских толкованиях святых отцов и церковных авторов, что они «чтением Слова Божия приобрели глубокое познание о вещах божественных и спасительных, и свое знание завещали Церкви в своих писаниях» (Doc. Chr. IV: 45). Воистину, Св. Писание, раскрывая *божественное* во всех повествуемых событиях и деяниях, согласно св. Августину, *прямозначным и / или аллегорическим* изречением премудрости своего откровения изъясняет «о вещах божественных и спасительных». А возвещение о вещах божественных в самом широком смысле не что иное как *откровение о божественном во всем сущем*. Посему:

Св. Писание — это прямосказательное и аллегорическое откровение как божественного во всем сущем, так и премудрости вечного спасения.

9. Согласно августиновской концепции толкования Св. Писание повествует, учит и призывает людей к *жизни вечной божественной мудрости* (Doc. Chr. I: 8, 9, 11), в отличие от изменчивой и временами только разумной мирской «мудрости». Соответственно:

Св. Писание — это единосплетение поучений и наставлений к духовному самосовершенствованию к благочестивой кротости и благоразумию, божественной вечной премудрой жизни и спасению.

10. В теоретико-практической теории толкования Св. Писания св. Августина содержится также и ответ на вышеупомянутый третий вопрос: для чего Библия повествует свое боговдохновенное содержание людям? Согласно августиновской концепции Св. Писание с прямосказательной и аллегорической тайнозначностью боговдохновенного откровения Божьего замысла и воли, истины и смысла божественного во всем сущем *учит и укрепляет* всех в духовной двуединой любви к Богу и ближнему (Doc. Chr. I: 39; см. также: Cosgrove 2004, p. 47), обучает и внутренне наставляет всех к пониманию и толкованию божественной премудрости, вразумляет и возвышает к совершенству. Соответственно:

Св. Писание — это поучение и наставление людей в духовной двуединой любви к Богу и ближнему, а также в совершенствовании вечной и неизменной премудростью одухотворенной человеческой жизни.

2. Божественная премудрость – интерпретируемая четырёхступенчатой внутренней упорядоченностью единого смысла

В августиновском наукоучении толкования в соответствии с особенностью предмета исследования определяется как метод – понимание и толкование, так и само обретаемое знание и вся концепция библейского толкования. Его концепция «священнописной герменевтики» – это наукоучение толкования Св. Писания, эксплицирующее правила и содержание понимания и истолкования премудрости, с прямоточностью и / или аллегорией своего вещания выявляющей истину божественного во всем сущем и обучающей человеческую природу и общежитие как духовной двуединой любви к Богу и ближнему, так и премудрости вечного спасения. При этом «в самом повествуемом и способе повествования все божественное, обоюдно и прямоточно, и инозначно выраженные таинства премудрости, должно разуметь и интерпретировать, только лишь в согласии божественной любви» (Кочарян 2021, с. 174).

Наряду с прямым смыслом аллегория повсеместно присутствует во всем универсуме человеческой жизни и культуры. Более того, можно даже утверждать, что *этот мир и сама эта жизнь тайномудрием Божьего замысла является аллегорией и, по сути, наставлением к духовному*. Св. Писание, вся история и наука, прямоточательно и / или инозначательно сообщая таинства мудрости, выявляющие истину бытия всего сущего, соотносятся к истине бытия «событий и деяний» именно не с тождественной соприродностью сему миру и сей жизни, а только лишь с отличающейся от них невещественной и бесплотной природой смысла и мудрости. Таким образом, наука, искусство и вообще вся культура предстают как символическое – прямоточное и / или аллегорическое выражение истины всего сущего и самой человеческой жизни.

Все исторические письменные источники, раскрывающие истину человеческой жизни и присутствия в ней божественного, могут выражать ими исследуемый «предмет» прямым и / или инозначательным смыслом своего мысленного выражения. А в Св. Писании и по его подобию повествуемых историях святых отцов наряду с прямым смыслом в способе повествования с необходимостью может быть использована также и аллегория в различных ее значениях: от психофизической реальности – к подлинно духовному, от видимого – к невидимому, и все это для раскрытия глубинного смысла и мудрости. Всякая возможная история не может быть рассказана и / или написана, если только не в трех типах модусов повествования: либо только в прямом, либо только в аллегорическом, либо в дуальном – прямом и аллегорическом смыслах изложения. В отношении же Св. Писания можно утверждать, что прямоточные и / или аллегорические формы повествования являются его необходимыми и существенными атрибутами, посредством которых и создаются боговдохновенные истории как таковые.

В боговдохновенных сюжетах Св. Писания повествуема истина, и посему эту истину выражающий смысл многосложен, многосодержате-

лен и единосостен. В Св. Писании и подобных ему историях святых отцов познаваемый смысл, раскрывающий истину, может быть многослойным и, по сути, единым. Также и в современных исследованиях по теории и истории средневековой экзегетики констатируется присутствующее и интерпретируемое в них многосодержание и единство смысла (Lubac 1998a; 1998b; Margerie 1991a; 1991b; 1991в). В высказанном полном и едином значении мысли внутренне связано и упорядоченно содержатся прямое и аллегорическое значения, и, несомненно, «аллегорические смыслы присутствуют в тексте во внутренней связи с прямым смыслом как необходимым своим основанием» (Кочарян 2016, с. 154).

Св. Писание и подобные ему истории в сочинениях святых отцов могут подразумевать разновидности (прямые и дословные — филологические, исторические и нравственные, а также аллегорические и чисто духовные или аналогические) значения (Гуревич 1972, с. 75—77; Шпет 1989, с. 233—234, 236—237). В своей герменевтической концепции и в экзегетических трудах св. Августин в повествовании Св. Писания констатирует четырехсмысловое единство — *исторического, аллегорического, аналогического и этиологического* (Sancti Aurelii Augustini 1865в, Caput 2: 5; далее цитируется как *De Genesi ad litteram*). Он подробно разъясняет: «*исторический*, когда речь идет о каком-то божественном или человеческом действии, *аллегорический*, когда речь понимается иносказательно, *аналогический*, когда указывается согласие Ветхого и Нового Заветов, *этиологический*, когда представляются причины слов или поступков» (De Genesi ad litteram, Caput 2: 5). Библейские нарративы и наученные ими истории средневековых авторов имплицитно подразумевают потенциал композиционного единства дословного, этиологического, аллегорического и аналогического смыслов, тем самым призывая и создавая принципиальную возможность понимания и истолкования единосостенного смысла и таинства премудрости, божественным замыслом наставляющих и нравственно совершенствующих, духотворящих и животворящих человеческую идентичность и общезнание.

3. Семь правил Тикония Африканского как таинства божественной премудрости библейского повествования

Св. Августин, следуя своей путеводной идее и принятому обязательству *разработки теории и практики понимания и истолкования Св. Писания*, размышляет над семью правилами толкования Тикония Африканского (лат. Tichonius Africanus, ум. ок. 390—400). В медиевистике уже отмечено, что Тиконий Африканский был «одним из самых интересных и оригинальных мыслителей среди латинских богословов четвертого века» (Bonner 1970, р. 554). В сочинении «О знаменитых мужах» церковного автора и богослова Геннадия Массилийского (ум. ок. 496) упоминается, что Тиконий Африканский был признан автором четырех сочинений, причем два из них вообще не сохранились. Полностью

уцелел только его трактат о правилах толкования (Tucsonius 1894; Тихоний Африканский 2014); кроме того, путем специально целенаправленного исследования и сравнения работ четырех церковных авторов и богословов была восстановлена большая часть его труда о толковании «Откровения Иоанна» (Tucsonius 2017; Тихоний Африканский 2016, с. 108–117). И можно заметить, что Тихоний в этой своей книге осуществляет последовательное применение своих семи правил толкования (Fredriksen-Landes 1982, р. 59–75; Небольсин, Матерова 2016, с. 106; Небольсин 2025, с. 15–17, 20; Robinson 2010; Andokova 2015).

В профессиональной литературе упоминается об определенном влиянии проповедей и сочинений Амбросия Медиоланского и трактата Тихония Африканского на формирование теории библейской экзегетики и герменевтики св. Августина (Bonner 1970, р. 555). Тем не менее как *мудрый не тождествен лишь чужим влияниям и не есть сумма воспринятых им влияний, а есть выбор своего сердца* (Кочарян 2016, с. 335), так и св. Августин не идентичен лишь влияниям на его духовное и интеллектуальное становление. Все эти активные воздействия, проникая в ум, душу и жизнь св. Августина сквозь горнило пламени его любви к Богу, по непостижимому и неисповедимому Божьему попечению усваивались творчески благодатной и самой Истиной просветленным суждением истинного разумения. Переосмысливающей истинной ученостью тайнозначия семи правил Тихония, он обоснованно уточняет и по-новому интерпретирует их значения и применения к аллегориям Св. Писания и лишь в таком качестве включает эти правила в свою герменевтическую концепцию.

Как и подтверждает св. Августин, Тихоний в своем трактате изложил семь правил толкования, представив их как единый ключ к разумению премудрости Св. Писания (Doc. Chr. III: 42). Согласно Тихонию, его семь правил вовсе не являются «человеческой мудростью искусства риторики», а присущи Св. Писанию. Такое понимание следует апостолу Павлу: «что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным» (1Кор. 2:13), «ибо кто познал ум Господень, чтобы *мог* судить его? А мы имеем ум Христов» (1Кор. 2:16). По итоговому заключению Д. Ч. Робинсона относительно мнений медиевистов, семь правил Тихония — это не только герменевтические принципы и правила толкования, но прежде всего «по учению Святого Духа являются правилами небесной мудрости» (Robinson 2010, р. 79), которыми и сотканы глубинный смысл и структура Св. Писания ведением Святого Духа — Его вдохновением и откровением. Современные медиевисты августиновское перепонимание и переосмысление семи правил Тихония в качестве герменевтических правил Св. Писания воспринимают как искаженное понимание, в отличие от понимания и осмысления самого автора (Ibid., р. 74–76). По Ч. Канненгиссеру правила (regulae Mysticae) Тихония являются структурными принципами, присущими Св. Писанию и объективно содержащимися в нем, а толкователь своей прозорливостью обнаруживает их (Kannengiesser 1994, р. 247).

Основное суждение исследователей о том, что семиправило Тикония выражает глубинные тайнства мудрости христианского учения, полностью совпадает не только с самоинтерпретацией автора собственной теории, но, что важнее всего, точно эксплицирует саму суть его воззрений. Вместе с тем изначальное их предположение и последующее заключение о том, что семиправило по существу не является каноном лишь герменевтических правил, неточно и означает не что иное, как непонимание глубинного смысла не только дильтеевской концепции герменевтики как методологии и в ней применяемого аристотелевского основополагающего принципа соответствия *метода* глубинной существенной особенности изучаемого *предметного содержания*. А еще это означает непонимание также и глубинного смысла гадамеровской концепции философской герменевтики и в ней полноценного первооснования «*герменевтики истины*» (Кочарян 2006, с. 94, 211, 212, 217, 220) и, значит, становления ее (герменевтики) как экспликации истины бытия всего сущего, то есть «*философии истины*». А также это означает неполнозначное понимание августиновской концепции толкования. Ведь замысел и сама суть августиновской концепции библейского толкования состоит в понимании и интерпретации божественной премудрости библейского откровения, тем самым — в создании и полнозначном первоосновании «*герменевтики мудрости*» (Кочарян 2018, с. 32) как единой концепции «священнописной герменевтики и экзегетики божественной премудрости». А экспликация *истины* в Библии повествуемого откровения *Божьего замысла и воли*, с любовью благодатно воплощенной в триединстве Его деяний (творения, промысла и спасения), не означает ли раскрытие глубинных тайнств божественной мудрости? Это в свою очередь означает, что подлинное призвание и в соответствии с ним истина св. Августином понятой концепции понимания и толкования Св. Писания не что иное, как раскрытие глубинных тайнств небесной и именно божьей премудрости и, посему, становление его единой концепции «священнописной герменевтики и экзегетики божественной премудрости» в саму «христианскую науку», по сути, — к божественной премудрости восходящее богословие. Должно также понять и констатировать, что семиправило толкования Тикония в сущности, будучи фундаментальными правилами тайнств небесной, иными словами — божественной, мудрости Св. Писания, написанного под руководством Святого Духа, только в таком качестве и могут являться истинными герменевтическими правилами истолкования Писания.

По интерпретации вступительной речи Тикония (Tucconius 1894, p. 1) и умозаключению Д. Ч. Робинсона можно констатировать, что правила и наставления божественной мудрости становятся доступными и понятными только тем, кто имеет к ним духовную открытость и родство, духовную любовь, веру и надежду. Эти правила тайномудрия будучи основополагающими правилами наррации библейской истории, в согласии с промыслом и руководством Святого Духа, являются подлинными правилами понимания и интерпретации Св. Писания, боже-

ственным благоволением способствуя и обеспечивая вышеозначенным благочестивым чтецам, вдохновенным свыше, истинное понимание, а именно просветление и умудрение во Христе. Семиправило Тикония, содействуя благочестивым читателям, вместе с тем, наоборот, препятствует и сокрывает другим: безлюбовно немудрым неучам, не вдохновенным свыше, лишая возможности и не способствуя, ограждая и убеждая от (лже)понимания глубинных библейских смыслов, тем самым избавляя их от опасности искушения Писанием и Господом, ибо «раскошна (изысканна, избранна. — Р. К.) пища его» (Авв. 1, 16). По идентичной проблеме высказывается и св. Григор Наррекаци, буквально: «Осторожнее и к Писанию, ибо “Пища его — избранные”» (Григор Наррекаци 1985, гл. 72, 17–18).

Как пишет сам Тиконий в своей книге о четвертом правиле (что верно отмечает П. Брайт), для автора семи правил Св. Писание не есть риторическая речь или человеческая мудрость, а есть демонстрация силы Святого Духа (Bright 1988; Robinson 2010, p. 78). Итак, семиправило Тикония есть правила Святого Духа, тайны небесной мудрости, на основе которых и соткано Св. Писание. И сам Святой Дух направляет в просторах леса пророчеств Св. Писание, и только с помощью благодати Божией толкователь плывет по пути света и избегает ошибок (Robinson 2010, p. 78). «Толкование Св. Писания есть действие благодати, в котором только человеческое понимание открыто таинствам божественной мудрости вспоможением их Автора — Святого Духа» (Bright 1988, p. 134). Таким образом, истолкование — это одаренность толкователя благодатью Святого Духа, а герменевтика и пневматология неразрывно переплетены, и поэтому научная интерпретация есть единство со Святым Духом и дар Его благодати (Robinson 2010, p. 79). По мнению П. Брайт и ее единомышленника Д. Робинсона, книга правил Тикония — это больше чем руководство к толкованию библейских текстов, раскрывающее в себе и / или собою герменевтическую концепцию; по словам П. Брайт, это «теология герменевтики» (Bright 1988, p. 126; см. также: Robinson 2010, p. 71).

4. Теоретико-практическое переосмысление семи правил Тикония в понимании и толковании аллегорий Св. Писания в концепции герменевтики Св. Августина

Св. Августин, отмечая значимость сочинения Тикония и направляя людей на чтение этого примечательного и весьма полезного сочинения, тотчас призывает к осторожности не только из-за возможных ошибок, действительно допущенных автором по причине человеческого несовершенства, но и предостерегая их от воздействия множества высказываний в духе донатизма (Doc. Chr. III: 43). Выражая несогласие с Тиконием в претензиях самодостаточности его концепции «семиправил» в толковании Св. Писания и переизлагая их в своем трактате, он выверяет и переинтерпретирует их значение и применение, лишь в таком качестве включая их в свою концепцию понимания и истолкования.

В трактате Тикония Африканского «Книга о семи правилах изучения и раскрытия смысла Св. Писания» *первое правило* наименовано «О Господе и Его теле» (Тихоний Африканский 2014, с. 4–9). Оно касается Христа и Церкви — главы и тела, раскрывая то, что Библия, говоря о Господе или Его теле, иногда относит к одному и тому же лицу. Первое правило позволяет различать: когда в Св. Писании не говорится в одном и том же лице и, соответственно, когда читателю нужно переходить от головы (от Господа Иисуса Христа, который также является Главой Церкви) к телу или от тела — к голове (Doc. Chr. III: 44).

Второе правило толкования именуется «О двойственном (двучастном) теле Господа» (*De Domini corpore bipartito*), однако к такому наименованию св. Августин относится с осторожностью, считая необходимым сосредоточить внимание читателя на том, что упомянутое «двойное тело» Господа не является истинным телом Господним на все времена. Потому и св. Августин считает необходимым переформулировать правило толкования: *истинное и неистинное (кажущееся — simulato, или смешанное — permixto) тело Господне*, «потому что лицемеры не только не будут с Господом в вечности, но уже и сейчас не находятся с Ним, даже если находятся в Его Церкви» (Doc. Chr. III: 45). Следовательно, второе правило Тикония может быть также переименовано в правило о «*смешанной Церкви*» (*Ibid.*). Действительно, иногда кажется, что Св. Писание как бы говорит ссылкой на то же самое лицо, к которому прежде было обращено слово, а между тем говорится уже о другом лице, или как бы говорит о тех же лицах, а между тем уже говорится о других, что будет означать, что данное правило толкования имеет в виду внимательного читателя библейских текстов (*Ibid.*), который в своем усердно внимающем понимании текста различает подразумеваемые в повествуемом лица. Согласно св. Августину истинное и смешанное тело своим *временным* соединением или соучастием в святом таинстве образуют *как бы* одно тело (*Ibid.*). Его пересмысленное и новоименованное использование этого правила толкования Тикония позволяет различать в них истинную или смешанную Церковь, когда Св. Писание говорит о ней, как о невесте (Песн. 1:4) или о рыбе (Мф. 13:47–48), одновременно хорошее и плохое, по причине их временного смешения в этом мире. Лишь кажется, что говорится об одном и том же, однако эти две составляющие не будут постоянно вместе, так как по пришествии Господь отделит плохого раба из среды добрых рабов.

Третье из своих правил, обучающих разумению и толкованию Св. Писания, Тихоний назвал «Об обетованиях и законе» (Тихоний Африканский 2014, с. 12–27), которое, по св. Августину, можно правильно переименовать в правило «*духа и буквы*» или «*благодати и заповеди*» (Doc. Chr. III: 46). По его наблюдению, в христианском учении концепция благодати предстает скорее как вопрос и даже тайна, нежели как некое правило и ответ на вопрос или разгадка тайн, непостижимых и неглаголуемых человеческому духу, мышлению и речению. И согласно св. Августину, несмотря на свое похвальное усердие и труд в решении вопроса о благодати, Тихоний не исследовал его полностью. Ибо «рас-

суждая о вере и делах, он говорит, что от Бога даются нам только дела в заслугу веры, но что сама вера зависит единственно от нас, а не есть дар Божий» (Doc. Chr. III: 47). И в качестве причине недопонимания Тиконием этого вопроса апостольского учения св. Августин называет то, что он с меньшим вниманием исследовал и вникал в учение и смысл высказанной апостолом Павлом мысли о вере: «Мир братиям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа» (Ефес. 6:23). Вместе с тем он также и смягчает свою оценку относительно неполного знания Тиконием христианского учения о благодати, мотивируя тем, что не в его время возникла пелагианская ересь. Иногда и появление лжеучения невольно может сделать современников гораздо внимательнее и деятельнее (Doc. Chr. III: 46) в поиске и разумении евангельской премудрости — в защиту и верности истинному христианскому учению. «Ибо надлежит быть и разномыслиям (ересям) между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11:19). Согласно признанию св. Августина, у него самого была возможность *верифицировать и переосмыслить* правило Тикония и даже *более адекватно его переименовать и использовать*, благодаря именно тому обстоятельству (коей возможности был лишен Тиконий), что к современным ему пелагианским раскольникам — как заблуждающимся и врагам, недопонимающим истинного учения христианства, — сам он противостоял и потому с большей сосредоточенностью и вниманием прочитывал и уразумевал евангельское учение о вере как даре Бога, Который распределяет каждому в известной мере, «и именно это от Бога дано вам через Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29)».

Тиконий Африканский среди семи правил толкования четвертое назвал правилом «О видах и родах», где под *«видом»* имел в виду *«части»*, а под *«родом»* — *«целое»* (Doc. Chr. III: 46). Согласно св. Августину, по отношению к Св. Писанию неуместны детально уточняющие споры диалектиков о виде и части и их взаимном различении друг от друга, ибо в Библии неоднократно высказывается не только об одном городе, но иногда равнозначно имеется в виду целая область, народ и государство. В своем повествовании Св. Писание, иногда приписывая Иерусалиму, Вавилону или некоему другому городу какое-либо свойство, по существу, характеризует его в таком качестве, что своей широкой референцией превосходит пределы означенных городов и их народонаселений, в своих атрибуциях имплицитно от их количества запредельно больший диапазон населенных мест и лиц, характерных уже для всей Иудеи, Египта, Ассирии или других стран, народов и даже всей вселенной и человечества, в сравнении с чем данные города и / или их жители образуют лишь часть (Doc. Chr. III: 47). В связи с этим святой отец приводит в числе прочих пример Соломона, кому в Св. Писании приписываются такие характеристики, референция которых более объемлющая, чем только его личность, что становится понятной и ясной тогда, когда мы рассматриваем Христа или саму Церковь, по отношению к которой Соломон — только часть (Ibid.).

В толковании св. Августина новый духовный Израиль отличается от древнего телесного Израиля, состоящего из одного народа, не благородством родины и ее генеалогией, а благодатным духом и разумом (Doc. Chr. III: 49). И пророки, адресуя изреченное старому Израиллю, переходили затем к новому Израиллю завуалированно, что становилось заметным и доступным лишь духовно бодрствующему уму, а не чувственному восприятию, хоть и казалось, что пророчествуют о старом. Итак, Св. Писание и, конкретно, пророчества адресатом исполнения божественного слова имели в виду Церковь, Господом очищенную от всякой скверны и пороков, освященную и собранную из всех народов в царство Христово — в *землю блаженных*, или «*землю живых*», дарованную отцам в наследство по Божьему непреложному обетованию (Ibid.). Согласно августиновской интерпретации в Св. Писании с *непреложностью божественного обетования и провидения* разъясняется, что та земля им *уже дана*, хотя отцы еще только верили, что она будет дана (Ibid.). Он сосредоточивает внимание прилежного читателя на то, что в Писании божественная благодать уже назвала ту землю дарованной, хоть и не родились пока те, кому она будет дана, ибо Богом уже было предназначено и предраспределено то, что должно быть в свое время. Конечно, ориентиром и высшим исполнением возможного толкования данного изречения Св. Писания является также и то, что это пророческое слово могло быть понято лишь тогда, когда наступит новый мир, новое небо и новая земля, где не будут жить нечистые и нечестивые (Ibid.). Воистину, воскресшие праведники после Суда будут жить во веки веков с Христом в Его вечном Царстве на обновленной земле с новым небосводом, который уже был дан им пророчеством с непреложностью божественного обетования. Оно (Вечное Царство) уже было дано отцам божественным обетованием, и они могли в принципе иметь как свое собственное только то, что разумная бессмертная человеческая душа может иметь навечно, что и унаследуют они через соответствующее время своими обновленными и воскресшими личностями. И вправду, *в соответствии с призыванием бытия человеческой самости как таковой, истинной и именно духовной собственностью может быть только то, что может иметь, не изменяя свою духовную природу, бессмертная разумная человеческая душа во веки веков* (Contra Academ. III: Saput 7, 20). Необходимо понять и констатировать, что изреченное пророчеством с *божественной* точки зрения, отличается от того же самого с *человеческой* точки зрения, что понимается и интерпретируется людьми как нечто, что будет потом, а Божьему разуму ясно как обещанное Своему народу с непреложным установлением исполнения Его слова, и таким образом, предрешенное уже преддано им, что и будет в свое время.

Тиконий назвал свое пятое правило «О временах», и оно было призвано помочь в раскрытии или по крайней мере правдоподобно предположить точное значение исчисления символической и / или скрытой формы времени в Св. Писании (Тихоний Африканский 2014,

с. 27–36; Doc. Chr. III: 50). Это правило толкования, по Тиконию, следует применять к двум случаям — синекдохе и законным, или определенным (*legitimis*), числам. Данное правило толкования позволяет разрешить кажущееся противоречие в исчислении, когда в Писании присутствует образ синекдохы, в котором необходимо понимать часть как целое или, наоборот, целое как часть (Doc. Chr. III: 50). Приводится и пример — присутствие в Евангелии двух видов исчисления дней после известного события до Преображения, в котором, однако, нет противоречия, так как в одном случае считывались только *полные* дни, а в другом случае считывались за целые дни и те два, которые являлись не полными, а лишь *частями* дней (Ibid.). И в качестве другого примера упоминается число дней от Распятия до Воскресения, в котором также часть полного дня принимается и исчисляется за полный день, и только таким образом обнаруживается упомянутая продленность трех дней и ночей, в течение которых Спаситель должен был быть, по Своему пророчеству, в сердце земли (Ibid.).

А законные или определенные числа, согласно Тиконию, это часто используемые в Св. Писании символические числа — семь, десять, двенадцать и т. д., которые также выражаются своим умножением — семьдесят, сто, сто сорок четыре, семьсот. Подобные числа своим значением раскрывают не только *время* длительности происшествя «событий и деяний», например семидесятилетнее пленение Израиля, или по духовному разумению — присутствие Церкви среди язычников, но и количество *людей*, например двенадцать апостолов в Евангелии и сто сорок четыре святых в Откровении (Doc. Chr. III: 51).

Шестое правило своего толкования Тиконий назвал правилом «Повторения» (*De recapitulatione*), или «*возвращения к ранее сказанному*», в темнотности Св. Писания найденного бодрствующим и зорким умом (Тихоний Африканский 2014, с. 36–40; Doc. Chr. III: 52). Библейские сюжеты, хоть и записанные в хронологическом порядке, повествуют произошедшие «события и деяния» последовательно, и иногда преднамерением возвращаются к уже рассказанным существенно значимым событиям или деяниям и, пересказывая ранее повествуемое, восполняют опущенные в них обстоятельства (Doc. Chr., III: 52). И если в этих случаях не применять вышеупомянутое правило толкования, то, не постигая точного смысла Св. Писания, можно легко попасть в заблуждение.

Седьмое и последнее правило Тиконий назвал правилом толкования «дьявола и его тела» (Тихоний Африканский 2014, с. 40–53), ибо дьявол есть глава и предводитель беззаконников, которые в этом смысле и составляют его тело, подлежащее вместе с ним осуждению и сожжению в вечном огне, в подобие и в противоположность Христу, потому что Он есть глава Церкви, которая составляет Его тело, и которая будет с Ним в вечном царстве славы (Doc. Chr. III: 55). Относительно этого правила толкования св. Августин утверждает, что, как и в первом

правиле толкования — *Господа и Его тела*, где было необходимо внимающим прочтением Св. Писания и ясно мыслящим разумением различать повествуемое относящееся к Господу или Его телу — Церкви, так и в седьмом правиле толкования надо различать сказанное о дьяволе. Ибо в Писании мысль иногда выражена так, что она относится не только или не столько к дьяволу, сколько к его телу, причем не только к его последователям вне Церкви, но и к тем, которые принадлежат ему и некоторое время находятся еще в Церкви, до их ухода из этой жизни или до окончательного отделения пшеницы от плевел (Ibid.).

**Заключение: констатация св. Августином
превалирующих возможностей аллегорий в Св. Писании
и интерпретаций в святоотеческой литературе в сравнении
с семью правилами Тикония Африканского**

Обобщая свое размышление и к самой Истине ориентирующее переосмысление семи правил толкования Тикония, св. Августин замечает, что, кроме правила «Об обетованиях и законах», все остальные в сущности относятся к толкованию аллегорически выраженного смысла в Св. Писании и учат, как понимать в повествуемом нечто другое, то есть как понимать иносказательно (тропами) выраженные язык или речь (Doc. Chr. III: 56). И все же св. Августин напоминает и призывает всех ищущих понимания и толкования мудрости Св. Писания постоянно помнить, что возможности *аллегорического выражения духовности, мудрости и самого божественного* в языке больше, чем модусы тропов, закрепленные в риторике или лингвистике. С признанием значимости семи правил толкования Тикония в способствовании понимания Св. Писания он также упоминает об их недостаточности для раскрытия в нем наставлений и таинств божественной премудрости, выражая свое несогласие с убеждением Тикония, что для познания глубинных смыслов предложенные им семь правил толкования самодостаточны и полны (Doc. Chr. III: 42–43). Ибо есть и другие правила толкования, не вошедшие в их число, и даже сам Тиконий часто не обращается к помощи ни одного из предложенных им семи правил в интерпретациях многих темных и затруднительных мест Св. Писания из-за отсутствия каких-либо нужд в их применении (Doc. Chr. III: 42). Подводя итог своим размышлениям над семью правилами толкования Тикония, св. Августин, герменевт и экзегет божественной премудрости по своему призванию и по истине самой благодати, особо отмечает множество тропов, используемых святыми авторами в библейских текстах, но пока что не утвержденных и не получивших названий в языкознании, а также подчеркивает превалирующие возможности интерпретации, которые были реализованы в трудах святых отцов, в том числе в его собственных трактатах, демонстрируя и сообщая всем превеликое множество библейских основополагающих правил толкования по сравнению с семью правилами толкования Тикония Африканского.

Список литературы

Григор Нарекаци, 1985. *Книга Скорбных Песнопений*. Ереван (на древнеарм. яз.). [Grigor Narekatsi, 1985. *The Book of Lamentations*. Yerevan (in ancient Armenian)].

Гуревич, А. Я., 1972. *Категории средневековой культуры*. М., 317 с. [Gurevich, A. Ya., 1972. *Categories of Medieval culture*. Moscow, 317 p. (in Russ.)] EDN: SGTAIN.

Кочарян, Р., 2006. *Философская герменевтика Ганса-Георга Гадамера*. Ереван (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2006. *The Philosophical Hermeneutics of Hans-Georg Gadamer*. Yerevan (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2016. *Историко-научная концепция Мовсеса Хоренаци*. Ереван (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2016. *Historical and scientific concept of Moses Khorenatsi*. Yerevan (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2018. Первичный и высший предмет изучения «Священной Герменевтики» св. Августина. *Эчмиадзин*, 10, с. 23–48 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2018. The primary and highest subject of the study of the “Sacred Hermeneutics” of St. Augustine. *Etchmiadzin*, 10, pp. 23–48 (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2019. Второродный и третьеродный предметы в целостном предмете исследования в концепции «св. Герменевтики» Св. Августина. В: *Философия в современном мире*, сборник статей, IX. Ереван, с. 88–107 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2019. *The second- and third-degree subjects in the integral subject of research in the concept of St. Augustine's “Holy Hermeneutics”*. In: *Philosophy in the modern world*, collection of articles, IX. Yerevan, pp. 88–107 (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2021. Интерпретация принципов и методов идентификации двузначностей священного писания: прямозначности и инозначности. *ВЕМ*, 4 (76), с. 150–179 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2021. Interpretation of the principles and methods of identifying ambiguities: direct and allegorical meaning of the holy scriptures. *VEM*, 4(76), pp. 150–179 (in Armenian)].

Небольсин, А. Г., 2025. От внутренней брани к будущему миру. Об одном пренебрегаемом эсхатологическом концепте Тихония Африканца. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*, 121, с. 11–29. [Nyebolszin, A. G., 2025. From the inner warfare to the future peace. On one neglected eschatological concept of Tyconius Afer. *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 121, pp. 11–29 (in Russ.)] EDN: UOREVG, <https://doi.org/10.15382/sturI2025121.11-29>.

Небольсин, А. Г., Матерова, Е. В., 2016. Тихоний Африканский – толкователь Апокалипсиса. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 3(48), с. 102–117. [Nyebolszin, A. G., Materova, E. V., 2016. Tyconius Africanus – Exegete Of The Apocalypse. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 3(48), pp. 102–117 (in Russ.)] EDN: WJSVRH, <https://doi.org/10.15382/sturIII201648.102-117>.

Ориген, 1993. *О началах*. Новосибирск. [Origen, 1993. *About the beginnings*. Novosibirsk (in Russ.)].

Тихоний Африканский, 2014. *Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания*. М. [Tyconius Africanus, 2014. *The book is about seven rules for exploring and finding the Meaning of the Holy Scriptures*. Moscow (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1989. Герменевтика и ее проблемы. *Контекст: литературно-теоретические исследования*, с. 231–268. [Shpet, G. G., 1989. Hermeneutics and its problems. *Context: literary and theoretical research*, pp. 231–268 (in Russ.)] EDN: WDFBVZ.

Andokova, M., 2015. Fusca sum et decora: The influence of Tyconius on Augustine's teaching of the Ecclesia Permixta. *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 2 / Graecolatina Pragensia*, XXV, pp. 61–76.

Bonner, G., 1970. Augustine as Biblical Scholar. In: P.R. Ackroyd and C.F. Evans, eds. *The Cambridge history of the Bible*. Vol. 1. From the beginnings to Jerome. Cambridge, pp. 541–563.

Bright, P., 1988. *The Book of Rules of Tyconius: Its Purpose and Inner Logic*. Notre Dame.

Cosgrove, Ch., 2004. Toward a Postmodern Hermeneutica Sacra: Guiding considerations in choosing between competing plausible interpretations of Scripture. In: Ch.H. Cosgrove, ed. *The meaning We Choose Hermeneutical Ethics, Indeterminacy and Conflict of Interpretations*. London; New York, pp. 47–87.

Fredriksen-Landes, P., 1982. Tyconius and the End of the World. *Revue des Études Augustiniennes*, XXVIII, pp. 59–75.

Kannengiesser, Ch., 1994. Quintillian, Tyconius and Augustine. *Illinois Classical Studies*, 19, pp. 243–258.

Lubac, H. de, 1998a. *Medieval Exegesis: The four senses of scripture*. Vol. 1. Grand Rapids, Michigan; Edinburgh, 474 p.

Lubac, H. de, 1998b. *Medieval Exegesis: The four senses of scripture*. Vol. 2. Grand Rapids, Michigan; Edinburgh, 454 p.

Margerie, B. de, 1991a. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 1. *The Greek Fathers*. Petersham, Massachusetts, 288 p.

Margerie, B. de, 1991b. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 2. *The Latin fathers*. Petersham, Massachusetts, 161 p.

Margerie, B. de, 1991b. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 3. *Saint Augustine*. Petersham, Massachusetts, 155 p.

Robinson, D. Ch., 2010. *The Mystic Rules of Scripture Tyconius of Carthage's Keys and Windows to the Apocalypse*, Toronto.

Sancti Aurelii Augustini, 1865a. *De Doctrina Christiana*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 34, pp. 16–121.

Sancti Aurelii Augustini, 1865b. *Contra academicus*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 32, pp. 906–958.

Sancti Aurelii Augustini, 1865b. *De genesi ad litteram imperfectus leber*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 34, pp. 219–244.

Tyconius, 1894. "Liber regularum" (The book of rules of Tyconius), newly ed. by F.C. Burkitt. In: J.A. Robinson, ed. *Texts and studies contributions to Biblical and Patristic literature*. Cambridge.

Tyconius, 2017. *Exposition of the Apocalypse* (translated by F.X. Gumerlock, with introduction and notes by D.C. Robinson). In: *The Fathers of the Church, a new translation*. Vol. 134. Washington.

Об авторе

Ромик Хасибекович Кочарян, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца, Ереван, Республика Армения.

ORCID ID: 0000-0002-1337-3709

E-mail: kocharyan.romik@mail.ru

Для цитирования:

Кочарян Р.Х. Единая концепция «Герменевтики и экзегетики» Св. Августина и семь правил толкования Тикония Африканского // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 40–57. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2.

ST AUGUSTINE'S CONCEPTION
OF SCRIPTURAL HERMENEUTICS AND EXEGESIS: SEVEN RULES
OF INTERPRETATION OF TYCONIUS THE AFRICAN

Romik Kocharyan

Matenadaran after Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts,
53 Mesrop Mashtots Ave, Yerevan 0009, Armenia

Submitted on 05.11.2025

Accepted on 25.02.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2

The Church Fathers, along with numerous ecclesiastical authors and theologians, consistently addressed the problem of interpreting the allegories of divine revelation and the divinely inspired narratives of the mysteries of divine wisdom contained in Holy Scripture. In their efforts to understand and explain scriptural narration, they identified fundamental interpretative patterns, formulated general principles and methods of exegesis, and, in many cases, developed comprehensive theories and coherent hermeneutical frameworks. Within the broader practice and cultural heritage of human oral and written linguistic activity, the problem of expressing the truth of being through either literal or allegorical meaning is universal and extends beyond divine realities and the sacred sphere alone. Holy Scripture, by revealing the history and meaning of divine creation, providence, and eternal salvation, conveys the truth of existence as a whole and of human spiritual life in particular. St. Augustine of Hippo, guided by his commitment to developing both the theory and practice of understanding and interpreting the allegories of Holy Scripture, turns to the seven rules of interpretation formulated by Tyconius the African. Through a critical and scholarly re-examination of the mystical significance of Tyconius's seven rules, Augustine offers a refined reinterpretation of their meaning and application to the allegories of Scripture, incorporating them into his own hermeneutical conception.

Keywords: *Holy Scripture, revelation, wisdom, hermeneutics, exegetics, allegory, understanding, interpretation, rules of interpretation, truth*

The author

Dr Romik Kocharyan, Associate Professor, Senior Research Fellow, Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia.

ORCID ID: 0000-0002-1337-3709

E-mail: kocharyan.romik@mail.ru

To cite this article:

Kocharyan, R., 2026, St Augustine's conception of Scriptural hermeneutics and exegesis: seven rules of interpretation of Tyconius the African, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 40 – 57. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИ НЕ ОПИСАННЫЕ СЛОВА
ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ РУКОПИСИ
ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО**

Т. Г. Попова

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 05.10.2025 г.
Принята к публикации 28.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-3

Статья посвящена проблемам функционирования редкой и уникальной лексики в тексте древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского, созданной в середине XII века. Цель исследования – введение в научный оборот новых материалов для исторической лексикологии и исторической лексикографии на основе метода лингвотекстологического анализа. В результате сопоставления лексического состава рукописи с данными словарей старославянского языка и исторических словарей русского языка выявлена 391 лексема, до сих пор не зафиксированная в исторической лексикографии. Лексический состав рукописи был сопоставлен с лексическими составами других рукописей преславского перевода XIII–XIV веков, в результате чего были установлены лексемы, общие для всех рукописных источников (226), замененные другими лексемами в южнославянских редакциях (84), замененные другими лексемами в восточнославянских редакциях (55) и маркирующие только древнейшую рукопись (26). Примеры словоупотреблений всех названных групп приведены в форме словарных статей, включающих в свой состав формулировки значений, расширенный контекст, указания на возможные писцовые ошибки, случаи лексического варьирования. Выявлены византийские параллели древнерусских лексем. Отмечены случаи лексической омонимии. Акцентировано внимание на необходимости учитывать при лексическом анализе древнерусского текста факторы экстралингвистического характера – рукописную традицию памятника и обстоятельство создания кодекса. Продемонстрирована важность лексического анализа древних славянских текстов различной временной и пространственной локализации для развития нового научного направления, связанного с изучением феномена средневековой «коллективной церковной памяти».

Ключевые слова: *библейские цитаты, древнерусские рукописи, древнерусский язык, историческая лексикография, историческая лексикология, Лествица Иоанна Синайского, лингвотекстологический метод, раннеславянские переводы*

**Предварительные замечания: актуальность, объект
и материал исследования, задачи исследования**

Все сохранившиеся рукописи памятников славянской письменности представляют собой ценные источники для исторической лексикографии, и одним из таких памятников является Лествица, написанная

игуменом Синайского монастыря Иоанном в VI—VII веках. Первый перевод памятника на общеславянский литературный язык был выполнен книжниками Преславской школы (см. об этом подробно: Попова 2020). Древнейшая русская рукопись Лествицы хранится в Москве, в Российской государственной библиотеке, в собрании Н. П. Румянцева под №198 (далее — Рум. 198 (Ророва 2012, №1)). Рукопись создана около середины XII века в Киеве.

Рум. 198 представляет собой основной материал для исследования в настоящей работе. Кроме Рум. 198, к анализу привлечены следующие генетически близкие ей рукописи XIII—XIV веков: собрания Н. П. Румянцева №199 Российской государственной библиотеки, Москва (далее — Рум. 199 (Там же, №2)), собрания Рукописного отдела библиотеки Московского государственного отдела Министерства иностранных дел №452 Российского государственного архива древних актов, Москва (далее — РО МГАМИД 452 (Там же, №3)), собрания В. М. Ундольского №966 Российской государственной библиотеки, Москва (далее — Унд. 966 (Там же, №9)), собрания Троице-Сергиевой лавры №10 Российской государственной библиотеки, Москва (далее — Трц. 10 (Там же, №10)), собрания Рукописного отдела Московской Синодальной типографии, оп. 1, №39 Российского государственного архива древних актов, Москва (далее — Син. тип. 39 (Там же, №58)). Известно происхождение этих русских рукописей: Рум. 199 и Син. тип. являются новгородскими, РО МГАМИД 452 — галицко-волинской, Унд. 966 + Трц. 10 (две части одной рукописи) — московской.

Наряду с русскими рукописями в качестве материала для исследования привлекались следующие древнейшие кодексы южнославянских редакций преславского перевода: собрания А. Ф. Гильфердинга №44 Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (далее — Гильф. 44 (Там же, №7)), собрания А. Ф. Гильфердинга №99 Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (далее — Гильф. 99 (Там же, №8)), Славянского фонда №68 (ч. 2) Библиотеки Румынской Академии наук, Бухарест (далее — VAR 68 (ч. 2) (Там же, №12)), собрания Дечанского монастыря №71 Народной библиотеки Сербии, Белград (далее — Деч. 71 (Там же, №17)). Гильф. 44 + Гильф. 99 (две части одной рукописи) и VAR 68 (ч. 2) представляют сербский извод, Деч. 71 — болгарский извод.

Все перечисленные выше рукописные источники не опубликованы, за исключением древнейшего кодекса, изданного наборным способом синоптически с византийским оригиналом для перевода (Ророва 2025).

Актуальность исследования определяется неизменным интересом лексикологов к вопросам эволюции русского языка, к развитию семантики морфем и лексем, к истории формирования современной языковой системы. Лествица, как и многие другие памятники раннеславянской переводной литературы, представляет большие возможности для исследований в области исторической лексикологии русского и, шире, других славянских языков.

Историческая лексикология как научная дисциплина полностью зависима от исторической лексикографии: до тех пор, пока нет достоверной научной информации о функционировании той или иной лексемы в рукописных памятниках, невозможно делать аргументированные выводы об особенностях лексической системы древнего языка. Объектом исследования в настоящей работе являются редкие и уникальные лексемы Рум. 198, до сих пор не нашедшие отражения в исторической лексикографии русского языка.

Все названные выше славянские рукописи стали предметами критического издания Лествицы (*Ibid.*); основным текстом в этом издании стала древнейшая русская рукопись, Рум. 198, опубликованная синоптически с реконструированным византийским оригиналом для преславского перевода (эта ранняя греческая версия текста памятника сохранилась в византийских кодексах VII—XIII веков). В подстрочном аппарате к этому изданию содержатся разночтения греческих и славянских рукописей, указываются цитаты из Священного Писания и других памятников, а также называются лексемы (как греческие, так и славянские), не зафиксированные в исторических словарях.

Лексический состав Рум. 198 был сопоставлен с данными основных словарей старославянского и древнерусского языков: Фр. Миклошича (*Miklosich 1862—1865* (далее — *Mikl.*)), Старославянского словаря Р. М. Цейтлина, Р. В. Вечерки и Э. Благовой (*Старославянский словарь... 1999* (далее — *СтС*)), Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (1958 (далее — *Срз.*)), Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) (*Словарь древнерусского языка... 1988* (далее — *СДРЯ*)) и Словаря русского языка XI—XVII веков (*Словарь русского языка... 1975* (далее — *СлРЯ XI—XVII*)). Заметим, что Рум. 198 входит в число источников для *Срз.* (*Срз.*, т. 1, с. 24) и *СлРЯ XI—XVII* (*СлРЯ XI—XVII*, вып. 1, с. 41), тем не менее многие лексемы рукописи отсутствуют в названных словарях.

В результате проведенного анализа в тексте Рум. 198 выявилась 391 лексема, не зафиксированная в указанных лексикографических источниках. Из этого количества 1) 226 лексем присутствуют во всех названных рукописях перевода, ставших источниками материала для наблюдений (см. ниже примеры 2, 6—7, 9—10, 17, 19, 23, 26); 2) 84 лексем могут быть заменены на другие лексем в южнославянских редакциях перевода (см. примеры 4—5, 8, 13, 18, 20, 24—25); 3) 55 лексем могут быть заменены на другие лексем как в южнославянских, так и в русских редакциях перевода (см. примеры 1, 3, 14—16, 21—22); 4) 26 лексем отсутствуют во всех названных выше рукописях, кроме Рум. 198 (см. примеры 11 и 12). Полный список отсутствующих в словарях лексем Рум. 198 передан в Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка (в группу «Словаря русского языка XI—XVII вв.») Института русского языка Российской академии наук; все факты отсутствия в словарях той или иной лексемы указаны в справочном научном аппарате к критическому изданию преславского перевода по его древнейшей рукописи (Pорова 2025).

Задачи настоящей работы — ввести в научный оборот некоторые ранее не известные древнерусские лексемы и обратить внимание исследо-

вателей на ряд аспектов, которые необходимо учитывать при лексическом анализе редких и уникальных слов любого памятника раннеславянской переводной литературы.

1. Привлечение к анализу византийской основы перевода

Принципиально важным моментом в работе с рукописью переводного памятника должен являться учет семантических и структурных особенностей переводимого текста. Сверке лексического состава Рум. 198 с данными словарей предшествовали исследование рукописной традиции памятника (Попова 2010) и анализ переводческой техники книжника, автора преславского перевода (Попова 2020). Наблюдения над переводческим методом, выявившие большое внимание переводчика к структуре переводимой лексемы и желание учесть при переводе семантику всех производных морфем, позволили рассматривать случаи типа *проκόπτω*, *напрѣждьисходити*, *напрѣждьуспати* как перевод одного греческого слова одним славянским.

Язык переводчика Лествицы был очень богат синонимами, или «переводческими дублетами» (Hansack 1981, S. 20). Функционирование той или иной лексемы в преславском переводе связано не только с семантикой этой лексемы, но и с семантикой всего контекста. Так, одной греческой лексеме *παυοῦρις* в первом славянском переводе Лествицы соответствуют 7 лексем (*всьехыщрѣние*, *всьакокъзньство*, *зълѡухыщрѣние*, *зълѡкъзньство*, *зълѡхытрѣство*, *проказѣство* и *оухыщрѣние*), при этом первые три не имеют фиксации в словарях старославянского и древнерусского языков:

(1) *Всьехыщрѣние* ѣ *παυοῦρις* 'хитросплетение, запутанность', пример: не пьстри молѡ цѣльѣ | | ишихъ помысльными всьехыщрѣнии. паче же аще мощно. и пьстрыа на простотоу прелагаи 214а, 22–214б, 5. В других рукописях перевода: *всьехыщрѣние* (ВАР 68 (ч. 2), л. 105), *всьехытрѣние* (Трц. 10, л. 211); в Рум. 199, Син. тип. 39, Деч. 71, РО МГАМИД 452, Гильф. 44 текст утрачен. Ср.: *всехытрець* (Срз., т. 1, с. 471).

(2) *Всьакокъзньство* ѣ *παυοῦρις* 'коварство', пример: Слышите льстьца. и ѣго хытрост и. вьсако | | къзньство. вьси иже чистотоу избирающе. държати. и съхранити 104а, 21–104б, 3. Ср.: *къзньство* (Срз., т. 1, с. 1390).

(3) *Зълѡухыщрѣние* ѣ *παυοῦρις* 'коварство, хитрость, плутовство, обман', пример: иже простотоу повиноующеи са о гѣ. добро течение прѣходать. не подвигыше себе и скоропытаниемъ. бѣсовьска злаоухыщрѣния (Так! — Т. П.; вместо: *злооухыщрѣния* (?)) 25б, 6–11. В других рукописях перевода: *злооухыщрѣния* (ВАР 68 (ч. 2), л. 16), *злаоухыщрѣния* (Рум. 199, л. 23а, Син. тип. 39, л. 24а), *злаоухыщрѣния* (РО МГАМИД 452, л. 7а, Трц. 10, л. 20об.); в Деч. 71 фрагмент утрачен.

Перевод, представленный в рукописи, в целом является пословным, как и другие раннеславянские переводы. Между тем одной из его особенностей является прием описательного перевода, при котором одному греческому слову соответствует несколько славянских (Попова 2020, с. 48–55). В составе семантически цельных выражений функциониру-

ют такие лексемы Рум. 198, как въспащание, длъгогнѣвньи, длъгопомнѣние, затьскый, показъникъ, ѡзвение. Приведем контексты, в которых употребляются названные лексемы:

(4) Въспащание 'возвращение', в составе словосочетания любви въспащание φιλειοτροφος, пример: иже ѿ мира въстранивъ сѧ. еще къ миру не прикасаи сѧ. бывають бо вредове любашче въспащание 18в, 15–19. В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена въспащание на въспащение (Деч. 71, л. 16 об.; BAR 68 (ч. 2), л. 13).

(5) Длъгогнѣвньи, в составе словосочетания дръжание длъгогнѣвною ѣ мнѡцкѡкѡ 'памятозлобие, злопамятство', пример: никтоже бо ѿ ярости и мнѣниѧ. лицемѣриѧ же и дръжаниѧ. длъгогнѣвнаго сътоужениѧ приѣмла. среда (так! – Т.П.; вместо: следа (?), греч.: ἔχνοσ) мълчанию видѣти съмѣи 180а, 13–21. В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена выражения дръжание длъгогнѣвною на помнѣние зълоу (Деч. 71, л. 172, BAR 68 (ч. 2), л. 90).

(6) Длъгопомнѣние, в составе словосочетания зълбноуе длъгопомнѣние ѣ мнѡцкѡкѡ 'памятозлобие', пример: тѣмже и слышахомъ нынѧ. неразоумиваго гнѣва рожение. свое томуо зълбное. длъгопомнѣние соуچه. рекшоу. тѣмже врѣмене. нынѧ зовоуцоу о тои рѣцѣмъ 82в, 10–17.

(7) Затьскый, в составе словосочетания риза затьскаѧ ѣ воцѣкѣ 'брачная одежда', см.: Мф. 22:1–14, пример: иже въ блѣжнии | | и обрадованыи плачь акы въ соугоубоую ризоу. затьскоую облече сѧ. сии дѣпъгнии и дѣвъгнии смѣхъ позна 72а, 22–72б, 5.

(8) Показъникъ, в составе словосочетания показъникъ дроугомъ ѡ φιλεινδѣικτης 'тот, кто любит себя выказывать перед другими, хвастун', пример: егда ѿ сихъ кого врачъ показаникы (Так! – Т.П.; вместо: показъники (?)). дроугомъ въ приходъ мирьскыхъ въ монастыри. знаменоваше сѧ при тѣхъ сетьными оукоры. и слоужьбами бечьстьными облагаше 34г, 9–17. В русских рукописях: показъники (Рум. 199, л. 46а; Трц. 10, л. 30; РО МГА-МИД 452, л. 15б) и показаникы (Син. тип. 39, л. 32в); в южнославянских редакциях: дроугоказъники (Деч. 71, л. 27 об.) и дроугоказаникы (BAR 68 (ч. 2), л. 22 об.).

(9) Ѣзвение, в составе выражения без ѡзвения ѣтρωтос 'неуязвимый, невредимый', пример: великъ оубо иже осазаниемъ без вреда пребываѧ. болии же иже ѿ възора. прѣбывъ безъ ѡзвения. и побѣдивъ огненное видѣние. помысломъ. добра горь | | ниихъ 96г, 15–97а, 1.

В тексте преславского перевода однажды встречается и обратное явление, когда одному славянскому композиту соответствует греческое словосочетание:

(10) Доуховьноглашение тоѡ Пνεѡματος ἀπὴ ἡριѧ 'наставление, вложенное в уста говорящего свыше; учение, имеющее божественное происхождение', пример: и послѣшъствоуютъ оубо. иже тѣмже дѣвьноглашениемъ мьнѡзи. еликоже ихъ симъ сѣсоша сѧ. и до нынѧ сѣсаютъ сѧ 5б, 2–7.

Возможно, в протографе перевода читалось доуховьномъ глашениемъ*¹, и окончание прилагательного было утрачено при переписках текста.

¹ Астериском помечены реконструированные чтения, возможные в языке протографа перевода.

Обращение к византийскому источнику перевода необходимо не только для правильного понимания переводного текста, но и для формулировки значения славянской лексемы. В связи с этим укажем, что в тексте оригинала для преславского перевода также присутствует редкая лексика, не зафиксированная в словарях древнегреческого языка (Lampe 1961; Liddel, Scott 1996; Sophocles 1914; Chantraine 1968–1977). Применительно к группе лексем, не описанных славяно-русской лексикографией, такими словами являются ψυχοφυλακός и θηρολεθρός. Их славянские соответствия (доушехранильный и звѣрогубиѣ*) встречаются только в тексте Рум. 198 и пока не обнаружены в других рукописях перевода. Эти лексемы функционируют в следующих контекстах:

(11) Доушехранильный ψυχοφυλακός 'охраняющий душу', пример: о дѣшехранильныхъ жьстьнама мълчаниѣ (так! – Т.П.; вместо: мълчании (?), греч.: σιωπῆς) 201б, 8–9. В других рукописях перевода (Рум. 199, л. 350б, Трц. 10, л. 198об., Деч. 71, л. 194, Гильф. 44, л. 160, VAR 68 (ч. 2), л. 99) оглавление книги как конечный структурный элемент текста Лествицы отсутствует.

(12) Звѣрогубиѣ* θηρολεθρός 'убийство зверей', пример: не словѣмъ просто хоудѣмъ. нѣ и дѣствѣмъ и искꙋ | сѣмъ. тоа прѣстыи нравѣ. сѣвѣдѣи кротостию. ѡко паче вѣрогубиѣмъ (Так! – Т.П.; вместо: звѣрогубиѣмъ (?)) 215а, 3–4. В южнославянских редакциях перевода читается звѣролюбиемъ (Деч. 71, л. 208, VAR 68 (ч. 2), л. 105 об.), в русской рукописи: вѣрогубьемъ (так! – Т.П.) (Трц. 10, л. 212); в Рум. 199, РО МГАМИД 452, Син. тип. 39 текст утрачен.

Важной типологической приметой раннеславянских переводов является количество грецизмов, оставленных переводчиком без перевода. Автор преславского перевода Лествицы, как правило, находил грецизмам славянские эквиваленты; количество грецизмов в тексте перевода незначительно: на 5638 лексем Рум. 198 приходится 60 грецизмов (Попова 2020, с. 62). Среди этих грецизмов имеется один, не отмеченный в исторической лексикографии, а именно леньтионъ:

(13) Леньтионъ τὸ λέντιον 'полотенце', пример: вѣдѣи влѣка. вѣнѣшномуу житию съображати са. дѣпгноумоу блговольтствѣ. вѣзьмъ лентионъ. показа намъ хьтрость поути сѣмѣренаго (см.: Ин. 13:4). В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена леньтионъ на леньтии (Деч. 71, л. 133об., VAR 68 (ч. 2), л. 73). В русских рукописях: леонтии (Трц. 10, л. 137) и левнтіионъ (Син. тип. 39, л. 136 об.) (так! – Т.П.); в Рум. 199, Гильф. 44 текст утрачен. Ср.: леньтиѣ (Mikl., р. 335; СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 335), леньтии (Срз., т. 2, с. 17), лентии (СДРЯ, т. 4, с. 397).

Наблюдения над техникой выполнения преславского перевода и над лексическими составами рукописей этого перевода позволили нам высказать гипотезу о том, что протограф мог быть создан Иоанном Экзархом Болгарским или при его участии учениками его школы (Попова 2020, с. 89–106). Сравнение лексических составов Лествицы и текстов, принадлежащих этому выдающемуся деятелю золотого века болгарской культуры, подтверждает эту гипотезу. Среди лексем Рум. 198, не

отмеченных в исторической лексикографии, имеются два термина, входящих в состав переведенного Иоанном Экзархом Болгарским «Богословия» Иоанна Дамаскина, а именно *нетельньи* и *провѣдъникъ* (Илиева 2013, с. 307, 323). В Лествице эти лексемы функционируют в следующих контекстах:

(14) Нетельньи ἄφθαρτος 'нетленный', пример: како покажоу нетельна. приимъшаго тельньное ество 109б, 15–17. В других рукописях перевода: нетельньна (Гильф. 44, л. 2, Деч. 71, л. 100 об., VAR 68 (ч. 2), л. 58, РО МГАМИД 452, л. 80г, Трц. 10, л. 102 об., Син. тип. 39, л. 102г) и нетельна (Рум. 199, л. 158а). Ср.: нетельньни (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 320; СДРЯ, т. 5, с. 378–379; Срз., т. 2, с. 434), тельни (СлРЯ XI–XVII, вып. 29, с. 282).

(15) Провѣдъникъ ὁ προϋπότης 'прозорливец, предсказатель', пример: назнаменахъ. бѣса славолюбнаго. помысли братоу вълагающеу. и иномоу сиа ѿкрывъшоу. и томоу срѣчнаа. своа повѣдати. сътворивъшоу. и акы провѣдника сего блажаца 121а, 5–13. В других рукописях перевода: проповѣдника (РО МГАМИД 452, л. 91а, Трц. 10, л. 115, Син. тип. 39, л. 115г, Гильф. 44, л. 19 об., Деч. 71, л. 112, VAR 68 (ч. 2), л. 63 об.), провѣдника (Рум. 199, л. 188а). Ср.: провѣдъ, провѣдѣние (Срз., т. 2, с. 1506), провѣдъ (СДРЯ, т. 9, с. 27).

Сформулировать значение славянской лексемы без привлечения греческой параллели (например, в случаях с оригинальными литературными произведениями) является сложной филологической задачей. Еще труднее будет уловить смысловые связи между значениями лексемы в случае ее многократного функционирования в тексте памятника.

2. Полисемия и омонимия в языке рукописи

При лексическом анализе текстов древних рукописей необходимо учитывать все случаи словоупотреблений. Из 391 не отмеченной словарями лексемы Рум. 198 327 функционируют в рукописи один раз, а 64 лексемы употребляются неоднократно (от 2 до 9 раз); 46 лексем, а именно безврѣдница, безгрѣховьни, бесластьни, бесловьнѣ, бѣднѣизобрѣтаемыи, видомѣ, врѣдовьнѣ, възгнание, въспоминание, высочемыслити, вышестои, добродоушнѣ, добронадеждие, доушнѣ, зълубинедръжание, зѣлолюбьи, кощоунѣ, милостьнѣ, мльчаливѣ, напрѣдъисходити, натрыжнание, неколѣблаи са, неначаати, непооуврѣзени, непроныривьи, неоуготовленьи, неоукрадакмыи, обоучание, омръцание, отъвѣщавание, подобьникъ, подобьнѣ, прикрывание, присѣти, приать, прѣбътынѣ, прѣждеимѣти, прѣждепоминаныи, прѣсыщание, пѣшьшьствовати, расслабление, самоуправление, съвещьно, съготовление, оусрьдѣ, чуднѣ встречаются в рукописи дважды. По 3 раза в Рум. 198 функционируют следующие 13 лексем: бѣднѣрасоудьни, достоиннѣ, зѣлоудръжание, моущение, многопытати, неподвижнѣ, осуждание, плѣнание, прѣждеприати, скотьнѣ, оумиленѣ, оуспѣтие, чловѣколюбивѣ. Лексемы доброизвѣтныи и частьнѣ встречаются в рукописи 4 раза, лексема оускврѣнати — 5 раз, доброчѣстивѣ — 8 раз, охоуждание — 9 раз.

Таким образом, общее количество контекстов, в которых функционирует 391 не отмеченная в исторической лексикографии лексема Рум. 198, равно 488.

Случаи многократного функционирования лексем в тексте рукописи предполагают возможность полисемии этой лексемы. Как указано выше, в случае с переводным памятником необходимо прежде всего учитывать лексические данные переводимого текста. Из 64 славянских лексем, функционирующих в Рум. 198 неоднократно, 49 переводят одну и ту же греческую лексему, то есть имеют одно греческое соответствие; 15 лексем (видомѣ, врѣдовьнѣ, высочемыслити, моуцение, напръждьисходити, натръжнание, неколѣблаи са, неуютовленыи, охоуждание, прикрывание, приать, прѣбытънѣ, прѣждеимѣти, пѣшьшьствовати, частьнѣ) имеют два греческих соответствия, и это может стать причиной полисемии переводящих лексем, например:

(16) Высочемыслити 1) ὑψηλοφρονέω 'высокомудрствовать', пример: высочемыслаи инокыи противоу. ѡвѣщаваеъ (так! — Т.П.; вместо: противоуѡвѣщаваеъ (?)) зѣло. сѣмѣрени же ни противѣглати вѣсть 125б, 7–11. В других рукописях: высокомыслити (Деч. 71, л. 116, ВАР 68 (ч. 2), л. 65 об.; РО МГАМИД 452, л. 94 об., Трц. 10, л. 119), висоцѣмыслити (Син. тип. 39, л. 119г), высочемыслити (Рум. 199, л. 199а); 2) ἐναβρόνομα 'хвалиться, хвастаться', пример: аще не въ естъвьныхъ помысль. высочемыслить. начало съдравиа знамение 138а, 6–9. В Трц. 10, л. 133: висоцѣмыслить. Варьирование высочемыслити — висоцѣмыслити не является лексическим в строгом смысле слова, так как оно может иметь фонетическую причину (отражать говор писца одного из списков перевода). Ср.: высочемѣдрие (Mikl., p. 116).

Еще одним важным аспектом лексического анализа языка древних рукописей является возможность омонимии. Из 391 лексемы, ставшей предметами анализа в настоящей работе, имеют фиксацию в исторических словарях следующие 14: безоуставьныи, беспечальникъ, изоутрюдоу, ловитвьница, начинати, начальникъ, неначаати, ослоушаныи, подобьникъ, подобьнѣ, праздьникъ, прѣпъривыи, пѣшьшьствовати и съхоулити. На наш взгляд, в данных случаях речь может идти не о полисемии (отсутствии в исторических словарях значения, реализующегося в контексте Рум. 198), а об омонимии (отсутствии семантической связи между разными лексемами: зафиксированной и не зафиксированной в лексикографии). Вопрос разграничения полисемии и омонимии, в особенности в диахроническом аспекте, является «вечной» филологической проблемой, и разные составители словарей определяют разные лингвистические статусы у одних и тех же лексем. Приведем несколько примеров слов этой группы, которые могут являться омонимами к словам, отмеченным в исторических словарях:

(17) Безоуставьныи ἀόριστος 'безграничный, бессрочный, бесконечный', пример: оиже (так! — Т.П.; вместо: тоиже?) вѣсьмь блгынямъ податьникъ естъ и бѣ и боудеть въ безѡу|ставьныа вѣкы 201г, 13–17. Ср.: безоуставьнѣ 'противоречащий установленному порядку, правилу, обычаю' (СДРЯ, т. 1, с. 146).

(18) Подобъникъ ѿ боіосъ 'преподобный отец', примеры: 1) иоанъ ми великыи. саваитинъ. достоиньна. послушаниа съповѣ-дѣ-ла (гаплография. — Т.П.; греч.: διγυάοατο πράγματα). ѡко же безъ врѣда моужь. и выше дѣла и слова. и предѣ сими лѣжа. зыгыя превъзышѣдѣ. ѿ своего искоуса. съвѣси подобъниче 48а, 12—22. В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена подобъникъ на прѣподобънии (Деч. 71, л. 39 об.); 2) извъстоует же са рѣное. еже преженарѣнии прѣа подобъникъ 66г, 19—22. Во всех рукописях перевода (в том числе в Деч. 71, л. 58): подобъникъ. Ср. подобъникъ 'подражатель' (Mikl., p. 595; Срз., т. 2, с. 1040; СлРЯ XI—XVII, вып. 16, с. 21; СДРЯ, т. 6, с. 536).

(19) Пѣшьшьствовати 'проходить путь монашеских подвигов', примеры: 1) πεζεῖν: соуть нѣции. ниже (так! — Т.П.; вместо: иже (?), греч.: οἰ) върхоу каменя. лаины гладать (так! — Т.П.; вместо: градать (?), греч.: οἰκοβοῦντες). и соуть иже на земли стѣлпы оутвърдиша. и соуть друзии. мало пѣшьствовавшѣ. и жиламъ и съставомъ сѣгрѣвъшемъ са. крѣпко поуть гѣнаша 11а, 10—19; 2) πεζοπορεῖν: ѡгда нѣкого видиши. въ малѣхъ лѣтѣхъ. вышѣше безвредие приобрѣтѣша. не инѣмъ нѣ симъ того. блѣжнымъ скорымъ поутѣмъ. пѣшьствовавшѣ помышляи 140а, 11—18. Ср.: пѣшьшьствовати 'ходить пешком, путешествовать', греч.: ὀδοπορεῖν 'путешествуя [пешком]' (СДРЯ, т. 9, с. 419).

Как видно из приведенных выше примеров, во многих случаях имеют место лексическое варьирование, утраты текста и неверное чтение. Эти явления имеют причиной историю бытования памятника и / или конкретных его рукописей.

3. Необходимость учета экстралингвистических факторов

При лексическом анализе текста рукописи важно принимать во внимание обстоятельства работы над рукописью. В работе над Рум. 198 участвовали два писца: основной писец и так называемый «писец заголовков», которому основной писец оставлял так мало места для работы, что «писец заголовков» не мог вместить на оставленных ему строках полные названия Слов памятника, поэтому в Рум. 198 названия Слов часто сокращены до минимума, а резюме предыдущих Слов вовсе отсутствуют. Такая ситуация имеет место до Слова 29 (л. 194б); вероятно, к концу работы над рукописью «писец заголовков» пожаловался на то, что основной писец рукописи оставляет ему мало места. Предполагать сказанное позволяет маргиналия *то ти тоучьно ю*, написанная почерком основного писца на внешнем поле рукописи (л. 194б), перпендикулярно заголовку (вертикально), рядом с пятью строками, на которых «писец заголовков» разместил название Слова 29. Этот экстратекст, на наш взгляд, адресован основным писцом Рум. 198 «писцу заголовков», и его следует понимать как «Этого тебе будет достаточно» («Этого тебе хватит»). В работе (Крысько 2025, с. 72, примеч. 4) предложено другое понимание этой маргиналии: *тоти тоучьно ю* («Вот тучи собрались», 3 древнерусские лексемы). Нашу версию чтения заметки в 4 древнерусские лексемы (*то ти тоучьно ю*) подтверждают памятники древнерусского языка, в которых лексема *тоучьныи* имеет значения 'плодород-

ный, обильный; тж. образно' (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 237), а также наличие в современном русском разговорном языке выражений типа «Это тебе жирно будет», в которых лексема *жирно* (древнерусское *тоучно*) имеет значения 'хватит, достаточно, в избыточном количестве, много, довольно'. Наречие *тоучно* не зафиксировано в исторических словарях русского языка; это единственная лексема из общего количества лексем Рум. 198, не нашедших отражения в исторической лексикографии (всего 391), у которой отсутствует греческое соответствие (потому что она функционирует в авторском тексте основного писца рукописи).

К другим обстоятельствам создания рукописей относятся такие субъективные факторы, как писцовая выучка и психологические особенности писца кодекса. Писец Рум. 198 был малоопытным книжником: число допущенных им ошибок более чем 1200 на 218 листов рукописи, то есть примерно по 5–6 ошибок на лист; при этом довольно часто ошибки концентрируются в конце смысловых фрагментов памятника. Это может означать, что книжник ставил перед собой задачу закончить переписку фрагмента и работал, несмотря на физическую усталость, допуская при этом ошибки — пропуски букв, слогов, строк, написания одной буквы вместо другой и т. п. (Попова 2020, с. 106–115); среди этих ошибок немалое место занимают так называемые «ошибки слуха», что может указывать на то, что текст писался под диктовку.

Несмотря на большое количество писцовых ошибок в Рум. 198, главным принципом работы с рукописью должен оставаться принцип презумпции правильности текста. Поэтому в качестве критерия разграничения редких лексем и ошибок писца Рум. 198 является лексический состав второй по возрасту русской рукописи Лествицы, а именно Рум. 199. Формы, которые можно принять за лексемы, отсутствующие в исторических словарях, но на самом деле являющиеся писцовыми ошибками, в работах современных лексикологов именуется «псевдогапаксами» (Пузина 2021, с. 433). В том случае, если та или иная форма присутствует только в Рум. 198 и отсутствует в Рум. 199 и других, более поздних рукописях, необходимо иметь в виду возможность ошибки писца древнейшего кодекса. Приведем примеры не зафиксированных в словарях лексем, которые в Рум. 198 являются «псевдогапаксами» (см. также выше пример 8):

(20) Прѣвѣваніе о парѣршицоѣс 'движение, изменение', пример: зъри на часы своего съпроуга заоу | | шаниа и прѣбѣваніа (так! — Т.П.; вместо: прѣвѣваніа (?)) и часы и съвраты еже како и кде часыць приобращеть 181в, 20–181г, 4. В других рукописях перевода: прѣвѣваніа (Рум. 199, л. 315а, Трц. 10, л. 179), привѣваніа (Деч. 71, л. 173 об.), прибываніа (ВАР 68 (ч. 2), л. 91); в РО МГАМИД 452 и в Син. тип. 39 текст утрачен.

(21) Оусрьдѣ проѣѣмоѣс 'усердно', примеры: 1) акы бѣмъ и цѣремъ. позвани. оусрьдѣ (так! — Т.П.; вместо оусрьдѣ (?)) | | тыцѣмъ. ѡда како маловременни соуще въ днѣ съмъртънны. бес плода обращемъ са. и гладѣмъ измъремы 11а, 21–11б, 5. В других рукописях перевода: оусердѣнѣ (Трц. 10, л. 60б.),

оусрьдно (Деч. 71, л. 11 об., VAR 68 (ч. 2), л. 9 об.), оусрди (Син. тип. 39, л. 11а); в Рум. 199 и РО МГАМИД 452 текст утрачен; 2) б5в жестока убо. мьнвгоадьимь. речениа. невѣрна же лѣнивымь. моужь же дѣлавь. Искоусить оусредѣ (так! — Т.П.; вместо оусрьдѣ (?)). В других рукописях перевода: оусердьно (РО МГАМИД 452, л. 41г, Трц. 10, л. 61), сь ѡсрьдїемь (Деч. 71, л. 56об., VAR 68 (ч. 2), л. 36об.), оусрьдѣ (Рум. 199, л. 112а, Син. тип. 39, л. 66в).

В последнем примере наречие *оусрьдѣ* при переводе проѡѡѡс функционирует в тексте преславского перевода дважды, и в Рум. 198 оба раза как «псевдогапакс».

Из-за ошибок, допущенных писцами, смысл текста затемняется или ускользает. Восстановить правильные чтения помогает не только привлечение к лексическому анализу параллельного текста византийского источника перевода, но и привлечение славянских рукописей этого перевода.

4. Применение лингвотекстологического метода анализа

Разработка метода лингвотекстологического анализа связана с именем выдающегося слависта XX века Л.П. Жуковской; этот метод был использован ею в многочисленных статьях и в обобщающей монографии (1976). Сущность этого метода заключается в том, что лингвистический анализ древних рукописей не будет являться глубоким, если он проводится на материале только одного кодекса: к нему необходимо привлекать данные других, генетически близких рукописей, и ему должен предшествовать анализ рукописной традиции памятника.

В книге о преславском переводе Лествицы (Попова 2020, с. 125–198) рассмотрены сохранившиеся 29 рукописей перевода и представлена стемма взаимоотношений этих рукописей. Наблюдения над лексическим составом Рум. 198 в сравнении с 9 рукописями разного происхождения, ставшими источниками материала для анализа в настоящей работе, подтвердили правильность представленной в названной монографии картины. Каждая из этих рукописей заслуживает отдельного исследования. Особый интерес для истории русского языка представляют древние русские рукописи, а именно галицко-волынская РО МГАМИД 459, московская Трц. 10 + Унд. 966 и новгородские Рум. 199 и Син. тип. 39. Как указано выше, из 391 не зафиксированной в исторических лексикографии лексемы Рум. 198 55 могут быть устранены из текстов названных кодексов путем лексической замены. Например, только писец Трц. 10 устраняет из текста лексемы *неподраживьш* и *непозыблюще сѧ*, только писец Син. тип. 39 — лексему *неприближение* и т.д. Лексические замены являются ценными источниками для исторической лексикологии: они позволяют отслеживать процессы устаревания тех или иных лексем, появления новых лексем, развития лексических значений.

Лингвотекстологический метод исследования позволяет обнаружить генетические связи между рукописями и реконструировать фрагменты истории бытования того или иного кодекса. Так, применительно

к рукописям, ставшим источниками материала в настоящей работе, можно сделать однозначный вывод, что Рум. 198 была одним из антиграфов Син. тип. 39: рукописи идентичны по структуре, в них одинаковые писцовые ошибки, и только в них встречаются многие лексемы, не отмеченные в исторических словарях русского языка. В связи с повторением писцом Син. тип. 39 ошибок писца Рум. 198 возникает вопрос о разграничении редких лексем и писцовых ошибок. Примером сказанному служит слово слѣпѣвыи:

(22) *Слѣпѣвыи прил. в роли суц. ѿ тѹфлѡс 'слепец', пример: лишаиѡ слѣпѣваго вожа. и паствы пастоуха. скытающаго сѧ. наставнѡка. младенища ѡдѧ его. болащаго врача. корабля кѣрмьника. вѣсѣмѣ бѣдоу подаеть 43б, 8–15. В других рукописях перевода: слѣпаго (Рум. 199, л. 58б, РО МГАМИД 452, л. 22б, Деч. 71, л. 35 об., Трц. 10, л. 38, ВАР 68 (ч. 2), л. 20 об.), слѣпѣваго (Син. тип. 39, л. 40г).*

На наш взгляд, в данном случае, скорее, имеет место редкая лексема, хотя нельзя исключать и писцовую ошибку.

В связи с близкими генетическими связями Рум. 198 и Син. тип. 39 попутно заметим, что Рум. 198 была привезена из Чернигова в Новгород 30 марта 1197 года, вероятно, кем-то из сопровождения Ярополка Ярославича (Турилов 2002, с. 207) и с тех пор многие века хранилась в Новгороде, став одним из антиграфов для переписки Лествицы писцом Син. тип. 39 (рукопись новгородского происхождения, из библиотеки Хутынского монастыря (Покровский 1916, с. 22, 38–39, 58)).

Лингвотекстологический метод предполагает привлечение к анализу не только рукописей одного памятника, но и других рукописей, сохранивших фрагменты этого памятника. Лествица была одной из самых популярных четвѣх книг на протяжении многих веков, и многочисленные выписки из ее текста вошли в литературные сборники как устойчивого, так и неустойчивого составов. В широко разошедшихся по разным памятникам фрагментам из Лествицы также функционируют лексемы, не отмеченные исторической лексикографией. Например, преславский переводчик передал эпитет, именующий царя Давида как *доброплачныи* (καλλιπενθος), это переводческое решение вошло в другие, более поздние славянские переводы Лествицы и через них в такой памятник русской литературы, как «Цветник».

(23) *Доброплачныи в знач. суц. ѿ καλλιπενθος 'сладко плачущий' (о царе Давиде), пример: онѣ доброплачныи. въздоуша глѧше. изведи ис тѣмнища дѣшоу мою (см.: Пс. 141:8) 72а, 6–10. Ср.: «Цветник» (из 111 глав), гл. 5: онѣ доброплачныи. въздыхаѧ глѧше. изведи ис тѣмницы дѣшу мою, цит. по рукописи №389 собрания Т.Ф. Большакова (ф. 37), Российская государственная библиотека, Москва; 1764 г., л. 38 об.*

В связи с приведенным примером, содержащим точную цитату из Священного Писания, необходимо обозначить еще один аспект, который необходимо учитывать при лексическом анализе в диахроническом аспекте.

5. Феномен «коллективной церковной памяти» в тексте рукописей

Функционирование редкой и уникальной лексики в точных библейских цитатах, в том числе в микроцитатах, заслуживает особого внимания исследователей. Наряду с сущ. *леньтионь* (см. выше пример 13) из 391 не отмеченной в словарях лексемы Рум. 198 в точных цитатах из Священного Писания встречаются *отърѣканиѣ*, *доброобразньѣ* и *бѣдньѣсьскажемьѣ*. Приведем контексты, в которых функционируют эти лексемы:

(24) Отърѣканиѣ ἡ ἀντιλογία 'пререкание', пример: положить еси насъ. на ѡрѣканиѣ свѣсѣдомъ нашимъ (см.: Пс. 79:7) 154в, 17–19. В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена отърѣканиѣ на прѣрѣканиѣ (Деч. 71, л. 146, VAR 68 (ч. 2), л. 79). Ср.: отърѣкати (СДРЯ, т. 6, с. 281).

(25) Доброобразньѣ εὐοχημόνως 'благопристойно', пример: вса доброобразньѣ. и по чинѣ да бывають (см.: 1Кор. 14:40) 159а, 15–17. В южнославянских редакциях перевода содержится лексическая замена доброобразньѣ на благообразньѣ (Деч. 71, л. 150, VAR 68 (ч. 2), л. 80 об.). Ср.: доброобразньѣ (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 264; СДРЯ, т. 3, с. 10).

(26) Бѣдньѣсьскажемьѣ δυσερμήνευτος 'трудно объяснимый, трудный для истолкования', пример: о нихже мьнго намъ слово по истинѣ. и бѣдньѣсьскажемьѣ (см.: Евр. 5:11) 159а, 1–4.

Эти лексемы связаны с малоизученным феноменом «коллективной церковной памяти»: книжник воспроизводил цитаты в том виде, в каком считал их правильным, авторитетным (см. об этом: Garzaniti 2009; Гардзанити 2014). Под этим термином подразумевается общий набор тем, образов, сюжетов, представлений, выражений, восходящих к тексту Библии, существовавший в сознании средневекового книжника. Выявление объема этой памяти возможно в результате анализа конкретных текстов, каждый из которых связан с частной локально-хронологической традицией. Так, в случаях, когда цитата выглядит одинаково во всех просмотренных нами рукописях перевода (как в примере с *бѣдньѣсьскажемьѣ*), можно предполагать, что именно в этом виде цитата входила в «индивидуальный архив» «коллективной церковной памяти» и преславского переводчика, и редактировавших этот перевод книжников разных локальных центров. В тех случаях, когда цитата выглядит по-разному (как в примерах с *леньтионь*, *отърѣканиѣ* и *доброобразньѣ*), можно предполагать различное наполнение «индивидуальных архивов» переводчика и редакторов текста. Представляется, что работа по составлению картотек библейских цитат в рукописях раннеславянских переводов разных текстов может привести к интересным результатам и облегчить атрибуцию разных переводческих школ и средневековых книжных центров.

Заключение

Сопоставление лексического состава древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского, а именно Рум. 198, с одной стороны, с лексическими составами генетически близких рукописей разных локализаций и, с другой, с данными словарей старославянского и древнерусского языков привело к выявлению множества лексем (всего 391), до сих пор не введенных в научный оборот по причине отсутствия их фиксации в лексикографии. Этим определяются научная значимость проведенного исследования и перспективность подобных сопоставлений на материале других кодексов.

1. В работе с памятниками переводной литературы принципиально важен учет данных оригинального текста; в случае с первым переводом Лествицы, выполненным в Преславской книжной школе, это ранняя греческая версия текста. Современные лексикологические (и, шире, филологические) исследования переводных текстов невозможны без привлечения данных языка-источника.

2. В случае фиксации той или иной лексики в словарях необходимо сверить данные лексикографического источника с данными текста рукописи; в результате этой работы обнаруживаются факты лексической омонимии, а также уточняется и расширяется семантический объем многозначных лексем.

3. При лексическом анализе текста рукописи необходимо учитывать экстралингвистические данные, а именно историю создания и бытования кодекса, степень писцовой выучки и другие обстоятельства, которые могли отразиться в языке рукописи.

4. Наиболее плодотворным при проведении историко-лингвистических исследований остается лингвотекстологический метод, разработанный Л. П. Жуковской и апробированный ею на материале сотен рукописей Евангелия и Пролога.

5. При изучении текстов четвѣй литературы, построенной на библейской основе и содержащей многочисленные цитаты из текстов Священного Писания, необходимо учитывать феномен «коллективной церковной памяти»: в рукописях разных редакций одного и того же памятника цитаты могут иметь лексические разночтения. В результате исследовательской работы в указанном направлении могут быть уточнены критерии атрибуции средневековых книжных центров.

Представленный выше анализ является первичным, и по этой причине он выполнен в лингвотекстологическом ключе. В рамках одной статьи невозможно представить лингвистическое описание всех не зафиксированных в исторических словарях лексем Рум. 198 (всего 391); каждая из них заслуживает внимания историка русского языка. Перспективным представляется дальнейший углубленный многоаспектный лингвистический анализ выявленных лексем: с точки зрения их морфемной и словообразовательной структуры это может быть иссле-

дование композитов, беспрефиксных вариантов зафиксированных в исторических словарях лексем, суффиксальных и префиксальных образований; с семантической точки зрения это может быть, например, анализ конкретных и абстрактных существительных, анализ развития оценочных коннотаций у лексем различной частеречной принадлежности и т.п.; с грамматической точки зрения это может быть, к примеру, анализ синтаксической синтагматики выявленных лексем. Сверхзадачей настоящей работы было привлечение внимания специалистов в разных областях науки о языке к замечательному и малоисследованному памятнику древнерусской письменной культуры.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФ (проект №22-18-00005-П «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Список источников и литературы

Гардзаниги, М., 2014. *Библейские цитаты в церковнославянской книжности*. М., 232 с. [Garzaniti, M., 2014. *Biblical quotes in the Church Slavonic book writing*. Moscow, 232 p. (in Russ.).]

Жуковская, Л.П., 1976. *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. М., 368 с. [Zhukovskaya, L.P., *Textology and language of the most ancient Slavic monuments*. Moscow, 368 p. (in Russ.)] EDN: ZIIPF.

Илиева, Т., 2013. *Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на "De Fide Orthodoxa"*. София (на болг. яз.). [Ilieva, T., 2013. *Terminological Vocabulary in the Translation of "De Fide Orthodoxa" by John Exarch*. Sofia (in Bulg.).]

Крысько, В.Б., 2025. К истории древнерусской Лествицы. Экстратексты кодекса Рум. 198 и рукопись Рум. 199. *Рема*, 1, с. 70–97. [Krysko, V., 2025. On the history of the Old Russian Ladder: Extratexts of the codex Rum. 198 and the manuscript Rum. 199. *Rhema*, 1, pp. 70–97 (in Russ.)] EDN: OPVMIK, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2025-1-70-97>.

Покровский, А.А., 1916. *Древнее псковско-новгородское письменное наследие*. М., 282 с. [Pokrovsky, A.A., 1916. *Ancient Pskov-Novgorod written heritage*. Moscow, 282 p. (in Russ.).]

Попова, Т.Г., 2010. *Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского*. Северодвинск, 372 с. [Popova, T.G., 2010. *The Slavic manuscript tradition of the "Ladder" of John Climacus*. Severodvinsk, 372 p. (in Russ.)] EDN: UIMRLL.

Попова, Т.Г., 2020. *Первый славянский перевод Лествицы Иоанна Синайского*. М.; СПб., 320 с. [Popova, T.G., 2020. *The first Slavonic Translation of the "Ladder" of John Climacus*. Moscow; St. Petersburg, 320 p. (in Russ.).]

Пузина, М.А., 2021. Лексикографически не описанная лексика в январской минее ГИМ. Син. 163 XII в. В: *Sub specie aeternitatis: сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. М., с. 430–453 [Puzina, M.A., 2021. Lexicographically undescribed vocabulary in yanvarskaya mineya GIM. Sin. 163 XII Century. In: *Sub specie aeternitatis: collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Vadim Borisovich Krysko*. Moscow, pp. 430–453 (in Russ.)] EDN: GVKEKM.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1988 и след. М. [Dictionary of the Old Russian language of the XI–XIV centuries, 1988 and next. Moscow (in Russ.).]

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975 и след. М. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries, 1975 and next. Moscow (in Russ.).]

Срезневский, И. И., 1958. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I—III. М.; Л. [Sreznevsky, I. I. *Materials for the Dictionary of the Old Russian language based on written monuments*. Vol. I—III. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков), 1999. М. [Old Church Slavonic dictionary based on manuscripts of the 10th – 11th centuries, 1999. Moscow (in Russ.)].

Турилов, А. А., 2002. «От князя отъ Ярѣполка» (К истории двух древнейших русских списков Лествицы). *Русский язык в научном освещении*, 3, с. 204—210. [Turilov, A. A., 2002. “From the prince Yarpolk” (To the history of two ancient Russian manuscripts of the “Ladder”). *Russian Language and Linguistic Theory*, 3, pp. 204—210 (in Russ.)].

Chantraine, P., 1968—1977. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Vol. I—IV. Paris.

Garzaniti, M., 2009. Bible and Liturgy in Church Slavonic Literature. A New Perspective for Research in Medieval Slavonic Studies. In: J. A. Álvarez-Pedrosa and S. Torres Prieto, eds. *Medieval Slavonic Studies. New Perspectives for Research*. Paris, pp. 127—148.

Hansack, E., 1981. Die theoretische Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes. *Die Welt der Slaven*. Bd. XXVI, pp. 15—36.

Lampe, G. W. H., 1961. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford.

Liddel, H. G. and Scott, R., 1996. *A Greek-English Lexicon (with a revised supplement)*. Oxford.

Miklosich, Fr., 1862—1865. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum*. Vindobonae.

Popova, T. G., 2012. *Die “Leiter zum Paradies” des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*. Köln; Weimar; Wien, <https://doi.org/10.7788/boehlau.9783412215163>.

Popova, T. G., 2025. *Die “Leiter zum Paradies” des Johannes Klimakos: Frühgriechische Version des Textes – Vorlage der Preslaver Übersetzung*. Düren, <https://doi.org/10.2370/9783819100338>.

Sophocles, E. A., 1914. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B. C. 146 to A. D. 1100)*. Cambridge.

Об авторе

Татьяна Георгиевна Попова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8431-2962

SPIN-код: 3254-7740

E-mail: lestvic@mail.ru

Для цитирования:

Попова Т. Г. Лексикографически не описанные слова древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, № 2. С. 58—74. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-3.

LEXICOGRAPHICALLY UNDESCRIBED WORDS
FROM THE OLDEST RUSSIAN MANUSCRIPT
OF THE "LADDER" BY ST. JOHN CLIMACUS

Tatiana G. Popova

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 05.10.2025

Accepted on 28.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-3

*This article examines the functioning of rare and unique vocabulary in the oldest Russian manuscript of *The Ladder* by St. John Climacus, created in the mid-twelfth century. The aim of the study is to introduce new material into scholarly circulation in the fields of historical lexicology and historical lexicography. The principal research method employed is linguotextual analysis.*

By comparing the lexical composition of the manuscript with the evidence provided by Old Church Slavonic dictionaries and historical dictionaries of the Russian language, the author identified 391 lexemes that had not previously been recorded in historical lexicography. The manuscript's vocabulary was also compared with that of other manuscripts of the Preslav translation dating from the thirteenth and fourteenth centuries. This comparison made it possible to distinguish lexemes common to all manuscripts (226), lexemes replaced in South Slavic versions (84), lexemes replaced in East Slavic versions (55), and lexemes attested only in the oldest manuscript (26). Examples from each of these groups are presented in the form of dictionary entries, including definitions of meaning, extended contextual evidence, indications of possible scribal errors, and instances of lexical variation. The study also identifies Byzantine parallels to Old Russian lexemes and discusses cases of lexical homonymy. Particular emphasis is placed on the importance of considering extralinguistic factors in the analysis of Old Russian texts, especially the manuscript tradition and the historical circumstances of a text's creation.

The article demonstrates the significance of lexical analysis of early Slavic texts from different chronological periods and geographical areas for the development of a new field of research concerned with the phenomenon of medieval 'collective church memory'.

Keywords: "Ladder", John Climacus, historical lexicology, historical lexicography, Old Russian language, Early Slavic translations, Old Russian manuscripts, linguotextological analysis, biblical quotes

Acknowledgements. *The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00005-P, "Iconography and Hagiography of *The Ladder* of St John Climacus").*

The author

Prof. Tatiana G. Popova, Leading Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-8431-2962

E-mail: lestvic@mail.ru

To cite this article:

Popova, T.G., 2026, Lexicographically undescribed words from the oldest Russian manuscript of the "Ladder" by St. John Climacus, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 58–74. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-3.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ОРГАН В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Республика Карелия, Петрозаводск, просп. Ленина, 33

Поступила в редакцию 10.08.2025 г.

Принята к публикации 28.01.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4

Потенциально неисчерпаемый семантический потенциал слова во всем богатстве его узуальных значений и индивидуально-авторских смыслов, который демонстрирует литературно-художественный дискурс, уже неоднократно становился предметом филологического анализа. Одним из таких поликодовых знаков с широкой семантической палитрой и интересной синтагматикой является слово орган. В статье представлен анализ прямых и переносных употреблений, образных трансформаций лексемы орган в русской словесности на протяжении около полутора веков ее развития: главным материалом, выбранным для лингвопоэтического анализа, являются фиксируемые в Национальном корпусе русского языка художественные контексты, содержащие лексему орган и относящиеся к периоду 1700-х годов – первых десятилетий XX века. Цель анализа – выявление тенденций образно-символического использования и индивидуально-авторского переосмысления слова орган поэтами сменявшихся постепенно друг друга разных литературных стилей (барокко, классицизма, сентиментализма, романтизма) в аспекте освоения заимствованного гречизма лирикой и русской культурой в целом.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам: 1) в поэзии эпохи барокко, классицизма, сентиментализма и романтизма лексема орган редко используется в прямом значении 'музыкальный инструмент' (в основном в переводах, переложениях); в поэзии XX века, напротив, уже отчетливо преобладает использование слова в значении 'духовой клавишный инструмент', в том числе в составе сравнений, а также появляются олицетворяющие переносы («орган-человек»); 2) образно-символические смыслы (например, в случае возникновения метафорических переименований типа орган души или орган сердца) в поэзии приобретают особую активность в период Золотого века, когда тропеические контексты оказываются преобладающими и демонстрируют широчайшие синтагматические и функциональные возможности лексемы орган, обогащая словарную семантику разнообразными «приращениями» смысла и трансформируя узуальную валентность; 3) частотность использования лексемы орган в русской поэзии достаточно тесно коррелируется с процессами освоения в России западноевропейской органной музыки, особенно активного в эпохи барокко, романтизма и Серебряного века; почерпнутые из Псалтыри смыслы, ставшие «своими» в православной традиции, в семiosфере русской культуры адаптируются и тесно переплетаются с «чужими», обусловленными топиками, свойственными западноевропейскому церковному и светскому обиходу.

Ключевые слова: *индивидуально-авторская валентность слова, образ, окказиональная семантика, поэтическая синтагматика, символ, словарное значение, смысл, узуальное словоупотребление*

1. Введение

Индивидуально-авторские переносные смыслы являются результатом контекстуальной трансформации привычной семантики и сочетаемости, нарушающей стандартное, нормативное словоупотребление и потому сразу сосредоточивающей на себе максимум читательского внимания, создающей «эффект обманутого ожидания» (в терминах Р.О. Якобсона), — так метафоризация неминуемо обогащает как функционально-семантический, так и валентностный потенциал слова, особенно ярко и разнообразно раскрывающийся в лирическом дискурсе. И.И. Гарин по этому поводу отмечал: «Слова есть символы, приобретающие значение лишь в руках человека, — кирпичи для стройки. С их помощью мы не реставрируем — творим другой мир... Поэзия понятна не потому, что проста, а потому, что многозначна...» (1994, с. 461–462).

Окказиональный смысл, в процессе создания художественного образа обогащаемый добавочными «обертонами», «приращениями» (Ларин 1974, с. 34, 100), текучий, подвижный, приводящий к «остран(н)ению» изображаемого (см.: Шкловский 1919, с. 105), существует в неразрывном единстве не только с узуальной (зафиксированной в тезаурусах соответствующей эпохи языкового развития) семантикой слова, но и с изображаемым писателем и воссоздаваемым читателем «возможным» миром. Как замечает С.Т. Золян, «можно считать, что значением текста является приписываемая тексту реальность, которую он якобы отражает (актуальный или возможный мир), а смыслом — определяемые структурой текста правила соотношения языковых выражений текста с этой реальностью (поэтический мир). <...>...смысл предполагает свое разрешение в значениях» (Золян 2014, с. 17–18). Фиксируемое словарями данного языка в ту или иную эпоху культурного развития значение его единиц (морфем, лексем, предложений), используемых при построении высказывания, связано не только с той вещью или ситуацией осмысливаемой писателем действительности, но и с образом формирующегося в его сознании «возможного» мира, кодируемого с помощью выбранных из языкового тезауруса и дополнительных к нему окказиональных средств.

Семантический тезаурус автора и читателя, динамика частотности и сам набор ключевых слов-доминант художественного дискурса, разумеется, тесно связаны с изменениями в социокультурной сфере, взаимодействием в ней «своего» и «чужого», уходом одних явлений и освоением других, новых. Кроме того, следует оценивать своеобразие авторского словоупотребления на фоне общепоэтической нормы того или иного периода в развитии поэтического искусства, характерной для соответствующего литературного метода, направления, школы.

В процессе тропообразования, как и в пейзажных зарисовках, лирических экспозициях, обычно участвуют конкретные имена существи-

тельные: предметное ядро позволяет поэту нагляднее, живописнее воплотить суть волнующих его явлений философского-психологического плана. Целью данной работы стало представление истории функционирования, особенностей синтагматики и семантических возможностей лексемы *orgán* в русском лирическом дискурсе XVIII — начала XX века.

С учетом ранее сказанного об обусловленности образных «приращений» слова рядом объективных и субъективных интра- и экстралингвистических факторов представляется интересным выяснение направлений и частотности поэтических трансформаций заимствованного музыкального термина и их индивидуально-авторского характера в аспектах: 1) соответствия словарной норме языка; 2) общепозитической нормы эпохи; 3) корреляции с процессами освоения органной культуры в России. Данные направления исследования требуют применения разнообразных методологических подходов и приемов анализа: лексикографический (изучение динамики представленных в словарных источниках толкований выбранной лексемы), количественный и корпусный (анализ данных, полученных с опорой на «Национальный корпус русского языка», в дальнейшем — НКРЯ), функционально-семантический и герменевтический (в процессе интерпретации значений и контекстного окружения выбранного слова), сравнительный (при сопоставлении в процессе поиска семантико-синтагматической динамики слова употреблений, связанных с разными литературными методами и течениями).

2. Лексема *orgán* в НКРЯ и словарях

Активность использования имени существительного *orgán* (рис. 1), по данным основного корпуса НКРЯ, растет постепенно, с редкими «всплесками» употребительности начиная с последних десятилетий XVIII столетия и далее к настоящему времени (отметим, что приведенный ниже график отражает «неснятую» омографию лемм¹ в первичных значениях 'часть организма' и 'духовой клавишный инструмент'²): используются омографы в 50768 случаях, которые зафиксированы в 12996 текстах (IPM 130,35). Первое употребление лексемы, обозначающей музыкальный инструмент, относится к 1700-м годам³:

¹ Опираясь на данные словарей (напр., (Вейсман 1782)), П. Я. Черных высказывает предположение, что в первое время в русском языке *орган* и *орган* не отличались по месту ударения — оба произносились с акцентом на втором слоге. Различные омографы впервые, вероятно, фиксирует только «Словарь Академии Российской» (Черных, 1999, с. 602). Ср. также: (Словарь Академии Российской 1793, с. 638; Вейсман 1782, с. 558).

² Марина Цветаева прибегает к каламбурному обыгрыванию омографов, подтверждая особую роль омонимии в создании художественного образа: *Сердце: скорее orgán, чем óрган* (см. пример в (Павлович 2007а, с. 272)).

³ Поиск леммы *орган* в историческом подкорпусе НКРЯ результатов не дал.

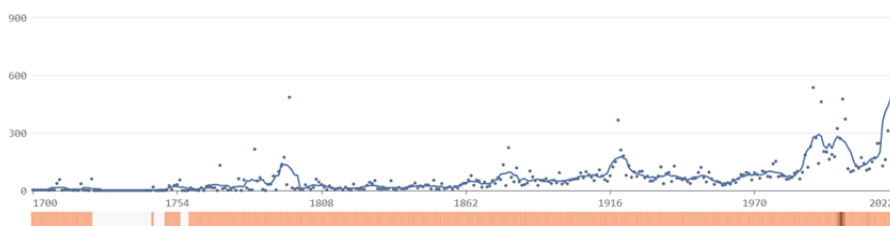

Рис. 1. Лексема *орган* в русской литературе, научных текстах и публицистике (по данным основного корпуса НКРЯ)

В поэзии использование лексем *орган* начинается примерно тремя десятилетиями позднее (рис. 2), согласно поэтическому подкорпусу НКРЯ, фиксирующему между 1750-ми годами и началом XXI века 427 примеров в 361 тексте (IPM 30,29, что более чем в четыре раза ниже, чем в основном корпусе, содержащем в том числе и научные тексты с омографом *орган*). Максимумы волнообразной употребительности падают на вторую половину XVIII века, 1830–1840-е годы, эпоху модернизма, рубеж XX и XXI столетий (на такое увеличение частотности в последний период, несомненно, оказало влияние возрастание употребительности в лирике омографа в значениях ‘часть организма’, ‘периодическое издание’ и ‘учреждение’).

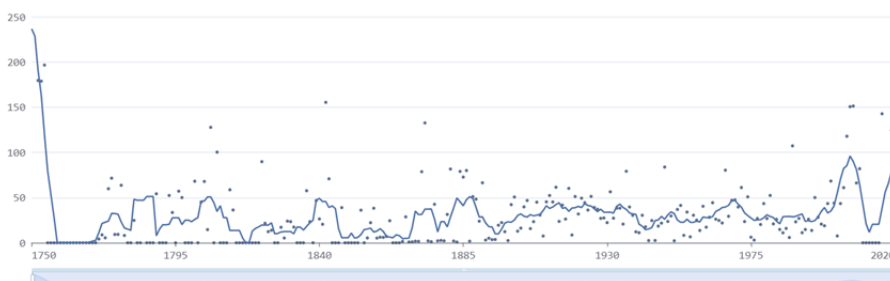

Рис. 2. Лексема *орган* в русской лирике (по данным поэтического корпуса НКРЯ)

Для выявления вклада русских поэтов в расширение семантического ореола и валентностных возможностей слова *орган* необходимо сопоставить его контекстуальные смыслы с имеющимися в нашем распоряжении словарными дефинициями. Так, в словарях XVI – начала XVIII века анализируемая лексема, еще без комментария к значениям, отражается по крайней мере в трех орфографических вариантах *органъ* (Поликарпов 1704, л. 212), *арганъ* (Ковтун 1975, с. 266) и *органъ* (Славинецкий 1973, с. 294) как аналогов латинского *organum*, имевшего два значения: 1) орудие, инструмент; 2) музыкальный инструмент (Дворецкий 1976, с. 711). В латынь лексема попала из древнегреческого, в котором *ὄργανον* означал ‘орудие, средство, прибор’, ‘музыкальный инструмент’ (например, у Платона), ‘орган тела’, ‘материал’, ‘произведение’ (Дворецкий 1958, с. 1187).

Если сравнить данные словарей церковнославянского языка и исторических словарей русского языка, то выявляется заметная динамика в семантической структуре лексемы *орган* на протяжении ряда столетий, а также процесс постепенного расхождения двух омонимов, происшедших из древнегреческого и латинского источников.

Так, словари, опирающиеся на старославянские источники, указывают для вокабулы *оръганъ* только два значения — прямое 'орудие, инструмент' и синекдохическое 'музыкальный инструмент' (Словарь старославянского языка 2006; Цейтлин и др. 1994, с. 415), демонстрирующее свойственный древнегреческому и латыни перенос с рода на вид предметов.

«Словарь Академии Российской» закрепляет за одним из двух омонимов *органъ*⁴ только значение 'музыкальное духовое орудие' (Словарь Академии Российской 1793, Стб. 638).

Фиксацию метафорического значения впервые, вероятно, совершает И. И. Срезневский: в качестве переносного употребления приводится минейный контекст «богодуховенный орган» (об Иоанне Златоусте), ассоциирующий Святой Дух и глас Божий со звучанием духового инструмента (Срезневский 1902, стб. 704—705).

Данные академических исторических словарей русского языка подтверждают образование омонимов с вариативным еще ударением ко времени Петровских реформ; уже в XI веке зафиксированы образно-переносные словоупотребления «богодъхновенныи оръганъ», с XV века — «бездушнымъ арганомъ», «орган словесный»⁵ (Словарь русского языка XI—XVII вв. 1987, с. 62—63; Словарь русского языка XVIII века 2007, с. 67—68).

Итак, результатом расхождения лексико-семантических вариантов изначально многозначного заимствования стало образование двух омографов, а также процессы первоначального расширения семантики с последующим сужением узуального номинативного потенциала одного из них до рамок обозначения музыкального термина (см.: Словарь русского языка XVIII века 2007, с. 67—68; Словарь церковно-славянского и русского языка 1847, с. 77).

3. Лексема *оргán* в поэзии XVIII века

Под пером автора смысл сначала рождается в неповторимом и субъективно окрашенном контексте, связанном с писательской версией микро- и макрокосма (даже если иметь в виду формы намеренного

⁴ В этом издании омографы *орган* и *оргán* возглавляют уже разные статьи.

⁵ Ср. с приведенным в НКРЯ позднейшим употреблением: «...колыми паче пастырю непристойно воспевать, посреде церкви, Божие слово, когда **орган языка** его несогласен с гуслими души его добродетелей» [«Слово о пользе благочестия» архиепископа Платона (Левшина). 1763] (здесь и далее в цитатах выделено мною. — Н.П.). Здесь и далее цитаты из художественных текстов, если нет иных пояснений, даны по основному и поэтическому подкорпусам Национальному корпусу русского языка (URL: <https://ruscorpora.ru>) — как правило, с указанием автора и произведения в квадратных скобках.

скрытного цитирования, аллюзии и реминисценции, традиционно-поэтические формулы, все равно волей автора и в соответствии с его творческим замыслом включаемые в произведение), затем реконструируется по-своему каждым читателем «окружении», интерпретируется уже в соответствии с мировосприятием адресата в процессе декодирования текста, поэтому невозможно свести поэтический тезаурус лексемы к словарю данного языка: «...Восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству... и поэтический образ досоздается — каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» (Белый 1994, с. 133). Предлагая формулу образа, А.А. Потебня не случайно противопоставлял образ-троп, с одной стороны, и значение — с другой, именно с точки зрения сознания адресата, создавая свою *активную*, а не пассивную *поэтику* (если прибегать к терминологической аналогии с пассивной грамматикой субъекта и активной грамматикой слушателя): «X (значение поэтического образа) заметно изменяется при каждом новом восприятии A (образа) одним и тем же лицом, а тем более — другим; между тем A (образ), единственное объективно данное в поэтическом произведении, при восприятии остается приблизительно неизменным. Поэтому, в противоположность отношению закона и факта, в поэзии образ неподвижен, значение изменчиво... а в ряду случаев безгранично» (2003, с. 166). Интересные примеры «приращения» смысла, более или менее далеко выходящие за рамки узуальной нормы, дают не только жанр проповеди, «слова» и «речи» послепетровского периода, но и поэзия XVIII столетия.

По данным НКРЯ, первым употребил в русском поэтическом дискурсе слово *орган* В.К. Тредиаковский в эпистоле I из «Феоптии» (1750—1754):

Как не зрим **органа** мы сладостно гудуща,
Иль за завесом, или в темном храме суща,
Можно ль нам подумать, что **орган** собой поет
И с тремя гласами в сходстве звон осмый дает,
А что то не человек, и еще искусный,
Кой глас то веселый в слух, то влагает грустный?..
Тотчас заключает всяк, что то совершенный
Механист и музыкант, кой толь украшенный
Тот **орган** соделал, прежде вымыслив умом,
А искусством в дело произвед уже потом. <...>

Тредиаковский в созданной как вольное переложение Фенелонова «Трактата о существовании и атрибутах Бога» (1713) поэме отражает реалии не только западноевропейской церковной и светской культуры⁶, но и начавшегося в России при Петре I активного освоения орган-

⁶ В эпистоле IV находим уже использование омонима в рассуждении о великолепии сотворенных создателем человеческих «составов»: «Мнится, что довольно мудрость вышню изъяснить, / Смыслящего ж можно пребезмерно удивить, / Ежели, коль ни слегка, внутренних составов / наших токмо ряд сказать, чин и

ного строительства, исполнения и введения новых музыкальных форм в придворный и царских приближенных бытовой обиход⁷. Не случайно в произведениях активных сторонников Петровских реформ, в том числе В. К. Тредиаковского, «органные» мотивы включаются в художественные и риторические произведения⁸.

Так как заимствованная на славянской почве⁹ лексема *орган* первоначально могла обозначать любой музыкальный инструмент, вполне объяснимо употребление слова *орган* в качестве аналога *лиры* в переводе первой Горациевой оды¹⁰ М. Н. Муравьевым (1775): *Орган настроит Полигимния...*¹¹

их уставов; / Человека гласа всеприятный сей **орган**, / Кой на разность звонов и на красоту нам дан, / Музикийских лир и труб роды превышает, / Следует ему из сих всяк, да возглашает».

⁷ Историки органной музыки отмечают, что орган, никогда не использовавшийся в православном богослужении, проник в Россию из Византии еще во времена киевских князей и звучал на пиришествах и иных увеселениях. Существуют свидетельства приглашения органистов для светских развлечений ко двору великих князей и царей Московской Руси в XVI–XVII веках. При Петре Великом орган, хотя и перестал включаться в придворное музицирование, все чаще становился домашним инструментом московских и петербургских вельмож, а также распространялся в протестантских кирхах и католических костелах, строившихся со времен петровских преобразований для прибывавших на службу иностранцев (см. подробнее: Ройзман 1979), однако роль органа «в общей музыкальной культуре страны оставалась скромной до конца XIX века» (Лепнурм 1999, с. 73).

⁸ Между тем слово *орган* у М. В. Ломоносова, по крайней мере по данным НКРЯ, представлено только в его естественно-научных трудах. В насыщенной естественно-научной и философской терминологией «научной» поэзии П. А. Словоцова, продолжателя ломоносовской традиции, лексема, использованная в значении ‘часть тела, организма’, получает ударение на втором слоге (стихотворение «Материя» 1796 г.): «Вся разность жизни в разности Движенья, / А в протчем все равно растут как гриб; / Агаты, литофиты, прозябенья, / Полип, орангутанг и караиб / Равно живут и переходят в росты, / Имеют пищу, силу, плод, наросты / И, может статься, чувственный **орган**; / Кто испытал, не дышит ли тюльпан?»

⁹ По предположению М. Фасмера, древнерусское *органъ* происходит, «весьма вероятно», из греческого (2004, с. 149). П. Я. Черных утверждает, что в русский язык слово заимствуется из греческого, в западноевропейские — из латинского (1999, с. 603).

¹⁰ В оригинале оды Горация фигурирует настраиваемая Полигимнией Лесбоская лира как символ поэтического искусства: “Me gelidum nemus Nympharumque leves cum Satyris chori Secernunt populo, si neque tibias Euterpe cohibet nec Polyhymnia Lesboum refugit tendere barbiton. Quodsi me lyricis vatibus inseres, Sublimi feriam sidera vertice” (Гораций Флакк 1947, с. 15).

¹¹ Орган и лира оказываются тесно ассоциативно связаны как символы музыкального и поэтического мастерства также в написанном двадцатью годами позднее стихотворении сентименталиста И. И. Дмитриева, посвященном впечатлениям от концерта приглашенного в Россию немецкого композитора и органиста И. В. Гесслера: «О Геслер! где ты взял волшебное искусство?.. / О непопстижность! что со мной?.. / Стой, Геслер, стой!.. / Лишаюсь сил, изнемогаю... / И **лиру** пред тобой бросаю» [Дмитриев И. И. Стихи на игру господина Геслера, славного органиста. 1795].

Между тем и в приведенном выше отрывке из «Феоптии» В. К. Тредиаковского, и в описании из «Письма ко приятелю в Москву» А. П. Сумарокова (1774) имеющегося в доме одного из петербуржцев домашнего оркестра и хора, очевидно, имеется в виду позднейшее, более узкое, терминологическое значение 'духовой клавишный инструмент', который широко использовался в католической и протестантской литургии:

Другая тут поет при струнах и **органе**,
И для того
На сем дворе его
Все слышат восклицанье хора...

Заметим при этом, что история лексемы *orgán* в русской поэзии началась гораздо ранее, чем в середине XVIII столетия (если иметь в виду приведенные НКРЯ примеры эпистол «Феоптии» Тредиаковского): по крайней мере с посвященной Полтавской баталии «победной песни» Феофана Прокоповича «Епиникион...» (1709)¹²:

Аще когда наипаче ныне нам желати
Достоит многих устен, ибо ниже **златый**
Орган рифмотворческий воспети довлеет
Нашей ныне радости, ниже что успеет
Ветийских устен слово... (Прокопович 1961, с. 209).

Приведенный контекст свидетельствует об использовании слова в переносно-метафорическом значении для создания аллегорического образа поэзии (как «ветийских устен слово» является замещением понятия «риторика»), яркость которого усиливается обрамлением метафоризируемого слова эпитетами *златый* и *рифмотворческий*¹³.

Реформатор церкви и языка во времена Петровских преобразований, ритор и поэт Феофан Прокопович был наставником молодого Тредиаковского, поэтому лексема *орган* могла быть навеяна автору «Феоптии» и хорошо известными ему строками «Епиникиона...». С другой стороны, свою философскую поэму Тредиаковский создавал и завершил в 1754 году параллельно с поэтическим переложением Псалтири, в тексте которой находим упоминания и об арфе и органе¹⁴.

¹² Стихотворные произведения Феофана Прокоповича в НКРЯ, к сожалению, на данный момент не включены.

¹³ В «словах» Феофана находим примеры как прямые (при этом включенные в сравнение), так и косвенные (метафорические) смыслы лексемы *орган*: «Якоже бо одним пером неравно пишет ученый и неученый писец, одним **органом** неравно слух веселит искусный и неискусный музык, одним серпом неравно нажинает сильный и немощный жатель, так и одно оружие неравно в разных руках действует» [«Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире». 1722]; «Слышим же еще тогожде **духа органы** согласныя» [«Слово о власти и чести царской...». 1718].

¹⁴ Разумеется, в синодальном переводе псалмов царя Давида на старославянский имелся в виду музыкальный инструмент вообще, так как иное толкование было бы чуждо православной церковной культуре: *Его с тимпаном и ликами*,

Создававшиеся еще в древнерусский период толкователи Псалтири (словари-«приточники», в терминах Л. С. Ковтун (1963, с. 155–215) содержали комментарии к образно-аллегорическому смыслу ветхозаветных песнопений, в том числе и к слову *orgán*, ассоциировавшемуся, согласно «приточникам» и их более поздним аналогам, с «думой благой» (см. публикации рукописных «приточников» в работе: (Там же, с. 186, 406, 432 и др.)) или с «думой доброй к Богу», как это передает инок Прохор Коломнягин в «Толковании о Псалтырных словесех» (Савельева 2023, с. 300). Таким образом, лексема *organ* к начальному периоду в развитии российской поэзии была уже вполне освоена в «славеноросском» культурно-языковом тезаурусе: предшествующая история бытования лексемы *ор(ъ)гань* в средневековых церковнославянских источниках (например, летописях и минеях) оставила авторам Нового времени «память» о метафорических переосмыслениях узусных смыслов, поэтому наряду с прямым употреблением (как, например, у А. И. Богданова в «Описании Санктпетербурга» (1751): «Кирка Лютерскаго исповедания, на Адмиралтейской стороне, на Большой Прешпективной; построена каменная, изряднаго построения, в которой имется преизрядныя **органы**», — и у Д. И. Фонвизина в «Письмах родным» (1784–1785): «...поутру ходил я по церквам смотреть прекрасных картин; в соборной видел и слышал я **орган** первый в свете»), находим среди первых примеров использования в жанре проповеди и переносные аллюзийные, например: «Что? естлиб в нынешнее время встал Златоуст: не возгремел ли бы он тем языком, которым развратников своего времени приводил в страх и раскаяние?.. Он получив талант просвещения и сладкоглаголиваго языка, не скрыл их в земле нерадения, но несказанным трудом себя отягощал, проповедуя почти ежедневно слово Божие... И потому почитаем был яко **богодухновенный орган** вся... церкви» [«Слово в день Святаго Иоанна Златоустаго» архиепископа Платона (Левшина). 1775]. Руководства по риторике, поэтике и гомилетике предполагали украшение панегириков и проповедей «цветами» красноречия, поэтому несомненно, что почву для расширения тропеического использования лексемы *orgán* в новой (светской) словесности создавала традиция церковного слова: «...согласи **орган** твоих **чувств** с духовною цевницею внутренняго благоучреждения» [«Слово в день Святыя Пасхи» архиепископа Платона (Левшина). 1777]; «...возьми **орган добродетелей**; и **гусли любезнаго поведения**...» [«Поздравительныя речи Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству» архиепископа Платона (Левшина). 1763–1776]; ср. более позд-

хвалите Его на струнах и органе (Пс. 150:4); *Руки мои сделали орган, персты мои настраивали псалтирь* (Пс. 151:2). Ср. также Синодальный перевод второй строки псалма 136 *На вербах, посреди его [Сиона], повесили мы наши арфы* и перевод Псалтыри на русский язык, выполненный русским православным библиистом и богословом П. А. Юнгеровым: *На вербахъ среди его мы повѣсили органы наши* (Юнгеров 1915, с. 205–206) с примечанием автора: «Гр. Ὀργανα — всякій музыкальный инструментъ» (Там же, с. 206).

ним образом уже у Н. М. Карамзина: «Что может быть прелестнее гармонии человеческих голосов? Это непосредственный **орган божественной души!**» [Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1793].

Первые после Феофана Прокоповича метафорические контексты в поэзии появляются у М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина:

Тогда господнее изрек определенье
Орган небесных тайн в священном исступленьи,
Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
Душ пастырь возвестил пророчества царю...
[М. М. Херасков. Россияда. 1771 – 1779]

Ему единому вы строите
Органы сердца своего.
[Г. Р. Державин. Уповающему на свою силу. 1785]

А вы, для коих всё творение ликует, —
Вы сердце и глава всего, всего язык!
Вам должно увенчать сей важный гимн Природы!
В обширных городах толпящийся народ!
Соедини свой глас с **глубоким** сим **органом**...
В усердии все вдруг возвысьте вы его, —
Возвысьте все свой глас к превыспреннему небу!
[Н. М. Карамзин. Гимн. 1789]

Направления переноса лексемы *орган* связаны у авторов первых метафорических трансформаций¹⁵ с разными исходными ее узуальными значениями и их контаминацией: *орган небесных тайн* у Хераскова ассоциативно связан, кажется, не только с прямым значением ‘орудие, инструмент’ (с помощью которого изрекаются истины, последние тайны мира, пророчества), но и с толкованием ‘глас’ (Божий); державинский *орган сердца* как сердечный призыв, отклик души и карамзинский *глубокий орган* как голос природы¹⁶, зов бытия могут быть мотивированы в качестве метафор с направлением переноса ‘музыкальный инструмент’ → ‘голос кого- или чего-либо’. *Орган сердца*, кроме того, каламбурно соединяет два значения грецизма, ставших основой для развития омонимии на русской почве.

¹⁵ В словарях языка русской поэзии, содержащих образные парадигмы XVIII века, тропеический потенциал лексемы *орган*, представленный в произведениях эпохи барокко, классицизма и сентиментализма, отражается ограниченно: так, в словаре (Афанасьева 2022) приведенные выше контексты из Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина включены в рубрики, не связанные с образными трансформациями самого слова *орган* (Там же, с. 288, 377, 384, 389, 392 – 394, 400, 403); в работе Н. В. Павлович «органные мотивы» XVIII века иллюстрируются державинскими образами (2007а, с. 264; 2007б, с. 747).

¹⁶ Сам Н. М. Карамзин дает пояснение эпитету в сноске: «Кто знает музыку, тому не странно покажется выражение *глубокий орган*, т. е. орган, издающий глубокие тоны» (Карамзин 1966, с. 73).

Итак, поэтическое переосмысление анализируемой лексемы в эпоху русского барокко, классицизма и сентиментализма мира уже создает, как мы видим, достаточно сложную, многослойную систему референциальной отнесенности и множественную каузацию «возможной» реальности.

4. Лексема *орган* в поэзии первой половины XIX столетия

Прямое словоупотребление омографа в значении 'музыкальный инструмент' в русской лирике Золотого века успешно конкурирует по частотности с тропеическим¹⁷, но встречается, как правило, в переводах либо при передаче впечатлений от путешествия по Западной Европе: *Органа мех чудесный* [В. А. Жуковский. Пиршество Александра, или Сила гармонии (перевод стихотворения Джона Драйдена). 1812]; *Органа торжественный гром* [В. А. Жуковский. Покаяние (перевод стихотворения В. Скотта). 1831]; *звучным органом* [В. А. Жуковский. Сельское кладбище (перевод стихотворения Т. Грея). 1839]; *орган в старинной церкви нашей...* [А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери. 1830]; *Звучит во тьме орган...* [А. А. Фет. Notturmo. 1842]; *Пошел я в церковь dell'Annunziata, Опять орган играл.* [Н. П. Огарев. «Два дня я не видал моей статуи...» 1842]; *Монахи пели, и гремел орган...* [Н. П. Огарев. «Вчера я в церковь dell'Annunziata...» 1842]; *Божественный орган звучит...* [А. Н. Майков. Сен-Дени. 1843].

Поэты первой трети XIX века продолжают расширение синтагматического и функционально-семантического тезауруса лексемы *орган* на фоне нового (после эпохи барокко) роста интереса к органной музыке в России: не случайно сочинителями произведений для органа были, например, писатель-«любомудр» В. Ф. Одоевский и близкий пушкинскому кругу композитор М. И. Глинка¹⁸.

Так, образ органа появляется, например, в навеянных Псалтырью строках А. С. Грибоедова о царе Давиде и «оживляет», ассоциирует архаические значения 'музыкальный инструмент вообще' и 'благая дума, обращенная к Богу':

...внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
 Псалтырь устроили персты.

[А. С. Грибоедов. Давид. 1823]

¹⁷ Впрочем, уже и в поэзии Г. Р. Державина чаще представлены примеры прямого употребления лексемы в значении 'музыкальный инструмент': «Или музыкой и певцами, / **Органом** и волынкой вдруг, / Или кулачными бойцами / И пляской весело мой дух... («Фелица», 1782); «Гремит **орган** на стогне трубный, / Пронзает ночь и тишину; / Очаровательный огонь чудный / Малюет на стене луну» («Фонарь», 1804).

¹⁸ См. подробнее, например, в работе (Будкеев 2008).

То же «воскрешение» внутренней формы слова наблюдаем у А. Ф. Мерзлякова и В. Г. Теплякова, прибегающих к переносному употреблению анализируемой лексемы, известному псалмам («боговдохновенный орган» как глас Божий), с целью метафоризации языка, духа, познания бытия:

Язык — жизнь — труд умов, — повсемственный, всевластный

Орган жиждительных, всеправящих **небес!**

[А. Ф. Мерзляков. Труд. 1825]

В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух

Органам ангелов, восторженный, внимает...

[В. Г. Тепляков. Одиночество. 1832]

«Пограничную» ситуацию с точки зрения семантической трансформации представляет собой сравнение, сопологающее прямое словоупотребление в качестве образа и параллельно в контексте подаваемый в новом ракурсе предмет. Например, В. А. Жуковский в переводе одной из басен Лафонтена использует сравнение в позиции предиката для передачи идеи полной зависимости людей от высшей и монаршей воли¹⁹. Здесь перед нами редкий пример использования лексемы орган в «низком» жанре басни:

Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;

Не люди, сущие **органы:**

Завел — поют, забыл завести — молчат.

[В. А. Жуковский. Похороны львицы. 1806]

У В. Г. Теплякова также находим сравнение с участием лексемы *орган*, но в более типичной для этого тропа форме союзного оборота²⁰:

Вы слышите ль: полночь на башне седой,

Как дальний орган, завывает!..

[В. Г. Тепляков. Чудный дом. 1831]

В этом примере образная трансформация затрагивает сферу природных явлений (полуночный ветер).

По крайней мере, к повторяющимся уже в романтической лирике и потому претендующим на формульность относится метафора *орган души*:

...песнь твоя — **орган души** твоей небесной...

[А. Ф. Мерзляков. К неизвестной певице, которой приятный голос часто слышу, но которой никогда не видел в лицо. 1808]

¹⁹ В оригинале образ органа отсутствует. См.: (La Fontaine 1693).

²⁰ Первое использование лексемы *орган* в сравнительном обороте фиксируется у Г. Р. Державина: «Как умолкающий **орган**, / Как луч последний солнца ясна / Блистает, тонет в океан: / Подобно в неизмерны бездны, / От мира тленного спеша, / Летит сквозь мириады звездны / Блаженная твоя душа» («Урна», 1797).

...можно ли забыть
Сей взор приятный, ясной,
Орган души прекрасной...

[В. А. Жуковский. К Ив. Ив. Дмитриеву. 1813]

В тяготеющих к высокому регистру панегирика, духовной или философской оды стихотворениях Ф. Н. Глинки, С. П. Шевырева и Л. А. Якубовича, «думе» К. Ф. Рылеева с органом сравнивается назначение и дар поэта:

Замолкли **вещие органы**...
Немей, **орган наш голосистый**,
Как занемел наш в рабстве дух!
Увы, неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

[Ф. Н. Глинка. «Когда, влекомы в плен, мы стали...» 1822]

Мои все жилы были струны,
Я сам — **хваления орган**.

[С. П. Шевырев. Мудрость. 1828]

Поэт — наследник библейских пророков — призван изрекать великую истину и будить толпу своим пением, подобно Божьему гласу, «органу небес»:

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венков нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.

[К. Ф. Рылеев. Державин. 1822]

Орган небес, пророк избранный,
Тебе ли нужны похвалы?

[Л. А. Якубович. Поэту. 1829]

... певец — **орган** страдательный,
Бога вышнего **орган!**

[Л. А. Якубович. Предназначение. 1836]

Традиция уподобления поэта и органа будет продолжена в позднейших стихотворениях, посвященных памяти А. С. Пушкина, — сошлемся здесь на материал словаря образных средств (Иванова, Иванова 2004), в котором содержатся тропеические контексты с «органными» мотивами из произведений писателей середины XIX — начала XX века: написанные в 1830-е годы об А. С. Пушкине строки В. Г. Бенедиктова (*орган России*), С. П. Шевырева (*орган русских дум на все лады*) и Ф. И. Тютчева (*богов орган живой*) (Там же, с. 314), в которых поэт уподобляется органу вполне в русле древнерусских традиций.

Интересны не тропеические, но символические уже по своей сути, а потому опережающие эпоху романтизма контексты из цикла Е. А. Баратынского «Сумерки», где слово *орган*, используемое в прямом значении, выступает символом музыкального искусства, воплощающего эмоциональное начало:

Резец, **орган**, кисть! счастлив кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
[Е. А. Баратынский. «Всё мысль, да мысль! Художник бедный слова!..»
1839 – 1840]

Уже в античную и классицистическую эпохи (вспомним, например, приведенные ранее строки из Горация в переводе Мерзлякова) лира выступала аллегорией поэтического дара, отсюда понятно, почему не этот музыкальный инструмент использован в качестве атрибута музыкального творчества. И все же инструмент, созданный в Древней Греции в виде машин «гидравлос» и «пневматикон» (см.: Лепнурм 1999, с. 8), прекрасно вписывался в образную систему проникнутой античными и христианскими мотивами книги стихов «Сумерки». Думается, делая свой выбор, Баратынский намекал своему читателю и на тяжелую судьбу человека искусства, каковым был, например, великий создатель органных произведений – ослепший Иоганн Себастьян Бах (заметим также, что в «Сумерки» входит ассоциативно связанное с «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..» стихотворение, начинающееся строками, отсылающими нас к образу не только Баха, но и Гомера: «Что за звуки? Мимоходом Ты поешь перед народом, Старец нищий и слепой!..»). Кроме того, образ органа воскрешает и псалтырный контекст «дума благая», создающий аллюзийную связь с зачином стихотворения «Все мысль да мысль!..»

5. Лексема *оргáн* в поэзии второй половины XIX – начала XX столетия

В русской лирике со второй половины XIX и на протяжении XX века частотность прямономинативного использования слова *орган* резко возрастает²¹ и, напротив, резко снижается активность метафорических переносов, в основе которых лежит ассоциация между звуками музыки и природными голосами (правда, это отчасти компенсируется участием образа органа в структуре сравнения²²).

²¹ См., например: *Под орган душа тоскует, / Плачет и поет* [И. А. Бунин. «Под орган душа тоскует...» 1889].

²² Например: *Стройный хор то смолкал, то гремел, как орган...* [С. Я. Надсон. «Стройный хор то смолкал, то гремел, как орган...» 1881]; *... днем и ночью Океана / В глубокой бездне слышен вздох, / Подобный музыке органа.* [Д. С. Мережковский. *Addio, Napoli.* 1891].

Все чаще «органные» ассоциации порождаются не сакральными сущностями (за редкими исключениями в поэзии Серебряного века: *Спускается орган, Святого Духа крепость...* [О.Э. Мандельштам. «В хрустальном омуте какая крутизна!..» 1919]; *И в рыдании органа — Тот же голос неземной.* [С.М. Соловьев. «Где чернеют, словно змеи...» 1925]), а голосами и видами природы:

Услышим летом
Орган утомленного грома...
 [Ф.К. Сологуб. «Длины твои ресницы...» 1923–1924]

Здесь не гремит густой **орган** **прибоя**...
 [Саша Черный. Два мира. 1927].

О сад ночной, таинственный **орган**..!
 [Н.А. Заболоцкий. Ночной сад. 1936]²³

В.П. Григорьев специально обращал внимание на «смелую» метафору Осипа Мандельштама *стрельчатый лес органа* (2021, с. 130), которую можно вписать в «обратную» парадигму образов, восходящую к лирике К. Случевского: *лес, как великий орган* (К.К. Случевский), *гул леса...*, *как гул органа* (И.А. Бунин), — и продолженную поэтами советской эпохи²⁴, где орган выступает не предметом, а образом сопоставления.

Подобные образные переосмысления художественного хронотопа фиксируются авторами словарей поэтической речи: *как сладостный орган* (о лесе) (Н.А. Клюев) (Иванова, Иванова 2004, с. 245–246); *как мощный орган* (о море) (С.Я. Надсон) (Там же, с. 311, 314); *Океан гремит органами* (И.А. Бунин) (Там же, с. 369–370); см. также иллюстрации к разным парадигмам в лирике XX века: «море — орган», «лес — орган» и «горы — орган» в (Павлович 2007б, с. 237, 508, 593).

Лирика XX столетия привносит новое в «органные» мотивы — олицетворение самого музыкального инструмента, изменение роли анализируемой лексемы в процессе метафоризации с А на X (если исходить из формулы «тропа-образа» А.А. Потебни):

С висячей лестницы пророков и царей
 А мне **орган** — **брат Шумана и Гейне** —
 Широко, как мир, гремит: «Ich grolle nicht...»
 [Вс. А. Рождественский. «“Ich grolle nicht...” Глубокий вздох органа...»
 1920–1929]

²³ Ср. с примерами в словаре образных парадигм Н. В. Павлович: *орган пещер* (И.А. Бунин); *...мерцает им орган / Серебристым северным сияньем* (И.Л. Сельвинский) (Павлович 2007б, с. 508, 593, 755).

²⁴ Ср. опыты Серебряного века с более поздними контекстами: *Шли сосны многотрубным и беззвучным Органом* (П.Г. Антокольский), *органы... сосен* (А.А. Вознесенский).

Конфиденциально **молчит орган**,
Укутанный в пустые меха.
[Г. Н. Оболдуев. «Солнце порхает по галерке...» 1929].

Орган, подобно человеку, страдает и мучится в должном мире:
И чуть слышен **вздых органа**
В глубине резных церквей...
[М. А. Волошин. Тангейзер. 1901]

Забыв напев псалмов и тихий **стон органа**,
Я видел только свет, святой калейдоскоп...
[В. Я. Брюсов. Париж. 1903]

...**стенает** в сонатах
Стальной **гладиатор органа**
[Б. Л. Пастернак. Весна. 1914]

XX век, эпоха воинствующего атеизма, приносит и шутивно-ироническое, стилистически сниженное употребление лексемы *орган*, немислимое для более раннего периода:

...нам **кухня** кажется **органом**...
[Н. А. Заболоцкий. Свадьба. 1928]

...(Чего не откроешь, если в пузе **орган!**)
Выкатывая на палубу белого бочку...
[В. В. Маяковский. Христофор Колумб. 1925]

Рубеж XIX и XX столетий и период Серебряного века не случайно характеризуются взлетом употребительности лексемы *орган*, что, очевидно, не может не быть связано именно в этот период с ростом интереса к органной музыке, к ее не только искусному исполнению, но и сочинению в России²⁵: «чужое» творчески преобразуется и все больше становится «своим» в сфере светской музыки и — шире — художественного творчества в целом. То, что было сказано великим русским критиком Стасовым об органе как музыкальном инструменте, вполне можно отнести к виртуозному воплощению образных его трансформаций под пером русских поэтов: «Этот инструмент есть по преимуществу выразитель глубочайших и могущественнейших стремлений человеческого духа... к колоссальному и беспредельному; у него одного существуют те потрясающие звуки, те громы, тот величественный, говорящий будто из вечности голос, которого выражение невозможно никакому другому инструменту, никакому оркестру» (Стасов 1974, с. 88).

²⁵ В 1897 году орган установили в Петербургской консерватории, а в 1901 году — в Большом зале Московской консерватории, что существенно расширило круг слушателей и любителей органной музыки. Российские композиторы А. К. Глазунов и С. И. Танеев писали произведения для органного исполнения.

6. Выводы

Таким образом, история лексемы *orgán* в русской лирике свидетельствует о синтагматическом и функционально-семантическом разнообразии поэтического словоупотребления, уходящем своими корнями в библейские, церковнославянские и древнерусские источники, а также о стремительной перцепции античной и христианской традиций.

Русская лирика на протяжении трех веков своего развития активно использует прямые словоупотребления в пейзажных контекстах. Архаизировавшиеся постепенно узуальные значения ('инструмент, орудие', 'музыкальный инструмент вообще', 'голос') не уходят из поэзии полностью еще и в XX столетии, «оживляя» внутреннюю форму экспрессемы амфиболиями, каламбуром и способствуя сохранению культурной памяти.

Метафорические модели с участием анализируемой лексемы (переносы в направлениях «орган — небесный глас», «орган — душа, сердце», «орган — поэт, поэзия, искусство», «орган — природные объекты, явления, пространства» для XX века и обратный перенос «страдающий человек — орган»), как правило, демонстрируют переосмысление топиков христианской культуры, связанных с божественной истиной, откровением, душой, творчеством, мирами горным и дольным.

В XX веке поэзия обновляет арсенал своих средств на путях персонализации образа органа, превращая его из объекта (при метафоризации) в предмет сравнения (субъект), и стилистически сниженной, шутивно-иронической его трактовки.

Изучение образной парадигматики и синтагматики лексемы *organ*, несомненно, в будущем должно обогатиться достижениями поэтических идиостилей новейшего периода.

Список источников и литературы

Афанасьева, Н. А., 2022. Традиционные поэтические образы. XVIII век: Словарь. М. [Afanas'eva, N. A., 2022. *Traditional poetic images. 18th century: Dictionary*. Moscow (in Russ.)].

Белый, А., 1994. Магия слов. В: *Символизм как миропонимание*. М., с. 131–142. [Bely, A., 1994. *The Magic of Words*. In: *Symbolism as a world-view*. Moscow, pp. 131–142 (in Russ.)].

Будкеев, С. М., 2008. Органное музицирование в России XIX столетия и его анализ в критике современников. *Мир науки, культуры, образования*, 4(11), с. 58–61. [Budkeev, S. M., 2008. Organ music-making in XIX century in Russia and its analysis in the contemporaries' criticism]. *The world of science, culture and education*, 4(11), pp. 58–61 (in Russ.) EDN: JUKRTJ.

Вейсман, Э., 1782. *Вейсманнов немецкий лексикон с латинским*. Перевод И. И. Ильинского, И. П. Сатарова и И. С. Горлицкого. 2-е изд. СПб, 1014 с. [Weissmann, E., 1782. *Weissman's German lexicon with Latin*. Translated by. I. I. Il'insky, I. P. Satarov and I. S. Gorlicky. 2nd ed. St. Petersburg, 1014 p.].

Гарин, И.И., 1994. *Пророки и поэты*. Т. 5. М., 640 с. [Garin, I.I., 1994. *Prophets and Poets*. Vol. 5. Moscow, 640 p. (in Russ.)].

Гораций Флакк, Кв., 1947. *Избранные произведения (оды, эподы, сатиры)*. М., 88 с. [Horatius Flaccus, Q., 1947. *Selected Works (odes, epodes, satires)*. Moscow, 88 pp.].

Григорьев, В.П., 2021. *Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики*. М., 192 с. [Grigor'ev, V. P., 2021. *From the past of linguistic poetics and interlinguistics*. Moscow, 192 p. (in Russ.)].

Дворецкий, И.Х., 1958. *Древнегреческо-русский словарь*. В 2 т. Т. II. М—Ω. С.И. Соболевский (ред.). М., с. 1044—1904. [Dvoretzky, I. Kh., 1958. *Ancient Greek-Russian dictionary*. In 2 volumes. Vol. II. М—Ω. S.I. Sobolevsky, ed. Moscow, pp. 1044—1904 (in Russ.)].

Дворецкий, И.Х., 1976. *Латинско-русский словарь*. 2-е изд. М., 1096 с. [Dvoretzky, I. Kh., 1976. *Latin-Russian dictionary*. 2nd ed. Moscow, 1096 p. (in Russ.)].

Золян, С.Т., 2014. *Семантика и структура поэтического текста*. 2-е изд. М., 336 с. [Zolyan, S. T., 2014. *Semantics and structure of the poetic text*. 2nd ed. Moscow, 336 p. (in Russ.)].

Иванова, Н.Н., Иванова, О.Е., 2004. *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.)*. М., 666 с. [Ivanova, N.N. and Ivanova, O.E., 2004. *Dictionary of the language of poetry (the imaginative arsenal of Russian lyrics of the late 18th — early 20th centuries)*. Moscow, 666 p. (in Russ.)].

Карамзин, Н.М., 1966. *Полное собрание стихотворений*. М.; Л., 424 с. [Karamzin, N.M., 1966. *Complete collected poems*. Moscow; Leningrad, 424 p. (in Russ.)].

Ковтун, Л.С., 1963. *Русская лексикография эпохи средневековья*. М.; Л., 445 с. [Kovtun, L.S., 1963. *Russian lexicography of the medieval period*. Moscow; Leningrad, 445 p. (in Russ.)].

Ковтун, Л.С., 1975. Словарь в сборнике старца Вассиана Кошки. В: *Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в.* Ленинград, с. 263—267. [Kovtun, L.S., 1975. A dictionary in the collection of elder Vassian Koshka. In: *Lexicography in Moscow Rus of the XVI — early XVII century*. Leningrad, pp. 263—267 (in Russ.)].

Ларин, Б.А., 1974. *Эстетика слова и язык писателя*. Ленинград, 285 с. [Larin, B.A., 1974. *Aesthetics of the word and the writer's language*. Leningrad, 285 p. (in Russ.)].

Лепнурм, Х.Л., 1999. *История органа и органной музыки*. Казань, 171 с. [Lepnurm, H., 1999. *History of the organ and organ music*. Kazan, 171 p. (in Russ.)].

Павлович, Н.В., 2007а. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII—XX вв.* В 2 т. Т. 1. М., 848 с. [Pavlovich, N.V., 2007. *Dictionary of poetic images based on Russian fiction of the 18th—20th century*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 848 p. (in Russ.)].

Павлович, Н.В., 2007б. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII—XX вв.* В 2 т. Т. 2. М., 896 с. [Pavlovich, N.V., 2007. *Dictionary of poetic images based on Russian fiction of the 18th—20th century*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 896 p. (in Russ.)].

Поликарпов, Ф.П., 1704. *Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиноереческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное*. М., 806 с. [Polikarpov, F.P., 1704. *Three-language lexicon: Slavonic, Helleno-Greek and Latin treasures*. Moscow, 806 p.].

Потебня, А.А., 2003. Из записок по теории словесности. В: *Теоретическая поэтика*. 2-е изд. СПб; М., с. 145—342. [Potebnya, A.A., 2003. From notes on the theory of literature. In: *Theoretical poetics*. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow, pp. 145—342 (in Russ.)].

Прокопович, Ф., 1961. *Сочинения*. И.П. Еремин (ред.). М.; Л. [Prokopovich, F., 1961. *Works*. I.P. Eremin, ed. Moscow; Leningrad (in Russ.)]

Ройзман, Л. И., 1979. *Орган в истории русской музыкальной культуры*. М., 376 с. [Roizman, L. I., 1979. *The organ in the history of Russian musical culture*. Moscow, 376 p. (in Russ.).]

Савельева, Н. В. (ред.), 2023. *Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломятина 1668 г. Исследования и тексты*. М.; СПб., 634 с. [Saveleva, N. V., ed., 2023. *Monuments of lexicography in "Tsvetnik" of Prokhor Kolomniatin, 1668: Studies and texts*. Moscow; St. Petersburg, 634 p. (in Russ.).]

Славинецкий, Е., 1973. *Лексикон латинский*. В: *Лексикон латинский Е. Славинецкого*. *Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановського*. К. К. Цілуйко (ред.). Київ, 541 с. [Slavinetsky, E., 1973. *Latin lexicon*. In: *The Latin lexicon of E. Slavinetsky. Slovene-Latin lexicon of E. Slavinetsky and A. Koretsky-Satanovsky*. K. K. Tsiluiko, ed. Kyiv, 541 p. (in Ukr.).]

Словарь Академии Российской, 1789–1794. Ч. 4. От М до Р, 1272 стлб. СПб. [Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794. Part 4. From M to R, 1272 cols. St. Petersburg (in Russ.).]

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1987. Вып. 13. М., 318 с. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 13. Moscow, 318 p. (in Russ.).]

Словарь русского языка XVIII века, 2007. Вып. 17. Ленинград, 253 с. [Dictionary of the Russian language of the 18th century, 2007. Issue 17. Leningrad, 253 p. (in Russ.).]

Словарь старославянского языка, 2006. В 4 т. Т. 2. К-О. СПб, 648 с. [Old Church Slavonic Dictionary, 2006. In 4 vols. Vol. 2. K-O. St. Petersburg, 648 p. (in Old Church Slavonic)].

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук, 1847. Т. 3. СПб, 589 с. [Old Church Slavonic Dictionary, 1847. Vol. 3. St. Petersburg, 589 p. (in Russ.).]

Срезневский, И. И., 1902. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. В 3 т. Т. 2. Л–П. 1802 стб. СПб. [Sreznevsky, I. I., 1902. *Materials for the Dictionary of Old Russian*. In 3 volumes. Vol. 2. L–P. 1802 cols. St. Petersburg (in Russ.).]

Стасов, В. В., 1974. *Статьи о музыке: в 5 вып.* Вып. 1. 1847–1859. М., 433 с. [Stasov, V. V., 1974. *Articles on music: in 5 issues*. Issue 1. 1847–1859. Moscow, 433 p. (in Russ.).]

Фасмер, М., 2004. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза – Сят*. Пер. с нем. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М., 830 с. [Fasmer, M., 2004. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 3: Muza – Syat*. Translated by O. N. Trubacheva. 4th ed. Moscow, 830 p. (in Russ.).]

Цейтлин, Р. М., Вечерка, Р., Благова, Э. (ред.), 1994. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М., 842 с. [Tseitlin, R. M., Vecherka, R. and Blagova, E., eds., 1994. *Old Slavonic Dictionary (from manuscripts of the 10th–11th centuries)*. Moscow, 842 p. (in Old Church Slavonic)].

Черных, П. Я., 1999. *Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1: А – Пантомима*. М., 623 с. [Chernykh, P. Ya., 1999. *Historical-etymological dictionary of the Russian language: in 2 volumes. Vol. 1: A – Pantomima*. Moscow, 623 p. (in Russ.).]

Шкловский, В. Б., 1919. *Искусство как прием*. В: *Поэтика: Сборники по теории поэтического языка*. Т. I–II. Петроград, с. 101–114. [Shklovsky, V. B., 1919. *Art as a device*. In: *Poetics: Collections on the theory of poetic language*. Vols. I–II. Petrograd, pp. 101–114 (in Russ.).]

Юнгер, П., 1915. *Псалтирь в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями*. Казань, 224 с. [Yungerov, P., 1915. *Psalter in Russian translation from the Greek LXX, with introduction and notes*. Kazan, 224 p. (in Old Russ.).]

La Fontaine, J. de, 1693. Les Obsèques de la Lionne. In: *Fables choisies, mises en vers*. Vol. 3. Paris, pp. 154–159. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Obsèques_de_la_Lionne [Accessed 09 August 2025].

Об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

SPIN-код: 5886-7841

E-mail: nvpatr@list.ru

Для цитирования:

Патроева Н. В. Семантический потенциал лексемы *орган* в русской поэзии: «свое» и «чужое» // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 75–95. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE SEMANTIC POTENTIAL OF THE LEXEME 'ORGAN' IN RUSSIAN POETRY: ONE'S OWN AND SOMEONE ELSE'S

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University,
33 Lenin Ave, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

Submitted on 10.08.2025

Accepted on 28.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4

The potentially inexhaustible semantic potential of the word, reflected in the full range of its conventional meanings and individual authorial reinterpretations as manifested in literary discourse, has repeatedly attracted philological attention. One such polycode sign, distinguished by a broad semantic spectrum and complex syntagmatic behaviour, is the word 'organ'. This article analyses the literal and figurative uses, as well as the metaphorical transformations, of the lexeme 'organ' in Russian literature over approximately one and a half centuries of its development. The main material for linguapoetic analysis consists of literary contexts containing the lexeme 'organ', recorded in the National Corpus of the Russian Language and dating from the 18th century to the 20th century. The study aims to identify the main tendencies in the figurative and symbolic use of the word 'organ', as well as its individual authorial reinterpretation by poets representing successive literary movements, including the Baroque, Classicism, Sentimentalism, and Romanticism. Particular attention is paid to the process by which this long-assimilated Greek borrowing was integrated into lyric poetry and Russian culture as a whole. The analysis leads to the following conclusions. First, in the poetry of the Baroque, Classicist, and Romantic periods, the lexeme 'organ' is rarely used in its direct meaning of 'musical instrument', appearing mainly in translations and adaptations. In twentieth-century poetry, by contrast, the meaning 'wind keyboard instrument' becomes clearly dominant, including in similes, while personifying metaphorical transfers also emerge, such as 'organ-man'. Second, figurative and symbolic meanings, for example, in metaphorical

expressions such as 'organ of the soul' or 'organ of the heart', become especially productive during the Golden Age, when figurative contexts predominate and reveal the broadest syntagmatic and functional-semantic possibilities of the lexeme organ. These uses enrich its dictionary meaning through multiple semantic extensions and transform its usual valency patterns. Third, the frequency of the lexeme 'organ' in Russian poetry correlates closely with the process of assimilation of Western European organ music in Russia, which was particularly intensive during the Baroque, Romantic, and Silver Age periods. Meanings derived from the Psalms and familiar within the Orthodox tradition are adapted and become closely intertwined with 'foreign' themes within the semiosphere of Russian culture.

Keywords: dictionary meaning, sense, image, symbol, common usage, occasional semantics, individual-author valence of the word, poetic syntagmatics

The author

Prof. Natalia V. Patroeva, Head of the Department of Russian Language
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

E-mail: nvpatr@list.ru

To cite this article:

Patroeva, N. V., 2026, The semantic potential of the lexeme 'organ' in Russian poetry: one's own and someone else's, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 75–95. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: МЕЖДУ КОРПУСОМ И ДИСКУРСОМ¹

УДК 811.16, 81'42

КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ДАННЫЕ

В. В. Фещенко

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 05.12.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5

Статья посвящена сопоставительному исследованию ксенопоказателей – прагматических маркеров чужой речи – в современных славянских языках. Эти единицы играют важную роль в организации дискурса, поскольку отражают метакоммуникативную рефлексию говорящего и способы репрезентации «чужого голоса» в высказывании. Несмотря на активное изучение отдельных ксенопоказателей в национальных языках, их типологическое описание в межславянской перспективе до настоящего времени остается фрагментарным. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации лексических ксенопоказателей в основных славянских языках, а также в установлении их функциональных и семантико-прагматических соответствий. Методологической основой работы является корпусно-дискурсивный анализ, сочетающий количественное сопоставление данных параллельных и монологических корпусов с качественной интерпретацией дискурсивных контекстов. Особое внимание уделяется переводным художественным текстам как репрезентативному материалу для межъязыкового сопоставления.

В результате исследования показано, что лексические ксенопоказатели присутствуют во всех рассмотренных славянских языках, включая те, где категория эвиденциальности преимущественно выражается грамматически. Установлены типологические сходства и различия в происхождении, частотности и прагматических функциях маркеров, а также выявлена высокая вариативность их переводческих соответствий. Полученные данные уточняют представления о соотношении эвиденциальности, цитативности и эпистемической модальности в дискурсе и вносят вклад в развитие корпусной прагматики и кросс-лингвистических исследований.

Ключевые слова: *корпусная прагматика, корпусно-дискурсивный анализ, ксенопоказатели, прагматические маркеры, славянские языки, типологическая прагматика, чужая речь*

¹ Раздел подготовлен приглашенным редактором В. В. Фещенко.
© Фещенко В. В., 2026

1. Введение

Метакоммуникация (то есть рефлексия самого процесса коммуникации) является одним из ключевых механизмов прагматики как измерения языка, связанного с деятельностью говорящего субъекта. В языке существуют особые средства выражения метакоммуникативных значений и смыслов — метатекстуальные маркеры, дискурсивные слова и конструкции, коннекторы, ксенопоказатели, метакоммуникативные комментарии и др. Современные инструментальные и компьютерные методы анализа самого разного языкового материала — от бытового общения до высокой поэзии — способны дать количественно и качественно новые результаты в сфере осмысления прагматики как лингвистической дисциплины. В связи со стремительной цифровизацией языковых данных и распространением новых технологий перед лингвистикой возникают новые задачи, решение которых приводит к формированию ряда междисциплинарных направлений. В настоящее время в мировой лингвистике активно развивается такое направление исследований, как *корпусная прагматика*.

В рамках изучения прагматического измерения языка и дискурса в последнее время используется методология *корпусно-дискурсивного анализа*. Такой метод анализа предполагает не только количественные данные, но и качественную интерпретацию конкретных примеров, то есть дискурсивных контекстов, в которых функционируют языковые единицы, в том числе типовых контекстов, наиболее употребительных кластеров прагматических единиц, узуальных и аномальных употреблений и т. д. Одна из исследовательских задач в этом направлении — поиск соответствия прагматических единиц в разных языках и типологических закономерностей их функционирования в разных дискурсах².

Ксенопоказателям как прагматическим маркерам чужой речи (типа рус. *мол, дескать, якобы*) уделяется в последние годы много исследовательского внимания в свете постоянно пополняющихся корпусных данных различных языков, дискурсов и типов речи. Менее исследованным остается *типологический аспект кросс-лингвистической прагматики*, то есть сопоставительное изучение функционирования прагматических единиц в множестве языков³. В данной статье мы очертим арсенал ксенопоказателей в десяти основных современных славянских языках

² В частности, проект рабочей группы «Лингвопрагматика художественных дискурсов» (участники О. В. Соколова, И. В. Зыкова и В. В. Фещенко, выполняется в Институте языкознания РАН) направлен на прагматический анализ разных видов художественных дискурсов — поэзии, прозы, драмы, кино, перформанса. О методике корпусно-дискурсивного анализа см.: (Соколова, Фещенко 2024).

³ Предмет типологической прагматики определяется, например, так: “Pragmatic typology unites the goals and tools of pragmatics and typology to investigate patterns of language use and conversation across different communities, in order to establish similarities grounded in the common infrastructure of human interaction as well as differences driven by the local resources of particular linguistic and cultural settings” (Rossi 2020, p. 497).

по данным существующих открытых параллельных и монолингвальных корпусов⁴. Привлекаемые нами корпуса содержат переводные, в основном художественные, тексты с русского и на русский язык; а также корпуса соответствующих национальных языков для верификации употребимости конкретных прагматических единиц. В результате исследования будет представлена сводная таблица славянских маркеров чужой речи, представленных главным образом частицами.

2. Ксенопоказатели как прагматические единицы. Современное состояние исследований

Частицам, в том числе интересующим нас маркерам косвенной речи, как *грамматическим* явлениям посвящались научные статьи начиная с 1960-х годов. Т.М. Николаева (1985) уже в рамках *коммуникативно-дискурсивного* подхода предложила описание типов ситуаций и типов функционирования частиц как «коммуникативных слов» в основных славянских языках. Однако частицы косвенной речи не рассматривались в этой работе. Первую *прагматическую* трактовку их предложила Н.Д. Арутюнова, введя для данного класса прагматических явлений (частицы *де, дескать, мол* и подобные) термин «ксенопоказатели», то есть «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» (2000, с. 437). Их основная функция — в «маркировке присутствия Другого» (Там же, с. 448). Данные единицы маркируют не просто прямую или косвенную речь, а «вербализацию коммуникативного смысла речеповеденческого действия» (Там же, с. 444 — 445). Подобные частицы входят в высказывание именно как речевые действия с определенным коммуникативным намерением, они «как бы превращают действие в речь» (Там же, с. 446). Они выявляют, акцентируют «речеповеденческую цель» конкретного акта высказывания, и в этом смысле они метарефлексивны, то есть служат не только коннекторами дискурса (метакоммуникативными маркерами), но и показателями субъективной рефлексии по поводу приводимых слов.

И.Б. Левонтина (2020) рассматривает целый спектр современных русских маркеров подобного типа (*якобы, будто бы, ах, вот, типа, так и так, видите ли*), связывая их с категорией «пересказывательности» и отмечая, что под чужой речью здесь может пониматься и собственная речь говорящего субъекта, либо сказанная ранее, либо запланированная на будущее, либо просто оцениваемая «отстраненно», с другой позиции. Исследователями были сделаны предположения о том, что частицы *мол* и *дескать* служат маркерами недоверности, эпистемической модальности, эвиденциальности, цитирования, ренарративности.

⁴ Главным образом, параллельных подкорпусов славянских языков НКРЯ (далее — ПарК), преимущественно состоящих из текстов художественной прозы; в некоторых случаях данные также сверялись с параллельными корпусами на мультILINGВальной платформе Intercorp. Тексты поэтические на данном этапе еще не общедоступны для параллельно-корпусного изучения, хотя перспективы этого уже намечаются (см. проект PoeTree: <https://versologie.cz/poetree/>).

К настоящему моменту получены корпусные данные функционирования некоторых русских ксеномаркеров (Плунгян 2008; Богданова-Бегларян 2021), в том числе данные по корпусам художественных дискурсов (Фещенко 2025). В целом выводы лингвистов сводятся к тому, что на современном этапе ксенопоказатели не утрачивают своей употребимости и прагматической эффективности как в разговорной речи, так и в художественной литературе. Частица *мол* является одним из наиболее распространенных в современном русском языке ксенопоказателей и дискурсивных маркеров, и именно она будет нашим главным объектом корпусно-дискурсивного рассмотрения.

И в отечественной, и в западной лингвистике и славистике ксенопоказатели широко изучаются в рамках теории эвиденциальности⁵. Маркеры эвиденциальности включаются также в более крупную прагматическую группу пропозициональных единиц (или дискурсивных маркеров⁶). Также в западной традиции применительно к таким показателям приняты термины *quotatives* и *reportives*⁷, под которые попадают не только дискурсивные маркеры, но и регулярные грамматические и семантические средства ввода чужой речи. Проводятся типологические и сопоставительные исследования ксеномаркеров в разных языках⁸. Самое подробное описание эвиденциальных маркеров в славянских языках дается в коллективной монографии (Wiemer, Plungian 2008); статья самого Б. Вимера в этом издании посвящена лексическим показателям эвиденциальности в славянских языках (впрочем, без данных по белорусскому, украинскому и словенскому и без привлечения переводных текстов или параллельных корпусов). Проведенное Вимером отдельное экспериментальное исследование (Wiemer 2018) предоставляет ценный материал⁹, однако исключает русские ксенопоказатели *мол*, *де*, *дескать* из эвиденциальных маркеров, оставляя в этом классе только *якобы*. В этом издании опять-таки исследуются не все славянские языки, и отсутствует аспект переводческий. По ходу нашего анализа славянских ксенопоказателей мы будем привлекать также специализированные работы об этих маркерах в конкретных языках.

⁵ См. коллективный труд (Храковский 2007), в котором эвиденциальность рассматривается в типологическом освещении (из славянских языков здесь рассматривается только русский и болгарский). Эвиденциальности в языках Европы посвящен научный сборник (Wiemer, Marín-Arrese 2022) с отдельными главами о русском и польском.

⁶ См. (Schiffrin 1987), а также обзор литературы в (Соколова, Захаркив 2025).

⁷ См., например: (Buchstaller, Van Alphen 2012) (славянские языки в этой работе не представлены).

⁸ Так, отдельная статья посвящена соответствиям русского *якобы* в английском языке в параллельных корпусах (Апресян, Шмелев 2017). В статье (Крылова 2020) имеются замечания о сопоставлении русских и датских маркеров чужой речи. Русско-английские и русско-итальянские сопоставления эвиденциальных маркеров см. также в (Кобрина 2005).

⁹ В частности, составлена полезная таблица наиболее употребительных маркеров пересказываемости по данным опроса (р. 378).

3. Результаты исследования и обсуждение

В данном исследовании мы предпринимаем попытку систематизировать данные о соответствиях ксенопоказателей (в основном представленных частицами) в современных славянских языках: русском, белорусском, украинском, польском, чешском, словацком, словенском, сербохорватском, македонском, болгарском. Основой для двуязычного и многоязычного сопоставления будут русские ксенопоказатели, с перечня которых мы и начинаем.

1) РУССКИЙ

В современном русском языке употребляются следующие лексические маркеры чужой речи, которые можно разделить на три класса:

а. Маркеры со значением цитативности, ренарративности и субъективной модальности:

Мол; дескать; де¹⁰; так и так¹¹; грим (говорит)

б. Маркеры со значением эпистемической модальности:

якобы; будто бы; вроде бы; видите ли (видишь ли)

в. Новые маркеры-цитативы: *типа; типа того; такой; вот; как бы; вроде как; вроде того; ах*

2) БЕЛОРУССКИЙ

В украинском и белорусском языках стоило бы ожидать наиболее близких соответствий с русскими дискурсивными показателями, из-за близкого родства и частых интерференций. В обоих языках есть практически точные аналоги русского *мол*, при этом этимологически являющиеся когнатами: *маўляў* и *мовляв*. Частица *мол* образовалась в результате скороговорного усечения либо формы *молвит*, либо формы *молвил* (в русских диалектах фиксируются еще более краткие аллегрформы *мо* и *мл*). Прагматикализация этих частиц — давний процесс, восходящий к периоду не позднее XVII века. Интересно, что в белорусском и украинском языках этого усечения не произошло, и в качестве ксенопоказателей там и по сей день выступают глаголы третьего лица прошедшего времени *маўляў* и *мовляв* соответственно.

Из присутствующих в параллельном русско-белорусском корпусе НКРЯ 556 примеров выдают в большинстве случаев эквивалент *мол* — *маўляў*:

русский:

Показал мне на голову: мол, ты, друг, не в себе.

белорусский:

Паказаў мне на галаву. маўляў, ты, друг, звіхнуўся.

(С. Алексиевич)

¹⁰ Обзор актуальной литературы по этим трем маркерам см.: (Фещенко 2025).

¹¹ В работе (Левонтина 2020) *так и так* относится к «новым цитативам», в то время как эта формула употребляется в литературе по меньшей мере с XIX века.

В некоторых случаях перевода с русского *мол* на белорусский употребляются глаголы-цитативы *кажуць* и *кажа*; иногда в этой роли встречается стяженный и редкий для белорусского вариант *моў* (по-видимому, процесс стяжения шел параллельно, но только в русском он возобладал):

белорусский:

Ён вінтоўку наставіў і хацеў: моў, я цябе прыкончу!

русский:

Он винтовку наставил и хотел: мол, я тебя прикончу!

(А. Адамович)

Употребляются также иные маркеры, которые обычно как ксенопоказатели не используются: *бо*; *бач*; *бачыце*; *мога*; *значыцца*:

русский:

С меня, мол, господа, и те еще не спустили порток-то... не тебе чета, чернонебому.

белорусский:

З мяне, бач, паны і тыя не спускалі портак... не табе раўня, чарнаротаму.

(И. Бунин)

На русские *дескать* и *де* примеров в параллельном корпусе в 10 раз меньше, чем *мол*, и частотные эквиваленты здесь те же, плюс *бачыш*, *нібыта*, *відаць*, *нібы*. В переводах Гоголя на белорусский попадает и редкая частица *пыні*, по-видимому, вышедшая из употребления после XIX века¹²:

русский:

Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут.

белорусский:

Вы, пыні, з панам, кажа, зладзюгі, і пан твой — чмут.

(Н. Гоголь)

В контекстах с русским ксенопоказателем *якобы* встречаются следующие белорусские эквиваленты: *кажа*; *нібыта*; *нібы*; *як бы*; *як быццам* (*бы*). Ксеноконструкция *так и так* передается в белорусском аналогично: *так і гэтак*; *так і так*.

В белорусской разговорной речи *маўляў* употребляется редко; чаще используются *нібыта*; *нібы*; *як бы*; *як быццам*¹³. По данным белорусской части ПарК, все 883 вхождения *маўляў* — из художественной литературы. При этом *маўляў* весьма употребимо в публицистическом дискурсе,

¹² Из Этимологического словаря: «**ПЫ́ні** 'маўляў, моў' (Яруш., Гарэц., Бяльк.), выклічнік (націск залежыць ад папярэдняга слова) 'та, вось, моў': я пыни не таковскій; 'прыяцель, вашэць': тобе, пыни, можна гето сказаць (Нас.). Магчыма, гукапераймальнае, параўн. рус. пынь-пынь 'пра чалавека, які гаворыць невыразна, заікаючыся', або дэфармаванае слова-паразіт, што ўзыходзіць да звароту пане ці васпане (гл.), пра гэта сведчыць заўвага Ярушэвіча "гор." (гарадское)» (<https://verbum.by/esbm/ryni>).

¹³ По данным информанта — носителя языка. Корпус разговорного белорусского на данный момент отсутствует.

как показывают данные сайта «Радио Свобода»* на белорусском языке (16 241 вхождение за последние 30 лет, что гораздо больше других ксенопоказателей, в том числе разговорного *нібыта*). «Новые цитативы» как таковые, по-видимому, в белорусском отсутствуют; в их роли выступают русские *типа, такой* и т. д. в смешанной русско-белорусской речи.

3) УКРАИНСКИЙ

Данные по параллельному корпусу НКРЯ очень похожи на русско-белорусские соответствия. Аналогом *мол* служит частица *мовляв*¹⁴ (531 пример в ПарК). В отличие от белорусского, отмечается практически полное соответствие во всех контекстах в украинском¹⁵. В одном случае в паре к *мол* употреблено укр. *пак* – устаревшая частица, придающая речи оттенок эмфазы. Рус. *дескать* и *де* также соответствует везде укр. *мовляв*, лишь изредка – усеченной форме *мов*, глагольной форме *каже* (или сокращенного варианта *ка*) или частице *бач* (встречающейся и в белорусском). У авторов XIX века в имитациях простонародной речи может встречаться *мов* (или *мой*). См. примеры:

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

украинский:

Никанор Иванович, трохи збентежившись, заперечив, що, мовляв, іноземцям належить зупинятись у «Метрополі», а не в приватних помешканнях...

(М. Булгаков)

украинский:

Ось мов вечір: соловейко щебече, хруці гудуть, а мати: «А місяць за гаєм сходить он як!»

русский:

Вот, мол, вечер; соловейко заливается, хрущи гудят, а мать: «А місяць за гаєм сходить он як».

(А. Тесленко)

украинский:

Куди, питаюся? Послі, ка, відкриюся. Тенор і бас.

¹⁴ Об этимологии украинского *мовляв* в свете русского *мол* см.: (Симонова 1983). Некоторые замечания на тему эвиденциальных маркеров в украинском см.: (Яслик 2016).

¹⁵ Корпус украинского языка ГРАК выдает 111 444 вхождения слова *мовляв*, или 61,24 на миллион, для сравнения: рус. *мол* в Основном корпусе НКРЯ 67,6 на миллион, то есть частотность этой пары показателей практически идентична в двух языках. Как и бел. *маўляў*, укр. *мовляв* широко распространено в современном публицистическом дискурсе, о чем свидетельствуют данные поиска на украиноязычном «Радио Свобода»* (10148 вхождений за все время).

* Радио «Свобода» в 2024 году включено Министерством юстиции РФ в реестр нежелательных организаций. — Примеч. ред.

русский:

Куда, спрашиваю? После, **мол**, откроюсь. Тенор и бас.

(Н. Кулиш)

русский:

Эту картину в раме дальней двери она объяснила извинительным вздохом («мужчины, **мол**, любят строить») и спросила, позвать ли мужа.

украинский:

Цю картину в рамі дальніх дверей вона пояснила благальним зітханням («мужчини, **пак**, люблять будувати») й спитала, чи покликати чоловіка?

(В. Набоков)

Добавим также, что рус. цитатив *так и так* соответствует в ПарК укр. *так і так; отак і отак; так і сяк*.

Для соответствия русским эпистемическим частицам типа *якобы* в украинском употребляется специфический ряд частиц на основе отрицательных партикул: *ніби; нібито; неначе; немовбито; неначебто*. Все они от первого до последнего идут в стилистических регистрах по возрастающей — от обыденной речи к литературно-художественному курсу. Эта вариативность, в общем, соответствует вариативности русских цитативов типа *вроде, вроде бы, будто бы, вроде как, вроде как бы* и т. п. Рус. *будто бы* передается укр. *буцім* с фонетическими вариантами *буцім-то, буцімби* (аналогичное бел. *быццам бы*).

Можно отметить, что частицы *нібито* и *ніби* наиболее близки по форме белорусским аналогам *нібыта* и *нібы*, см. пример из белорусского поэта В. Ленкевича в переводе на украинский:

белорусский

я спрабаваў затаркнуць ёй рот, уключыўшы ўсё святло ў кватэры, **нібыта** я не адзін тут **маўляў**, можа, пойдзеш прагуляешся, ты ж бачыш, я не адзін (не павялася, холера).

украинский:

я намагався заткнути їй рота, увімкнувши все світло в квартирі, **нібито** я не один тут, **мовляв**, може, підеш прогуляєшся, ти ж бачиш, я не один (не пове-лася, холера).

Соответствия между русским *мол*, белорусским *маўляў* и украинским *мовляв* подтверждаются также в существующих примерах стихотворного перевода между белорусским, украинским и русским:

украинский

Головне дбати про друзів, пам'ятати
всі п'яні обіцянки, що
давались зі сльозами і соплями —
що ось, **мовляв**, витягнемо, прорвемось,
поставимо це життя раком.

русский

Главное заботиться о друзьях, помнить
все пьяные обещания, что
давались со слезами и соплями —
что вот, **мол**, вытянем, прорвемся,
поставим эту жизнь раком.

(С. Жадан)

Украиноязычный корпус разговорной речи пока не создан, поэтому о частотности ксенопоказателей в разговорном украинском судить сложно. Однако можно отметить, что в разговорной речи под влиянием русского употребляются новые цитативы, но они служат тут русизмами и чаще всего знаками низкого социального или молодежного уровня, на письме используются только стилизованно.

4) ПОЛЬСКИЙ

Маркеры эвиденциальности и чужой речи в польском описаны лучше, чем в белорусском и украинском. Существуют специальные исследования о сопоставлении русского и польского в этом аспекте. В частности, в статье (Wiemer 2008) приводится таблица с основными, наиболее употребительными лексическими показателями эвиденциальности, сопровождаемая подробным анализом каждой из единиц с двуязычными примерами (р. 339 и далее). Здесь они разделяются на цитативные (рус. *якобы; мол; дескать; -де*) и инферентивные (рус. *как будто; вроде; по-хоже; видимо*).

В польском языке лучше, чем в белорусском и украинском, обстоят дела и с корпусами (существует несколько таких корпусов). Доступен онлайн-корпус устной речи (Spokes). Однако параллельный русско-польский корпус на базе НКРЯ дает не так много примеров. Чаще всего в переводных контекстах *мол* и *дескать* не переводятся, употребляется лишь союз *że*. Среди аналогов *мол* в литературных текстах встречаются варианты с *niby* (*że niby; niby że; niby to*), родственные бел. *нібы* и укр. *ніби*. У одного из польских авторов (А. Сапковского) несколько раз употребляется частица *pry*, не зафиксированная в польских словарях, но, по-видимому, являющаяся интерференцией с чешским, где эта частица есть (см. ниже):

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

польский:

Prezes z niejakim zdziwieniem powiedział, że przecież¹⁶ cudzoziemcy zwykli mieszkać w "Metropolu", a nie w prywatnych mieszkaniach...

(М. Булгаков)

русский:

Скажи, дескать, мобилизация отменена, а им за героизм честь и слава.

польский:

Powiedz, że niby mobilizację odwołano, ale że im za bohaterstwo należy się cześć i chwala.

(Н. Островский)

польский:

Wreszcie rzekł mi, pry, do Wrocławia tu mus wrócić.

русский:

Наконец он сказал мне, что, мол, во Вроцлав должен вернуться.

(А. Сапковский)

¹⁶ В данном случае частица *przecież* 'ведь' отчасти выполняет эвиденциальную функцию, хотя не является ксенопоказателем.

Также в переводах на месте ксенопоказателей встречаются глагольные маркеры *powiadasz; powiada* (в диалектных текстах встречается, по-видимому, устаревшая сокращенная форма *peda*¹⁷):

Аналогами рус. *якобы* выступают в русско-польских переводах несколько маркеров: более литературные *jakoby* и *rzekomo* и более разговорные *podobno, niby*, и *ponoś* (и устаревший вариант последнего — *pono*). Их разговорный регистр подтверждается частотными данными устного корпуса разговорного польского Spokes. На рус. *так и так* параллельный корпус дает три варианта: *tak i siak; tak a tak; tak i tak*, но эти конструкции не частотны в целом в польском. Исследователями (напр., Guz 2024) отмечается хождение в современном польском новых цитативов на основе демонстративов *tak (taka, taki)*, аналогичных рус. *такой (такая, такие)*.

5) ЧЕШСКИЙ

В чешских контекстах на месте рус. *мол* употребляются, как и в польском, чаще всего конструкции с *že* без специальных лексических маркеров¹⁸. Специфические маркеры-цитативы используются в польском и чешском реже, чем в восточнославянских языках. Изредка в переводах *мол* и *дескать* употребляется чеш. *prý* (от глагола говорения *pravít* 'рассказывать, говорить')¹⁹; для рус. *якобы* применяется как *prý*, так и *údajně*, и в художественном, и в публицистическом дискурсе. Снова отметим аналоги к рус. *так и так*: чеш. *takhle a takhle; tak a tak*.

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

чешский:

Nikanor Ivanovič trochu rozpačité namítal, že cizinci mají bydlet v Metropoli, a ne v soukromých bytech...

(М. Булгаков)

чешский:

Dnes však udělal výjimku a zatelefonoval Skonsbergovi, aby k němu co nejrychleji přijel. Prý něco obzvlášť důležitého. Skonsberg vystoupil po dřevěných schodech do prvního patra, kde už na něho komisař čekal a uvedl ho do své pracovny.

русский:

Но сегодня он сделал исключение, позвонил Шенсбергу и попросил приехать к нему, да не откладывая. Случилось, мол, нечто чрезвычайно важное. Шенсберг по деревянным ступеням поднялся на второй этаж в кабинет комиссара. Тот его уже ждал.

(З. Черник)

¹⁷ Согласно (Иванов 2009, с. 167).

¹⁸ В параллельном чешско-русском корпусе на базе НКРЯ, в отличие от других пар, много современных публицистических текстов.

¹⁹ Как и рус. *мол*, имеет два основных значения — модальное и ренарративное. Об этой частице см.: (Hoffmannová 2008).

русский:

После этого заговорили о шелке, и Остап обещал подарить очаровательной хозяйке несколько сот шелковых коконов, **якобы** привезенных ему председателем ЦИК Узбекистана.

чешский:

Nato se rozhovořili o hedvábí a Ostap slíbil, že daruje okouzující hostitelce několik set hedvábných kokonů, které mu **údajně** přivezl předseda uzbeckého ÚVV.

(И. Ильф, Е. Петров)

В разговорном чешском, по данным устного корпуса (в составе Чешского национального корпуса), частица *prý* (и ее вариант *prej*) гораздо частотнее *údajně*: 498,18 на миллион против 14,56. Из новых цитативов фиксируются *jako* как четкий эквивалент рус. *такой* и реже используемый маркер *na to*, соответствующий англ. *goes like*²⁰.

6) СЛОВАЦКИЙ

В словацком ситуация с маркерами эвиденциальности и чужой речи схожа с чешским языком. Однако конструкции с союзом *že* уступают в частотности лексическим маркерам. На месте чеш. *prý* используется частица *vraj* (от *vravieť* 'говорить'): *A že vraj francúzsky jazyk je jazykom básnikov!* В параллельном НКРЯ нет словацкого корпуса, но такой корпус есть в составе Словацкого национального корпуса. Из него видно, что соответствиями рус. *мол*, *деж*, *якобы* и др. выступает целый ряд лексических маркеров: *vraj*; *údajne*; *akoby*; (*že*) *by*; *aby*; *všakver*; *zdanlivo*; *naoko* (по убыванию частотности). Нередко используется также частица *reku*, производная от 1-го л. ед. ч. глагола говорения *riečť*: *Uveril, ba aj úctu tvárou vyjadril: vidíte, reku, sme, čo sme!*²¹ Как и в чешском, используется цитативная конструкция *tak a tak*.

7) СЛОВЕНСКИЙ

В современном словенском существует два основных ксенопоказателя, представленных частицами: *baje* (от *bajati* 'говорить'²²) и *češ* (от *hoteti* 'хотеть'). В параллельном словенско-русском корпусе (небольшом по объему) практически все случаи рус. *мол* и *деж* соответствуют словен. *češ*. Частица *češ* нетипична в славянском ареале в плане этимологии — она производна от глагола «хотеть» во втором лице (*hčeš*). Рус. *якобы* соответствует ряду словенских частиц: *baje*; *naj bi*; *kot da (bi)*; *češ da*; *menda*. И опять-таки констатируем точный параллелизм конструкции *так и так* в роли эвиденциала: словен. *tako in tako*.

²⁰ Отмечается в (Buchstaller, Van Alphen 2012, p. xiv).

²¹ Особая благодарность Дарье Ващенко за предоставленные данные параллельного русско-словацкого корпуса: Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2022. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 19.12.2025).

²² Схожий процесс прагматикализации отразился в русской частице *бишь*, производной от глагола *баешь*.

русский:

Своей, мол, природы у евреев нет, а к чужой они равнодушны.

словенский:

Češ, svoje narave nimajo, tuja jih ne zanima.

(С. Довлатов)

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

словенский:

Nekoliko v dvomih je Nikanor Ivanovič ugovarjal, češ da morajo tujci stanovati v "Metropolu" in nikakor ne v zasebnih stanovanjih...

(М. Булгаков)

русский:

Якобы невозможно пребывать в раю, если знать, что где-то существует страдание.

словенский:

Kot da je nemogoče bivati v raji, če vemo, da nekje obstaja trpljenje.

(М. Шишкин)

словенский:

Nihče ni bil zadovoljen z mano. "V imenu ljudstva «sem dobil sprva 15 let, kasneje so mi to zvišali na 18 let, ker sem se baje" neprimerno vedel na sodišču«.

русский:

«От имени народа» я получил сначала 15 лет, потом мне повысили до 18, поскольку якобы я «неподобающе вел себя на суде».

(В. Зупан)

В корпусе словенского языка Nova Beseda *češ* встречается 37426 раз, тогда как *baje* 3793, то есть в десять раз реже. При этом в корпусе устного словенского (GOS 2.0) — примерно равное число вхождений обеих единиц. Но в два раза частотнее в разговорном оказываются эвиденциальные конструкции с *naj bi* и *kot da bi* (или сокр. *k'da bi*), см. пример из (Uhlik 2018):

slvn. Šola **naj bi** začela delovati že to jesen. (← Pravijo, da naj bi šola začela delovati že to jesen.)

rus. Школа **будто бы** начала работать уже этой осенью (← Говорят, будто бы школа начала работать уже этой осенью.)

Češ и его варианты *kakor češ* и *češ da* также весьма употребительны в разговорном словенском, по данным GOS 2.0²³.

²³ Однако вряд ли *češ* можно назвать «новым цитативом» типа английских *like* и *go*, как это сделано в работе (Panić Cerovski et al. 2012). *Češ* употребляется в такой функции уже давно, по меньшей мере с начала XX века, как свидетельствует ПарК НКРЯ.

8) СЕРБОХОРВАТСКИЙ (боснийский, сербский, хорватский, черногорский)

Несмотря на территориальную и историческую близость со словенским, сербохорватский (в его национальных вариантах) использует в качестве ксенопоказателей иные лексические единицы. Самый частотный ксенопоказатель по параллельному русско-сербскому корпусу (впрочем, небольшому по объему) — серб. *као*²⁴. В контекстах с рус. *якобы* в ПарК используются следующие эквиваленты: *као да*; *тобоже*; *бајаги*; *као бајаги* (не связано со словенским *baje*, происходит от турецкого *bayagi*); *наводно* (от глагола *наводити* — ‘цитировать’²⁵). В функции эвиденциала иногда используются глагольные маркеры: *вели*; *каже*; *реко*; *прича се*.

русский:

Видит, такое дело. Чем, мол, занимаетесь? Строку, понимаешь, гонит.

сербский

Види, нешто се дешава. Као, шта радите? Тражи тему за чланак.

(С. Довлатов)

сербский

*Zabeležila ga je nepoznata osoba **tobože** prema pričanju samoga Atanasija Fjodorovića i to kada je on već bio direktor AVS Engineering & Pharmaceuticals.*

русский:

*Они записаны, правда, **якобы** со слов самого Афанасия Федоровича неизвестным лицом в те поры, когда Разин был уже директором “ABC Engineering & Pharmaceuticals”.*

(М. Павич)

русский:

*Однако дом так называется. Более того, один московский врун рассказывал, что **якобы вот** во втором этаже, знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!*

сербский

*Било како било, зрада се тако звала. Па чак и више од тога, један московски лажљивац је причао да је, **као бајаги**, на првом спрату, у округлој сали са стубовима, познати писац читао одломке из свог комада НЕВОЉЕ ЗБОГ ПАМЕТИ тој тетки која је лежала на софи. Усталом, ћаво ће га знати, можда је и читао, то уопште и није важно*

(М. Булгаков)

Интересно, что в уже приводимой выше по разным языковым парам фразе из «Мастера и Маргариты» (и иногда в других переводах из художественной литературы) в функции репортатива в сербском используется частица *eto* (аналогичная рус. *вот*, которая также может выполнять функцию ксенопоказателя²⁶):

²⁴ См. о некоторых сербских маркерах эвиденциальности: (Попович 2015; Поповић 2010 (в сопоставлении с украинским); Марић 2025 (в сопоставлении с русским; здесь *као* называется «маркером внутренней речи» с «инферентивным эвиденциальным значением»)).

²⁵ См. о серб. *наводно* в статье (Попович 2015).

²⁶ Согласно (Левонтина 2020).

русский:

Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, **мол**, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах...

сербский:

Никанор Иванович се мало збуњено успротиви, јер, **ето**, странци треба да живе у МЕТРОПОЛУ а не по приватним становима...

(М. Булгаков)

В разговорном сербском, помимо отмеченных выше, используется также как ксеномаркер частица *значи*. Употребляются в роли цитативов наряду с *као* (разг. *k'o²⁷*) также *krene*; *onako* (*оно*); *tira*. См. примеры из статьи (Bjelogrić 2015):

meni su se naravno moje koleginice smejale // као – // ja sam bila urednik dva ženska lista.

: I Silvana vidi da mi tu nešto znaš // domundavamo se // i ona krene // jao evo je brzo // ja se oladio b.

9) МАКЕДОНСКИЙ

По македонскому данных немного, поскольку в НКРЯ отсутствует параллельный с русским корпус. Об эвиденциальности в македонском и болгарском известно из статей и фундаментального труда (Макарцев 2014). Македонский, как и болгарский, характеризуется грамматикализированными маркерами эвиденциальности, в частности омонимичной перфекту так называемой *сум-л*-формой глагола. Между тем используются также и лексические маркеры – как наречные (*наводно*; *божем*), так и глагольные (*вели*; *каже*; *рече*). Употребительна также частица *демек* ('якобы, говорят', заимствование из турецкого), указывающая на неопределенность источника информации или сомнение говорящего в ее истинности. См. пример из (Макарцев 2014):

Растела, **демек**, поддршката за ставот на македонската влада во спорот околу името со Грција (из журнала).

[Они говорят, что] поддержка позиции македонского правительства в споре с Грецией об имени растет [что не соответствует действительности, если принять во внимание официальные заявления Брюсселя и Вашингтона].

В македонских словарях с пометой «диалектное» отмечается еще один эпистемический и репоративный маркер – *ѓоа*, являющийся заимствованием из турецкого *güya*, *güya* от перс. *gū* 'говорить': *Преку него ѓоа било поблиску за враќање, а останав три години по пат низ Сибир. Эта частица ушла в разговорный экспрессивный слой языка, а также используется в стилизации речи персонажей художественной литературы. Данных о новых цитативах в македонском получить не удалось.*

²⁷ См. о кватативных употреблениих *као* и *ко* в хорватских говорах: (Benić 2018).

10) БОЛГАРСКИЙ

Как и в македонском, категория эвиденциальности выражается в болгарском в большинстве случаев особой грамматической формой глагола и да-конструкцией. Это видно по примерам из ПарК:

русский:

Легкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал.

болгарский:

Лесната пара не тежи, а и не се чувства, като да речеи – ей на, изкарах.

(А. Солженицын)

В то же время по параллельному корпусу видно разнообразие других маркеров, соответствующих рус. *мол* и *дескать*: *един вид*; *значи*; *рекъл*; *видите ли* (любопытное совпадение с рус. *видите ли*); *вика*; *каза*; *повече*; также в этой роли могут выступать частицы *ето* (как и в сербском) и *ех* (ср. рус. *ах* в функции ксенопоказателя):

русский:

Подняла руку – мол, не такая я персона, чтобы называть свое имя – и, изобразив почтительный полупоклон в сторону шефа, сказала...

болгарский:

Вдигна длан – един вид, не съм чак такава персона, че да се представям поименно, и с почитателно свеждане на глава в посока към шефа, каза...

(Б. Акунин²⁸)

русский:

Старикан, мол, перепугается... как же, напугаешь такого.

болгарский:

Старчето, видите ли, щяло да се изплаши... Как ли пък не – такъв като него да се изплаши!

(Г. Полякова)

Аналогами рус. *якобы* выступают следующие болгарские маркеры: *уж*; *кай* (разг. *ка*, от *каже*)²⁹; *май*; а также, как и в македонском, *демек*. Чаще всего употребляется частица *уж*:

русский:

Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из «Горня от ума» этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!

²⁸ Б. Акунин (Г.Ш. Чхартишвили) в 2023 году внесен в список террористов и экстремистов решением Росфинмониторинга, в 2024 году включен Министерством юстиции РФ в реестр лиц, выполняющих функции иностранного агента. — Примеч. ред.

²⁹ См. о болгарских маркерах пересказывательности *кай*, *каже*, *уж* в сопоставлении с рус. *мол* и *дескать* в статье (Ivanova 2016).

болгарский:

Нещо повече, един московски дърдорко разпразяше, че уж точно тук, на втория етаж, в кръглата зала с колоните, прочутият писател бил чел откъси от „От ума си тегли“ на същата тази леля, излегната върху канането. Впрочем, дявол го знае, може и да ѝ е чел, не това е важно!

(М. Булгаков)

болгарский:

Демек, ето, отново дохождам, какво да се прави!

русский:

Мол, вот, нужно опять возвращаться, что поделаешь!

(А. Гуляшки)

Наконец, отметим аналогичные другим славянским языкам эквиваленты рус. *так и так* в роли конструкции-цитатива: *така и така; тѣй ѝ тѣй*.

4. Заключение

Данные параллельных корпусов славянских языков (на базе НКРЯ) позволили уточнить и дополнить сведения об арсенале ксенопоказателей в основных языках семьи, а именно — установить соответствия русских дискурсивных маркеров чужой речи с их эквивалентами в других славянских языках. Мы ограничили наш анализ лексическими показателями эвиденциальности и эпистемической модальности в контекстах передачи чужой речи. Анализ показал, что такие лексические маркеры встречаются во всех основных десяти славянских языках, причем даже в тех (относящихся к Балканскому языковому союзу), в которых категория эвиденциальности выражена, как правило, грамматически, а не лексически. Переводы художественной литературы показывают большую вариативность в употреблении даже лексических ксенопоказателей. А национальные корпуса соответствующих языков предоставляют данные об употребимости этих дискурсивных единиц в современной речи, в том числе устно-разговорной, публицистической и художественной. Перечень употребимых в корпусах ксенопоказателей представлен в приложении.

Среди частных выводов можно отметить следующее. Маркеры-цитативы с эвиденциальной функцией (группа 1) в большинстве своем произведены от глаголов говорения³⁰, тогда как маркеры с функцией эпистемической оценки (группа 2) чаще всего производятся от сравнительных конструкций и сослагательных частиц. При этом границы между эвиденциальностью, цитативностью и эпистемической модальностью часто подвижны в дискурсе, поэтому некоторые маркеры используются в разных случаях. Маркеры из группы (1) этимологически восходят к глаголам говорения-как-действия, то есть являются свернутыми речевыми актами, а именно — речевыми актами субъективной оценки самой речи.

³⁰ Частицы-ксенопоказатели образуются от глаголов говорения в самых разных языках мира, см. данные в: (Иванов 2009, с. 166–167).

(1) рус. *мол, дескать, де, grit*; бел. *маўляў, моў, кажа*; укр. *мовляв, мов*; пол. *powiada, peda, rzekoto*; чеш. *prý*; словац. *vraj* и *reki*; словен. *baje*; серб. *вели, каже, реко, прича се, наводно*; мак. *вели, рече, демек, гоа*; болг. *рекъл, кай (ка)*.

(2) рус. *якобы, будто бы, вроде бы*; бел. *нібыта, нібы, як бы*; як *быццам*; укр. *ніби; нібито; неначе; немовбито³¹; неначебто; буцім (буцімто, буцімби)*; пол. *jakoby, rzekoto, podobno, niby, ponoś*; чеш. *jako*; словен. *kot da (bi)*; серб. *као*

Некоторые из славянских ксенопоказателей производны от глаголов восприятия (бел. *бач, бацьце, відаць*; рус. и болг. *видите ли*) или желания (словен. *čes*), либо от существительных с эвиденциальным значением (чеш. *údaj* → *údajně*). Заметим также, что в случаях серб. *значи*, болг. *значи*, бел. *знацьця* инферентивное значение маркера обретает черты цитативности.

Так называемые «новые цитативы» в большинстве славянских языков (см. последний столбец таблицы в приложении) образованы под влиянием англ. *like* и *goes like*, с использованием сравнительных слов. Самым универсальным ксенопоказателем для большинства славянских языков оказывается конструкция, аналогичная рус. *так и так*: практически всем языкам семьи свойственна именно такая трехчастная формула с репрезентирующей и репортативной функцией.

Полученные данные подтверждают, что ксенопоказатели образуют устойчивую, типологически значимую группу метакоммуникативных средств, реализующих функции репортативности, цитативности, эвиденциальности и субъективной модальности, однако конкретные способы их языковой репрезентации существенно различаются в пределах славянского ареала. Данные параллельных корпусов показывают, что при переводе с русского языка на другие славянские языки ксенопоказатели часто заменяются функционально эквивалентными, но формально несоответствующими средствами, что указывает на асимметрию прагматических систем славянских языков и на необходимость учитывать дискурсивную, а не только лексико-семантическую эквивалентность. Особого внимания заслуживает распространение «новых цитативов» разговорного происхождения, которые, хотя и не во всех славянских языках получили нормативный статус, свидетельствуют о продолжающейся динамике зоны метакоммуникации.

Таким образом, исследование подтверждает продуктивность корпусно-дискурсивного подхода для типологического изучения прагматических единиц. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших типологических исследованиях прагматики, в переводоведении, а также при разработке корпусного аннотирования прагматических значений языковых единиц и конструкций. Говоря о перспективах подобного сопоставительного и типологического исследования прагматических маркеров в разных языках, можно надеяться на более объемное пополнение в будущем как параллельных двуязычных и много-

³¹ Производная от частицы *немов*, в свою очередь, как предполагается, восходящей к глаголу говорения с отрицательной партикулой.

язычных лингвистических корпусов, так и функциональных корпусов отдельных языков (устная речь, публицистический дискурс, художественный дискурс и т. д.)³².

Приложение

Ксенопоказатели в славянских языках: лексические маркеры

Язык	Маркеры со значением цитативности, ренарративности и субъективной модальности	Маркеры со значением эпистемической модальности	Новые маркеры-цитативы
Русский	<i>мол; дескать; де; grit (говорит); так и так</i>	<i>якобы; будто бы; вроде бы; видите ли (видишь ли)</i>	<i>типа; типа того; такой; вот; как бы; вроде как; вроде того; ах</i>
Белорусский	<i>маўляў; моў; бо; бач; бачыце (бачыш); значыцца; нібыта; відаць; нібы; пыні; так і гэтак; так і так</i>	<i>кажа; нібыта; нібы; як бы; як быццам (бы)</i>	<i>типа; такой</i>
Украинский	<i>мовляв; мов; пак; так і так; отак і отак; так і сяк</i>	<i>ніби; нібито; неначе; немовбито; неначебто; буцім (буцімто, буцімби)</i>	
Польский	<i>niby (że niby; niby że; niby to); powiadasz (powiada, peda); tak a tak</i>	<i>jakoby; rzekomo; podobno; niby; ponoć; pono</i>	<i>tak (taka, taki)</i>
Чешский	<i>prý; takhle a takhle; tak a tak</i>	<i>prý (prej); údajně</i>	<i>jako</i>
Словацкий	<i>vraj; reku; údajne; všakver</i>	<i>vraj; údajne; zdanlivo; akoby; (že) by</i>	
Словенский	<i>češ; tako in tako</i>	<i>baje; naj bi; kot da (bi); češ da; menda</i>	<i>kakor češ; češ da</i>
Сербохорватский	<i>kao (као, ка); вели; каже; реко; прича се; ето; значи</i>	<i>као да; тобоже; бајаги; као бајаги; наводно</i>	<i>као (k'o); krene; onako (ono); tira</i>
Македонский	<i>вели; рече; демек; гоа</i>	<i>наводно; божем; демек; гоа</i>	Нет данных
Болгарский	<i>един вид; значи; рекъл; видите ли; вика; каза; повече; ето; ех; така и така; тѝй ѝ тѝй</i>	<i>уж; каѝ (ка); маѝ; демек</i>	Нет данных

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-20250001, под-держанного Министерством высшего образования и науки РФ.

³² Благодарю коллег за консультации по отдельным славянским языкам: Марию Малиновскую, Олега Ковалея, Дениса Вирена, Дмитрия Полякова, Дарью Ващенко, Наталью Муравлеву.

Список литературы

Апресян, В.Ю., Шмелев, А.Д., 2017. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы*. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 16 (23), с. 17–29. [Apresjan, V.J. and Shmelev, A.D., 2017. “Xeno-markers” based on parallel corpora and modern media: the Russian *yakoby*. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16 (23), pp. 17–30 (in Russ.)] EDN: XNQSHX.

Арутюнова, Н.Д., 2000. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов. В: *Язык о языке*. Н.Д. Арутюнова (ред.). М., с. 437–452. [Arutyunova, N.D., 2000. Markers of reported speech *de, deskat', mol*. On the problem of interpreting speech-behavioral acts. In: N.D. Arutyunova, ed. *Language about language*. Moscow, pp. 437–452 (in Russ.)] EDN: YJXOYF.

Богданова-Бегларян, Н.В., 2021. Маркеры-ксенопоказатели в русской повседневной речи: аннотирование речевого корпуса, типология и количественные данные. В: *Корпусная лингвистика – 2021: труды международной конференции*. СПб., с. 183–190. [Bogdanova-Beglarian, N.V., 2021. ‘Xeno’-markers in Russian everyday speech: annotation of the speech corpus, typology and quantitative data. In: *Corpus Linguistics – 2021: proceedings of the International Conference*. St. Petersburg, pp. 183–190 (in Russ.)] EDN: YWOMIX.

Иванов, Вяч. Вс., 2009. К теории речи другого человека. В: *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 6: История науки: недавнее прошлое (XX век). М., с. 157–182. [Ivanov, Vyach. Vs., 2009. Toward a theory of another person’s speech. In: *Selected works on semiotics and the history of culture*. Vol. 6: History of science: the recent past (20th century). Moscow, pp. 157–182 (in Russ.)].

Кобрин, О.А., 2005. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1 (4), с. 86–98. [Kobrina, O.A., 2005. Category of evidentiality: its status and forms of expression in different languages. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (4), pp. 86–98 (in Russ.)] EDN: PQXVX.

Крылова, Э.Б., 2020. Средства выражения эвиденциальных значений в датском и русском языках и проблема их перевода. В: *Германские языки: текст, корпус, перевод*. Д.Б. Никуличева (ред.). М., с. 190–202. [Krylova, E.B., 2020. Means of expressing evidential meanings in Danish and Russian and the problem of their translation. In: D.B. Nikulicheva, ed. *Germanic languages: text, corpus, translation*. Moscow, pp. 190–202 (in Russ.)].

Левонтина, И.Б., 2020. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. *Вопросы языкознания*, 3, с. 52–77. [Levontina, I.B., 2020. The repertory of xenomarkers in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 52–77 (in Russ.)] EDN: YAAYTY, <https://doi.org/10.31857/S0373658X0009413-3>.

Макарцев, М.М., 2014. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.; СПб., 444 с. [Makartsev, M.M., 2014. *Evidentiality in the space of the Balkan text*. Moscow; St. Petersburg, 444 p. (in Russ.)].

Марић, Б., 2025. *Туђи говор у руском и српском језику: синтаксички, семантички и стилистички аспект*. Београд. [Marić, B., 2025. *Reported speech in Russian and Serbian: syntactic, semantic and stylistic aspects*. Belgrade (in Serb.)].

Николаева, Т.М., 1985. *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. М., 169 с. [Nikolaeva, T.M., 1985. *Functions of particles in utterances (based on Slavic languages)*. Moscow, 169 p. (in Russ.)].

Плунгян, В.А., 2008. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие. В: *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72*,

pp. 285–311. [Plungyan, V. A., 2008. On markers of reported speech and unreliability in Russian: *mol*, *yakoby* and others. In: *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 72, pp. 285–311 (in Russ.)] EDN: SIQLPL.

Поповић, Љ., 2010. Категорија евиденцијалности у српском и украјинском језику. *Зборник Матице српске за славистику*, 77, с. 17–47. [Popović, Lj., 2010. The category of evidentiality in Serbian and Ukrainian. *Proceedings of Matica Srpska for Slavic Studies*, 77, pp. 17–47 (in Serb.)].

Попович, Л., 2015. Лексическе и граматическе показатељи евиденцијалности у српском и других славјанских језицима. В: *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Л. Попович, М. Номачи (ред.). Саппоро, с. 219–250. [Popović, L., 2015. Lexical and grammatical markers of evidentiality in Serbian and other Slavic languages. In: L. Popović and M. Nomachi, eds. *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology*. Sapporo, pp. 219–250 (in Russ.)].

Симонова, К. С., 1983. Переповідні частки. *Культура слова*, 24, с. 42–49. [Simonova, K.S., 1983. Reportative particles. *Culture of the Word*, 24, pp. 42–49 (in Ukr.)].

Соколова, О. В., Захаркив, Е. В., 2025. Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М., 328 с. [Sokolova, O.V. and Zakharkiv, E.V., 2025. *Pragmatics and poetics. Poetic discourse in new media*. Moscow, 328 p. (in Russ.)].

Соколова, О. В., Фещенко, В. В., 2024. Прагматическе маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), с. 706–733. [Sokolova, O.V. and Feshchenko, V.V., 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: a corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), pp. 706–733 (in Russ.)] EDN: YAADPP, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.

Фещенко, В. В., 2025. Поэтика эгоцентрического слова: корпусно-дискурсивный анализ частицы *mol*. *Terra Linguistica*, 16 (3), с. 146–165. [Feshchenko, V.V., 2025. Poetics of the egocentric word: a corpus-based discourse analysis of the particle *mol*. *Terra Linguistica*, 16 (3), pp. 146–165 (in Russ.)] EDN: EIDREN, <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>.

Храковский, В. С. (ред.), 2007. Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб, 634 с. [Khrakovsky, V.S., ed., 2007. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia: a collection of papers in memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg, 634 p. (in Russ.)] EDN: QTKSLF.

Яслик, В., 2016. Мовляв (мов) як засіб вираження евиденції. *Лінгвістичні студії*, 31, с. 26–30. [Yaslyk, V., 2016. Movlyav (mov) as a means of expressing evidentiality. *Linguistic Studies*, 31, pp. 26–30 (in Ukr.)].

Benić, M., 2018. Prepričavanje diskursa na primjeru osječkoga govora. *Rasprave. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 44 (1), pp. 1–55.

Bjelogrlić, A., 2015. Novi(ji) kvotativi u razgovornom diskursu savremenog srpskog jezika. *Radovi Filozofskog fakulteta. Filološke nauke*, 17, pp. 65–86.

Buchstaller, I. and van Alphen, I., eds., 2012. *Quotatives: Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*. Amsterdam; Philadelphia.

Guz, W., 2024. Quotative uses of Polish simulative demonstratives. *Linguistics*, 62 (3), pp. 541–575, <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0201>.

Hoffmannová, J., 2008. Role českého *prý/prej/pré* při vyjadřování reproduktivních a modálních významů. *Wiener Slawistischer Almanach*, 72, pp. 149–164.

Ivanova, Z., 2016. О Маркерах Пересказываемости в Русском и Болгарском Языках (The Reportative Evidential Markers in Russian and Bulgarian). *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2864426> [Accessed 15 December 2025] (in Russ.) <https://doi.org/10.2139/ssrn.2864426>.

Panić Cerovski, N., Đukanović, M. and Kovačević, B., 2012. Novi markeri citiranja u srpskom i slovenačkom jeziku. In: B. Dimitrijević, ed. *Nauka i savremeni univerzitet – Filologija i univerzitet*. Niš, pp. 121–131.

Rossi, G., 2020. Other-repetition in conversation across languages: Bringing prosody into pragmatic typology. *Language in Society*, 49 (4), pp. 495–520, EDN: TTKFVB, <https://doi.org/10.1017/S0047404520000251>.

Schiffrin, D., 1987. *Discourse markers*. Cambridge.

Uhlik, M., 2018. O *naj* in *pust'* v slovensko-ruski sopostavitvi. *Slavistična revija*, 66 (4), pp. 403–419, EDN: LTTYWH.

Wiemer, B., 2008. Показатели с цитативной и инферентивной функциями в русском и польском языках. Коммуникативные механизмы семантического сдвига. *Wiener Slavistischer Almanach*, Sonderband 72, pp. 335–376 (in Russ.).

Wiemer, B., 2018. *Catching the elusive: lexical evidentiality markers in Slavic languages: a questionnaire study and its background*. New York.

Wiemer, B. and Marín-Arrese, J.L., eds., 2022. *Evidential marking in European languages: toward a unitary comparative account*. Berlin; Boston.

Wiemer, B. and Plungian, V.A., 2008. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. München; Wien.

Об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-1323-4220

SPIN-код: 8525-3280

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Для цитирования:

Фещенко В.В. Ксенопоказатели в славянских языках: корпусно-дискурсивные данные // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 96–117. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

XENO-MARKERS IN SLAVIC LANGUAGES: CORPUS AND DISCOURSE DATA

Vladimir V. Feshchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 05.12.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5

The article presents a comparative study of xenopointers, understood as pragmatic markers of reported or attributed speech, across contemporary Slavic languages. These units constitute an important part of discourse organisation, as they encode speakers' metacommunicative reflection and strategies for representing an external or distanced voice. While individual markers have been extensively described within specific linguistic traditions, their cross-Slavic typological analysis remains insufficiently systematised. The study aims to identify

and classify lexical xenopointers in major Slavic languages and to establish their functional and pragmatic correspondences. The research is based on a corpus-driven discourse approach that combines quantitative analysis of parallel and monolingual corpora with qualitative examination of contextual usage. Special attention is given to translated literary texts, which provide a suitable basis for multilingual comparison and for tracing translation strategies involving pragmatic markers. The analysis demonstrates that lexical xenopointers are attested in all examined Slavic languages, including those in which evidentiality is primarily expressed through grammatical means. The study reveals both shared typological patterns and language-specific differences in the etymology, distribution, and pragmatic scope of these markers, as well as considerable variability in their translational equivalents. The findings contribute to a more nuanced understanding of the interaction between evidentiality, quotativity, and epistemic modality in discourse and offer new empirical insights for corpus pragmatics and cross-linguistic research.

Keywords: *xeno-markers, pragmatic markers, reported speech, Slavic languages, corpus pragmatics, typological pragmatics, corpus-based discourse analysis*

Acknowledgements. *This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-20250001.*

The author

Prof. Vladimir V. Feshchenko, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-1323-4220

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

To cite this article:

Feshchenko, V. V., 2026, *Xeno-markers in Slavic languages: corpus and discourse data*, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 96–117. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-5.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1
Поступила в редакцию 10.11.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-6

Статья посвящена исследованию прагматических смыслов процедурных метакоммуникативных комментариев в современном русском языке и методам их объективной экспликации в лингвистическом описании. В фокусе внимания находятся конструкции «иначе говоря», «проще говоря» и «другими словами», функционирующие как маркеры повторной номинации и переформулирования внутри высказывания. Актуальность исследования обусловлена тем, что в большинстве лингвистических работ интерпретация прагматической функции подобных единиц опирается преимущественно на интуицию исследователя, что делает полученные выводы в значительной степени субъективными. Реализован экспериментальный подход, позволяющий сопоставить лингвистическую интерпретацию с восприятием носителей языка. Эксперимент проводился с использованием данных Национального корпуса русского языка. Участникам предлагалось оценить приемлемость высказываний с тремя метакоммуникативными комментариями и возможность их взаимной замены в конкретных контекстах, а также определить функции, которые эти комментарии выполняют в высказывании. Результаты эксперимента показывают, что рассматриваемые метакоммуникативные конструкции не воспринимаются носителями языка как полностью эквивалентные и обладают различной степенью контекстной допустимости. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что метакоммуникативный комментарий «иначе говоря» семантически и прагматически ближе к конструкции «другими словами», тогда как «проще говоря» обладает более узкой семантикой и более определенным прагматическим значением. Кроме того, выявлена вариативность функциональной интерпретации метакоммуникативных комментариев, что подтверждает сложный и контекстно обусловленный характер их прагматического значения. Полученные данные демонстрируют необходимость привлечения экспериментальных методов при описании метакоммуникации и уточняют представления о функциональной дифференциации процедурных метакоммуникативных средств.

Ключевые слова: конструкция, метакоммуникация, перефразирование, прагматическое значение, эксперимент

1. Постановка проблемы

В данной статье речь пойдет о метакоммуникативных комментариях, которые являются обязательным компонентом устной и письменной речи. Эти единицы неоднократно становились объектом внимания

лингвистов (Богданова-Бегларян 2012; Добровольский, Левонтина 2025; Birzer 2012). Исследователи отмечают богатство прагматических смыслов, которые способны выражать в высказывании метакоммуникативы, однако сам процесс выявления этих смыслов часто не эксплицируется, поскольку в анализе лингвисты опираются преимущественно на собственную интуицию. В этом видится методологическая проблема: известно, что интуиция — достаточно субъективный источник данных о языке (Плунгян 2008), поэтому основанные на ней выводы должны проверяться с помощью более объективных методов.

В нашем исследовании мы представим попытку экспериментального исследования того, как носители языка интерпретируют конструкции *проще говоря*, *иначе говоря* и *другими словами* и какие прагматические смыслы они соотносят с ними в конкретных контекстах употребления. Поскольку эти конструкции относятся к уровню метакоммуникации, мы поговорим о двух типах метакоммуникации и о методологических проблемах, с которыми сталкиваются лингвисты, описывая метакоммуникативные компоненты высказывания. Далее мы представим результаты эксперимента и выводы, которые позволяют уточнить функциональные различия между близкими по значению метакоммуникативными комментариями и оценить степень их эквивалентности с точки зрения носителей современного русского языка.

2. Метакоммуникация: основные характеристики

Метакоммуникация (то есть коммуникация о коммуникации) — это неотъемлемая часть дискурса, своего рода система «знаков дорожного движения», которая важна и для говорящего, и для адресата, поскольку благодаря ей мы ориентируемся в дискурсе: метакоммуникация обеспечивает взаимодействие говорящего, адресата и сообщения, а также направляет процесс обработки информации.

Метакоммуникация неоднородна: во-первых, комментарии могут относиться к языку и речи «вообще» и эксплицитно выражать мнение говорящего о том, какими должны быть язык и речь. Такие комментарии мы предлагаем называть *декларативными*. Их важной особенностью является то, что они, как правило, отражают определенные социальные ценности, связанные с языком и речью:

Однако 74 % граждан считают, что **правила в русском языке не должны меняться**, среди сограждан в возрасте 46–60 лет такого мнения придерживаются 81 % опрошенных [Каждый пятый считает, что русский разговорный надо приравнять к литературному // Vesti.ru. 27.10.2020].

Появление мата в русском языке из-за монгольского нашествия является мифом [Развеев самый популярный миф о русском мате // Lenta.ru. 28.07.2020].

«А зачем говорить скверные слова, когда в русском языке 500 тысяч слов прекрасных — они созданы для поэзии!» — сказал священник [«Могут помочь — дать по морде»: протоиерей Смирнов о том, как быстро и надолго отучить от нецензурной лексики // NEWSru.com. 22.09.2019].

В русском языке слово «раздрайв» не зафиксировано [Учительница русского языка перечислила часто встречающиеся на ТВ ошибки // Lenta.ru. 22.12.2020].

Второй тип метакоммуникативных комментариев — это комментарии *процедурные*, то есть такие, которые относятся непосредственно к качеству коммуникации, оценивают ее логическую структуру, лексический и / или грамматический выбор говорящего:

А чтобы производители не потратили впустую еще один год, также сообщается, что «в случае недостижения норматива утилизации сумма экологического сбора, подлежащая уплате, должна рассчитываться исходя из разницы между нормативом утилизации и достигнутым объемом утилизации отходов» — **иными словами**, экологический сбор вырастет [Бизнесу дали еще год, чтобы наладить утилизацию отходов // Парламентская газета. 30.12.2021].

«Когда ключевые отрасли продовольственного сектора подсчитали нагрузку от увеличения экосбора, многие, **честно говоря**, ужаснулись», — отметила Меланевская на заседании комитета РСПП по экологии [Продукты могут подорожать из-за новых требований к утилизации упаковки // Ведомости. 28.11.2021].

Здоровая конкуренция разве не поможет снизить ставки, **так сказать**, естественным путем? [Микрофинансовые организации могут уйти в тень // Парламентская газета. 24.12.2021].

Методологические проблемы, которые возникают в процессе лингвистического анализа и декларативных, и процедурных метакомментариев, сводятся к следующим:

1. Какова оптимальная процедура сбора эмпирических данных метакомментариев?

2. Каким образом исследователь может объективно эксплицировать прагматические смыслы, которые возникают в высказывании вместе с появлением метакоммуникативного комментария?

Первая проблема наиболее очевидна для тех случаев, когда в фокусе внимания лингвиста оказываются *декларативные* метакоммуникативные комментарии: утверждения носителей языка о том, каким должен быть язык и чего в нем быть не должно, разнообразны по форме, поэтому основная проблема в их изучении — это накопление эмпирического материала. Для поиска таких высказываний корпусные методы могут применяться достаточно ограниченно, полученные конкордансы требуют ручной обработки.

Единственным решением данной проблемы является постоянное наблюдение за речью носителей языка и «ручной» сбор данных, что, очевидно, требует достаточно много времени и усилий со стороны лингвиста. Однако их анализ может проводиться традиционными методами, поскольку мнение говорящих о языке и речи выражается эксплицитно.

Что касается процедурных комментариев, то контексты, иллюстрирующие их употребление носителями языка, легко извлекаются из корпуса, однако исследователь должен помнить о двух важных моментах: во-первых, эти комментарии также вариативны с точки зрения формы; во-вторых, часто они имеют и недискурсивное употребление.

Вторая проблема представляется более серьезной: интерпретация имплицитных смыслов, сама процедура анализа высказывания, как правило, в работах не представлена эксплицитно, поскольку лингвисты опираются преимущественно на собственную интуицию. Однако в таком случае извлечение дополнительных смыслов может отражать только языковой опыт самого исследователя и потому в значительной степени субъективно. Следовательно, необходимо использовать и другие методы, которые позволяют получать более объективные результаты.

В качестве варианта решения этой проблемы был предложен анализ вариантов перевода таких единиц (Шилихина 2019; Шмелев 2021; 2025). Достоинства этого метода очевидны: разнообразные переводческие решения позволяют увидеть, какие смысловые компоненты находятся в фокусе внимания переводчика или оказываются утраченными. Однако сравнение вариантов перевода осложняется, во-первых, тем, что у лингвистов по-прежнему недостаточно данных — объем параллельных корпусов пока не позволяет получать достаточно данных для изучения явлений, которые нельзя считать высокочастотными. Например, для метакоммуникативной конструкции *иначе говоря* в паре русский — английский языки параллельный подкорпус НКРЯ в общей сложности дает 133 контекста. С одной стороны, этого объема данных достаточно, чтобы увидеть вариативность переводческих решений, с другой — явно недостаточно для детального сопоставительного исследования. Ситуация усугубляется еще и тем, что интерпретацию переводческих решений, связанных с сохранением или потерей прагматического компонента, предлагает все тот же исследователь-лингвист с опорой на собственную интуицию.

Еще одним способом получения информации о функционировании метакоммуникативных комментариев в дискурсе является эксперимент, который позволяет оценить, насколько интуиция лингвиста в интерпретации семантики и прагматической функции метакомментариев совпадает с мнением носителей языка. Далее мы представим результаты эксперимента, для которого было отобрано три конструкции, которые употребляются как вводные и внутри высказывания выполняют метакоммуникативную функцию: *иначе говоря*, *проще говоря* и *другими словами*. Эти метакомментарии объединяют сходные условия употребления: все они используются для повторной номинации или переформулировки сказанного ранее внутри одного высказывания. Потребность в повторном описании ситуации или назывании объекта может возникать по разным причинам. Например, это может быть потребность в усилении информативности высказывания (Валгина 2003).

Еще одно важное общее свойство отобранных для исследования метакомментариев — то, что в них содержится лексическая единица, называющая речевое действие (деепричастие *говоря в иначе говоря* и *проще говоря*) или называющая единицу речи (существительное *словами*). Интересно, что в отличие от сходных конструкций с деепричастием *говоря* (например, *честно говоря* или *собственно говоря*, см.: (Богданова-Бегларян 2012)), конструкции *иначе говоря* и *проще говоря* за редким исключением не употребляются без деепричастия в метакоммуникативной функции. Нельзя «выкинуть» и словоформу *словами* из конструкции *другими словами*.

Данные для эксперимента извлекались из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Обращение к корпусу делает эксперимент более объективным, поскольку для оценки предъявляются реально существующие, а не сконструированные лингвистом высказывания.

В ходе эксперимента испытуемые должны были ответить на три типа вопросов: во-первых, оценить приемлемость реально существующих высказываний; во-вторых, оценить возможность замены метакомментариев в предложенных контекстах на близкие по смыслу; и в-третьих, высказать мнение о том, какие функции метакоммуникативные комментарии выполняют в предложенных контекстах.

В эксперименте приняли участие студенты-лингвисты в возрасте от 19 до 24 лет, для всех русский язык был родным; 80 % респондентов — женского пола, 20 % — мужского. Общее количество информантов — 132 человека.

Для оценки приемлемости высказывания из НКРЯ было случайным образом отобрано три примера, содержащих конструкцию *иначе говоря*. Далее вместо нее в каждое высказывание были подставлены метакомментарии *проще говоря* и *другими словами*. Таким образом, каждый информант получал три варианта одного и того же высказывания с разными метадискурсивными конструкциями, при этом информация о том, какое высказывание было исходным, а какие — модифицированными, информантам не давалась. Приведем пример трех вариантов высказываний для первого типа вопросов:

«Считается, что планирование беременности возможно уже через 28 дней после введения первого компонента вакцины, **иначе говоря**, в срок, когда формируется защитный иммунитет против коронавирусной инфекции», — говорится в сообщении.

«Считается, что планирование беременности возможно уже через 28 дней после введения первого компонента вакцины, **проще говоря**, в срок, когда формируется защитный иммунитет против коронавирусной инфекции», — говорится в сообщении.

«Считается, что планирование беременности возможно уже через 28 дней после введения первого компонента вакцины, **другими словами**, в срок, когда формируется защитный иммунитет против коронавирусной инфекции», — говорится в сообщении.

Каждый вариант высказывания предъявлялся на отдельном экране, так что информанты не могли заранее знать, какие варианты им необходимо оценить.

Интересно, что 25,8 % информантов оценили реально существующее высказывание как неприемлемое. Замену метакомментария *иначе говоря* на *проще говоря* в этом высказывании неприемлемой сочли 53 % информантов, на конструкцию *другими словами* – 20,5 %.

Второе высказывание, приемлемость которого оценивали информанты, в исходном виде также содержало метакоммуникативный комментарий *иначе говоря*:

Пока вся страна борется с коронавирусом и большинство магазинов непродовольственного ритейла закрыто, обнаруживаются исключения из правил, **иначе говоря**, двойные стандарты.

Как и в первом случае, несмотря на то что это высказывание содержится в НКРЯ, неприемлемым его сочло 42,4 % информантов. Замену *иначе говоря* на *проще говоря* сочли неприемлемой 44,7 % информантов, на *другими словами* – 25 % участников эксперимента.

Исходный вариант третьего высказывания – *В это время неплохо работают и специальные присадки или, **иначе говоря**, антигель* – оценило как неприемлемый 39,4 % информантов. Это же высказывание с конструкцией *проще говоря* было названо неприемлемым 45,5 % участников эксперимента, с метакомментарием *другими словами* – 19,7 % опрошенных.

Уже этот небольшой фрагмент эксперимента показывает, что с точки зрения молодых носителей языка метакоммуникативный комментарий *иначе говоря* по своему значению ближе к конструкции *другими словами*, чем к *проще говоря*. А вот неоднозначная оценка самого факта появления этих комментариев в высказываниях может указывать на то, что само перефразирование (сказать то же самое по-другому) не всеми информантами воспринимается как эквивалентное (например, в силу того, что студенты-гуманитарии могут не знать слов *присадка* и *антигель*), поэтому значительная доля участников эксперимента оценила это высказывание как неприемлемое.

Вторая часть эксперимента содержала группу вопросов, которая касалась возможности замены этих конструкций друг на друга в предложенных контекстах. Информантам предлагались контексты из НКРЯ и вопрос, можно ли заменить имеющуюся в высказывании метакоммуникативную конструкцию на другую, например:

Можно ли вместо вводной конструкции «проще говоря» использовать вводную конструкцию «другими словами» в высказывании: «Нет депутата, к которому не обращались бы граждане по поводу охраны здоровья детей в образовательных организациях, а **проще говоря**, на тему школьной медицины».

В таблице 1 представлены результаты оценивания возможности замены метакоммуникатива *проще говоря* на *другими словами* в трех различных высказываниях.

Таблица 1

**Оценка возможности замены метакоммуникатива
проще говоря на *другими словами***

Высказывание	Да, %	Нет, %
Нет депутата, к которому не обращались бы граждане по поводу охраны здоровья детей в образовательных организациях, а проще говоря , на тему школьной медицины	45,5	54,5
Сам препарат – это сорбированная инактивированная вакцина. Это, проще говоря , убитый вирус, который непосредственно применяется на животных	75	25
Третье – недостаточно эффективно контролируют использование средств индивидуальной защиты студентами. Проще говоря , они не носят маски	59,1	40,9

В первом контексте большинство информантов отвергает замену. Это указывает на то, что конструкция *проще говоря* воспринимается не как маркер нейтрального перефразирования, а как сигнал пояснения, ориентированного на упрощение формулировки.

Во втором контексте фиксируется наибольшая допустимость замены. Высокий процент положительных ответов свидетельствует о том, что при явном объяснении термина через более бытовую номинацию различие между двумя метакоммуникативными конструкциями с точки зрения информантов нивелируется.

В третьем контексте результат занимает промежуточное положение и отражает колебание интерпретаций: замена допустима для большинства, но значительная доля информантов всё же фиксирует различие между комментариями.

Таблица 1 демонстрирует, что с точки зрения носителей языка возможность замены конструкции *проще говоря* на *другими словами* существенно зависит от контекста. Ни для одного из трех высказываний не наблюдается консенсуса среди информантов: доли ответов «да» и «нет» варьируются от почти равного распределения до явного преобладания одного варианта. Диапазон допустимости замены составляет от 45,5 до 75 %, что указывает на отсутствие устойчивой семантической и прагматической эквивалентности между анализируемыми метакоммуникативными комментариями.

В таблице 2 представлено распределение мнения информантов о возможности замены метакоммуникативной конструкции *иначе говоря* на *проще говоря*.

Таблица 2

**Оценка возможности замены метакоммуникатива
иначе говоря на *проще говоря***

Высказывание	Да, %	Нет, %
В помещении, внутренний объем которого 8 кубометров, подойдет только плита с двумя горелками, 12 кубометров – с тремя, а от 15 кубометров – с четырьмя. Иначе говоря , плиту с четырьмя горелками можно поставить, если площадь кухни минимум 6,9 квадратных метра, а потолок высотой 2,2 метра	72	28
В Африке, как нигде, высока доля GR (или, иначе говоря , неформальных договоренностей с властными сообществами), объясняет Васильев	69,7	30,3
От общего объема денежной массы наличность составляет более 20%. Иначе говоря , покупают все больше безналично и онлайн, но хранят деньги – причем зачастую большие суммы – в банковских ячейках или даже просто дома	66,7	33,3

Наиболее высокий уровень допустимости замены фиксируется для первого высказывания, в котором говорящий дает развернутый объяснительный контекст с количественными характеристиками. Это указывает на то, что в ситуациях логического пояснения или интерпретации данных *иначе говоря* и *проще говоря* воспринимаются как функционально близкие.

Во втором контексте замена также в целом принимается информантами, однако доля отрицательных ответов выше. Это может свидетельствовать о том, что при терминологическом пояснении *иначе говоря* воспринимается как более нейтральный маркер, тогда как *проще говоря* – как стилистически сниженный.

Третий контекст демонстрирует минимальную допустимость замены. Вероятно, в данном случае *иначе говоря* интерпретируется скорее как средство логического переформулирования или вывода, а не как объяснение «более простыми словами», что, по мнению информантов, снижает приемлемость *проще говоря*.

Данные таблицы 2 показывают, что большинство информантов в целом допускает замену конструкции *иначе говоря* на *проще говоря*. Во всех трех контекстах доля положительных ответов превышает две трети, варьируясь в диапазоне от 66,7 до 72%. Соответственно, доля отрицательных ответов составляет от 28 до 33,3%. Таким образом, замена воспринимается как в целом возможная, однако не беспроблемная и не универсальная.

В таблице 3 представлены результаты оценивания возможности замены метакоммуникатива *иначе говоря* на *другими словами*.

Таблица 3

Оценка возможности замены метакоммуникатива
иначе говоря на другими словами

Высказывание	Да	Нет
Еще условие: один из членов семьи должен быть единоличным исполнительным органом, иначе говоря , руководителем предприятия	72	28
На сегодняшний день в наличии более 7,3 тыс. единиц, а потребность в закупке – свыше 107 тыс. единиц. Иначе говоря , дефицит техники и специального оборудования составляет более 90 %	72,7	27,3
Это не сочетается с замерах New Horizons и распределением гравитационных аномалий – иначе говоря , лед будет тонуть в такой воде, а не плавать по ее поверхности	75,8	24,2

В первом контексте этой группы замена воспринимается как допустимая большинством информантов, что указывает на функциональное сходство маркеров при пояснении через синонимичную номинацию.

Во втором контексте *другими словами* успешно замещает *иначе говоря* в позиции логического вывода и интерпретации количественных данных, что подтверждает их близость в обобщающей функции.

Наконец, третий контекст демонстрирует самый высокий уровень допустимости замены, что позволяет говорить о том, что при логическом пояснении причинно-следственных связей различия между маркерами практически не актуализируются для носителей языка.

Данные таблицы 3 демонстрируют высокую и устойчивую допустимость замены конструкции *иначе говоря* на *другими словами*. Во всех трех контекстах доля положительных ответов превышает 70 %, варьируясь в диапазоне от 72 до 75,8 %. Соответственно, доля отрицательных ответов составляет не более 28 %, что указывает на сохранение «прагматической чувствительности» у части информантов. Таким образом, среди всех проверенных пар метакоммуникативных комментариев именно пара *иначе говоря* ↔ *другими словами* воспринимается информантами как наиболее близкая по значению и функции. Однако необходимо обратить внимание и на то, что почти четверть информантов не считает эти конструкции полными эквивалентами.

В третьей части эксперимента информанты должны были высказывать свое мнение о том, какую функцию играет метакоммуникативный маркер в высказывании. Для этого им было предъявлено шесть контекстов из НКРЯ и дан список возможных функций:

- а) объяснение более доступными словами;
- б) уточнение сказанного ранее;
- в) ирония / сарказм;
- г) иллюстрация с помощью примера;
- д) обобщение сказанного ранее;
- е) другое.

Последний вариант ответа предполагал, что информанты могут предложить свой вариант объяснения функциональной нагрузки конструкции в высказывании, однако никто из участников эксперимента этой возможностью не воспользовался.

Поскольку одной из исходных гипотез эксперимента была идея о полифункциональности метакоммуникативных конструкций процедурного типа, для каждого высказывания информанты могли отметить несколько функций. В результате для всех шести высказываний информанты упомянули все пять функций, однако их «считываемость» для информантов была разной. В ходе эксперимента были получены следующие данные.

Для контекста «*И мы обнаружили в данной ситуации геном, иначе говоря, РНК вируса, в плаценте и в оболочках*» основной функцией стало уточнение сказанного ранее (65,9 % информантов). Объяснение более простыми словами отметило 44,7 % участников эксперимента. Иллюстрация сказанного с помощью примера отмечена 18,2 % информантов, обобщение сказанного ранее — 8,4 %, ирония — 0,8 % (только один информант отметил эту функцию).

Когда на факультете психологии наши студенты изучают собственно психологию, мы не можем обойти тему понимания души в разных мировых религиях. То же касается и социальной работы, изучения истории, подготовки журналистов. **Иначе говоря**, наша дополнительная образовательная компонента расширяет у студента восприятие изучаемого им предмета.

Для данного контекста наиболее популярной оказалась функция обобщения сказанного ранее — ее выбрало 46,2 % информантов. Функции объяснения более простыми словами и уточнения сказанного ранее получили одинаковую оценку — 40,2 %. Иллюстрация с помощью примера была отмечена 12,2 % информантов, ирония — 0,8 %.

Третий и четвертый предъявленные информантам контексты содержали метакоммуникативную конструкцию *проще говоря*.

Основной функцией контекста «*Считается, что планирование беременности возможно уже через 28 дней после введения первого компонента вакцины, **проще говоря**, в срок, когда формируется защитный иммунитет против коронавирусной инфекции*», — *говорится в сообщении*» информанты назвали объяснение более простыми словами (72 %). Уточнение сказанного ранее отметило 34,8 % информантов, иллюстрацию с помощью примеров — 13,6 %, обобщение сказанного ранее — 6,8 %. Иронию, как и в предыдущих случаях, отметил только 1 участник эксперимента (0,8 %).

Для контекста «*Еще одно важное отличие — Uber и его аналоги оказывают коммерческие услуги по перевозке пассажиров, у них работают профессиональные водители, **проще говоря** — таксисты*» основной функцией было названо обобщение сказанного ранее (57,6 %). Несмотря на то что семантика конструкции *проще говоря* напрямую указывает на упрощение способа номинации, функция объяснения более простыми словами стала второй по частотности упоминаний (37,9 %). Функцию уточ-

нения сказанного ранее отметили 16,7 % информантов, иллюстрацию с помощью примера — 10,6 %. Шесть информантов (4,5 %) указали иронию / сарказм как функцию метакоммуникативного комментария *проще говоря*. Очевидно, на ироническую интерпретацию высказывания мог повлиять не сам маркер, а стилистическая разница между номинациями *профессиональные водители и таксисты*.

Последняя пара контекстов содержала метакоммуникативный комментарий *другими словами*.

В высказывании «Казалось, что отложенный спрос уже исчерпан, но и с апреля по июнь фиксировался существенный всплеск мобильности: люди продолжали активно ходить по магазинам, тратить деньги на развлечения — *другими словами, потребление ускорялось*» основной функцией маркера стало обобщение сказанного ранее (57,6 %). Эта функция «считалась» большинством информантов, поскольку в данном высказывании говорящий обобщает перечисленные конкретные действия с помощью более абстрактного способа описания ситуации. Интересно, что второй по частотности упоминания стала функция объяснения более простыми словами (37,9 %), хотя вряд ли *потребление ускорялось* можно назвать более простым с точки зрения семантики; скорее, это просто более краткий способ описания ситуации, о которой идет речь. На долю уточнения сказанного ранее пришлось 16,7 % упоминаний, иллюстрация с помощью примера — 10,6 %, функция выражения иронии / сарказма, как и в предыдущем примере, была отмечена 4,5 % информантов. Ирония «считывается», если адресат обнаруживает некогерентность в высказывании или несоответствие высказывания реальной ситуации (Шилихина 2014). Выбор иронии / сарказма в качестве функции метакомментария требует объяснения, поскольку в высказывании нет очевидной некогерентности. Можно предположить, что ироническая интерпретация связана с противопоставлением, которое содержится в высказывании: с одной стороны, спрос исчерпан, с другой — потребление ускоряется, то есть ожидания, о которых говорится в высказывании, не оправдываются, и такое несоответствие интерпретируется как ирония.

В последнем из предъявленных высказываний — «Ранее отделение ПФР по городу Москве и Московской напомнило, что право перейти на пенсию по случаю потери кормильца имеет овдовевший супруг, если он достиг пенсионного возраста (с учетом переходных положений) или признан инвалидом (*другими словами, является нетрудоспособным*)» — основной функцией информанты назвали объяснение более простыми словами (62,9 %). На втором месте функция уточнения сказанного ранее (43,2 %), обобщение указало 19,7 % информантов, иллюстрацию с помощью примера — 13,6 %, иронию / сарказм — 1,5 %.

Данные третьей части эксперимента показывают, что метакоммуникативные комментарии являются функционально многозначными: во всех шести контекстах информанты отмечали все предложенные функции. Однако распределение ответов неравномерно: в каждом контексте выявляется одна или две доминирующие функции, тогда как остальные оказываются периферийными.

Примечательно, что ни один информант не воспользовался вариантом «Другое», что указывает на адекватность предложенной классификации функций.

Если говорить о функциональных профилях каждой конструкции, то для *иначе говоря* наиболее характерными оказались функции уточнения сказанного ранее (до 65,9%), обобщения сказанного ранее (до 46,2%), объяснения более простыми словами (около 40%), из чего можно сделать вывод о том, что *иначе говоря* воспринимается прежде всего как средство логической переработки содержания.

Для конструкции *проще говоря* доминирует функция объяснения более доступными словами (до 72%), что, очевидно, связано с ее основным значением. Это позволяет говорить о наиболее выраженной функциональной специализации именно у конструкции *проще говоря*. Другие функции (уточнение, обобщение, иллюстрация) имеют существенно меньшую долю упоминаний. Ирония фиксируется несколько чаще, чем у конструкций *иначе говоря* и *другими словами* (до 4,5%), однако остается маргинальной.

С точки зрения участников эксперимента конструкция *другими словами* чаще всего употребляется для обобщения сказанного ранее (до 57,6%). Также она может уточнять сказанное ранее (до 43,2%) или вводить в высказывание более простое объяснение (около 37,9%). Таким образом, можно говорить о том, что функциональный профиль данной конструкции оказывается наиболее вариативным и контекстно зависимым.

3. Выводы

Проведенный эксперимент показал, что метакоммуникативные комментарии *иначе говоря*, *проще говоря*, *другими словами* не являются полностью взаимозаменяемыми с точки зрения носителей языка, несмотря на их схожую функцию перефразирования сказанного ранее.

Конструкции *иначе говоря* и *другими словами* образуют близкую функционально-семантическую пару, в то время как *проще говоря* обладает более выраженной прагматической спецификой и часто интерпретируется как упрощение или объяснение, тогда как, например, *другими словами* – как сигнал уточнения или обобщения информации.

Что касается методологических выводов, использование корпусных данных в эксперименте повышает объективность процедуры, однако даже реальные высказывания могут оцениваться как неприемлемые значительной частью информантов. В качестве возможного объяснения можно предположить, что дело здесь не в самих маркерах, а в семантических различиях между первым и вторым способом номинации или описания ситуации: если информанты интерпретируют их не как семантически равнозначные, употребление метакоммуникативного комментария может восприниматься ими как некорректное. Однако эта гипотеза требует дополнительной экспериментальной проверки.

Экспериментальный подход позволяет объективизировать анализ прагматических смыслов, снижая субъективность лингвистической интуиции.

Исследование демонстрирует, что метакоммуникативные комментарии — это не просто «синонимичные вставки», а элементы высказывания, выбор которых зависит от прагматического намерения говорящего и восприятия слушающего. Их изучение требует сочетания корпусных, экспериментальных и переводческих методов для минимизации субъективности и получения репрезентативных данных.

Список литературы

Богданова-Бегларян, Н. В., 2012. Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц). *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 5 (2), с. 153–157. [Bogdanova-Beglaryan, N. V., 2012. The construction (...) *skazhem* (...) in everyday Russian speech (materials for a dictionary of discourse units). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, 5 (2), pp. 153–157 (in Russ.)] EDN: NPWLCK.

Богданова-Бегларян, Н. В., 2021. *Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография*. СПб. [Bogdanova-Beglaryan, N. V., 2021. *Pragmatic markers of everyday Russian speech: a dictionary-monograph*. St Petersburg (in Russ.)].

Валгина, Н. С., 2003. *Теория текста*. М. [Valgina, N. S., 2003. *Text theory*. Moscow (in Russ.)].

Добровольский, Д. О., Левонтина, И. Б., 2025. Вопрос о цели вопроса и метакоммуникативные средства языка (немецко-русские соответствия). *Terra Linguistica*, 16 (3), с. 31–45. [Dobrovol'skij, D. O. and Levontina, I. B., 2025. Questioning the purpose of questions: Metacommunicative devices in language (a contrastive study of German and Russian). *Terra Linguistica*, 16 (3), pp. 31–45 (in Russ.)] EDN: PPAQHC, <https://doi.org/10.18721/JHSS.16303>.

Плунгян, В. А., 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, 2 (16), с. 7–20. [Plungyan, V. A., 2008. Corpus as an instrument and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (16), pp. 7–20 (in Russ.)] EDN: MTBALV.

Шилихина, К. М., 2014. *Семантика и прагматика вербальной иронии*. Воронеж. [Shilikhina, K. M., 2014. *Semantics and pragmatics of verbal irony*. Voronezh (in Russ.)] EDN: VLGULF.

Шилихина, К. М., 2019. Маркеры метакоммуникативной рефлексии говорящего в переводе. В: *Языковая картина мира: особенности вербализации и ревербализации*. Е. А. Алексеева, В. В. Корнева, О. Б. Полянчук, К. М. Шилихина и Н. А. Фененко (ред.). Воронеж, с. 114–141. [Shilikhina, K. M., 2019. Markers of the speaker's metacommunicative reflection in translation. In: E. A. Alekseeva, V. V. Korneva, O. B. Polyanchuk et al., eds. *Language worldview: features of verbalization and re-verbalization*. Voronezh, pp. 114–141 (in Russ.)].

Шмелев, А. Д., 2021. Лексикографическое описание лингвоспецифичной лексики в зеркале перевода. В: *Лексикография цифровой эпохи*. Е. А. Юрина, С. С. Земичева (ред.). Томск, с. 17–19. [Shmelev, A. D., 2021. Lexicographic description of language specific words in the light of translation. In: E. A. Yurina and S. S. Zemicheva eds. *Lexicography of the digital age*. Tomsk, pp. 17–19 (in Russ.)] EDN: DQPENN, <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-19-1-2021-4>.

Шмелев, А.Д., 2025. Еще раз о феномене прагматической обязательности. *Слово. ру: балтийский акцент*, 16 (3), с. 30–39. [Shmelev, A. D., 2025. Pragmatic obligatoriness revisited. *Slovo. ru: Baltic Accent*, 16 (3), pp. 30–39 (in Russ.)] EDN: YBQBDX, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-3-2>.

Birzer, S., 2012. From subject to subjectivity: Russian discourse structuring elements based on the adverbial participle *govorja* 'speaking'. *Russian Linguistics*, 36, pp. 221–249, <https://doi.org/10.1007/s11185-012-9094-2>.

Об авторе

Ксения Михайловна Шилихина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2478-7296

SPIN-код: 4294-5764

E-mail: shilikhina@gmail.com

Для цитирования:

Шилихина К.М. Экспликация прагматических смыслов метакommunikативных комментариев как исследовательская проблема // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2026. Т. 17, №2. С. 118–132. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-6.

 ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

EXPLICATION OF PRAGMATIC MEANINGS OF METACOMMUNICATIVE COMMENTS AS A RESEARCH PROBLEM

Ksenia M. Shilikhina

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russia

Submitted on 10.11.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-6

The article investigates pragmatic meanings of procedural metacommunicative comments in contemporary Russian and the methods of their objective explication in linguistic description. The focus is on the constructions 'inache govorja' (Eng. in other words), 'proshche govorja' (Eng. simply put), and 'drugimi slovami' (Eng. to put it differently), which function as markers of alternative nomination or reformulation in an utterance. The relevance of the study lies in the fact that in most linguistic research, the interpretation of the pragmatic function of such units is based primarily on the researcher's intuition, which makes the resulting conclusions largely subjective. The article proposes an experimental approach that makes it possible to compare linguistic interpretation with native speakers' perceptions. The experiment was conducted using data from the Russian National Corpus. Participants were asked to evaluate the acceptability of utterances containing different metacommunicative comments, the possibility of their mutual substitution in specific contexts, and the functions these comments perform within the utterance. The results of the experiment show that the metacommunicative constructions under consideration are not perceived by native speakers as fully equivalent and differ in their degree of contextual acceptability. The findings demonstrate that the metacommunicative comment 'inache govorja' is semantically and pragmati-

cally closer to the construction 'drugimi slovami', whereas 'proshche govorja' has a narrower semantic scope and a more clearly defined pragmatic meaning. In addition, variability in the functional interpretation of metacommunicative comments is revealed, which confirms the complex and context-dependent nature of their pragmatic meaning. The results demonstrate the necessity of employing experimental methods in the description of metacommunication and refine our understanding of the functional differentiation of procedural metacommunicative devices.

Keywords: pragmatic meaning, metacommunication, experiment, paraphrasing, construction

The author

Prof. Ksenia M. Shilikhina, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2478-7296

E-mail: shilikhina@gmail.com

To cite this article:

Shilikhina, K.M., 2026, Explication of pragmatic meanings of metacommunicative comments as a research problem, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 118–132. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-6.

ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО ХОТЬ В ТЕКСТАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А. А. Шестакова, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 05.10.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-7

Сводный «Словарь языка русской поэзии XX века» основан на корпусе текстов десяти крупнейших поэтов Серебряного века – от Иннокентия Анненского до Марины Цветаевой. Словарь сочетает в себе черты полного конкорданса и дифференциального толкового словаря. Его отличительной чертой является исчерпывающая полнота словника: в качестве заголовочных слов выступают все единицы, в том числе неполнозначная лексика.

Внимание современных исследователей привлекает функционирование в поэтическом языке дискурсивных единиц. В статье рассмотрена одна из таких единиц – частица *хоть*, описанная в словарной статье ХОТЬ названного словаря. В толковых и специальных словарях, научной литературе *хоть* квалифицируется как частица, омонимичная союзу *хоть / хотя*. В поэтическом словаре *хоть (хотя)* как союз и частица в разных значениях не расчленяются на омонимы и даются в рамках одной словарной статьи (с вариантами). Этот ряд единиц находится в окружении словарного гнезда, образованного глаголом *хотеть*, причем этимологическая близость *хоть / хотя* с этим гнездом подчеркивается и наличием омонимичной формы деепричастия *хотя*.

Последовательный анализ словарных примеров с усилительной / выделительной частицей *хоть* позволил выявить специфику ее поэтического употребления. Эта специфика проявляется в повышенной частотности отдельных сочетаний и конструкций с данным словом, его повторяемости в контекстах, включенности в речь автора и в речь персонажа, участии в формировании умеренно сниженной стилистической окраски поэтических строк и т. д.

Ключевые слова: авторская лексикография, дискурсивное слово, корпус, лингвистическая поэтика, поэтический язык

1. Введение

Объектом рассмотрения в настоящей статье является частица *хоть* как поэтическая дискурсивная единица. Основным источником материала послужила словарная статья ХОТЬ в «Словаре языка русской поэзии XX века» (Словарь языка русской поэзии 2001–2022 (далее – СЯРП)). СЯРП носит сводный характер, представляет поэтический язык Серебряного века по стихотворным произведениям десяти видных авторов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цве-

таевой. СЯРП, сочетая черты полного конкорданса и дифференциального толкового словаря, получил определение сводного авторского комментирующего, или объяснительного, конкорданса.

Важной особенностью СЯРП следует назвать подход, согласно которому в корпус Словаря принципиально включены все поэтические контексты по выбранным источникам, то есть в качестве заголовков словарных статей выступают единицы всех разрядов лексики, включая неполнозначные.

Словарные статьи состоят из всех контекстов, упорядоченных хронологически. В зоне значения статьи отмечаются особенности поэтического словоупотребления. Составление словарных статей зачастую становится результатом специальной исследовательской работы¹.

Сопоставление лингвистически структурированной информации Словаря и обширного корпусного материала (преимущественно данных поэтического корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)) позволяет составить объективное мнение о своеобразии поэтического языка в разных его частях.

Словарные статьи не только наглядно представляют поэтический язык Серебряного века, но и служат базой и отправной точкой для новых исследований. Актуальность и теоретическая значимость словарной работы во многом обусловлены тем, что полученные результаты могут быть использованы в иных, в том числе более масштабных, лексикографических проектах. Важно, что поэтическое словоупотребление «подсвечивает» общеязыковые тенденции – таким образом, словарное описание языка поэзии дополняет общеязыковую лексикографию.

2. К проблеме частицы ХОТЬ

О дискурсивных словах, или дискурсивных маркерах, существует обширная литература. Среди знаковых работ, посвященных дискурсивным словам, достаточно упомянуть лишь некоторые (Баранов и др. 1993; Киселева, Пайар 1998; Плунгян 2009; Борисова, Паршин 2024). Немалое число публикаций появляется в последние годы (см., напр., обзорную статью (Кулешова, Слестникова 2024)).

Значимо то, что неполнозначная лексика неоднократно становилась предметом лексикографического описания (Морковкин 1997; Шимчук, Щур 1999; Стародумова 2001; Апресян Ю. 2003; Богданова-Бегларян 2021), ср. также (Щур 1999). Отдельно отметим, что разные аспекты проблемы рассматриваются в новейших диссертационных исследованиях – будь то происхождение частиц (Глаголева 2025) или функционирование дискурсивных слов в поэтическом языке (Захаркив 2024).

Существуют и специальные публикации, посвященные рассматриваемой нами единице *хоть*. Уточним: в фокусе исследовательского внимания чаще оказывается союз *хотя*, в том числе в более широком кон-

¹ О задачах СЯРП, его устройстве, особенностях составительской работы см., например: (Григорьев 2001; Шестакова, Кулева 2023).

тексте семантики уступительности, однако привлекает внимание ученых и соответствующая частица (ср.: Храковский 1998; Николаева 1985; 1999; Апресян В. 2006; Санников 2008; Paršin 1987; Паршин 1988; Фужерон 1998).

Как правило, в общеязыковых толковых словарях, в научной литературе единица *хоть* описывается как частица (омонимичная союзу *хоть/хотя*) с выделением следующих основных значений: 1) усилительная частица '*хотя бы, по крайней мере*' и '*даже*', также в сочетании с местоимениями и наречиями (*хоть + кто, что, где, куда, какой-нибудь* и пр.) и (реже) 2) выделительная '*например*' (Словарь русского языка 1981–1984 (далее – МАС)). Ср. в «Словаре современного русского литературного языка» (1950–1965; далее – БАС-1): усилительно-выделительная частица ('*по крайней мере, во всяком случае*', 6-е значение)², выделительно-ограничительная ('*только, лишь, единственно*', 7-е), усилительная ('*даже, пусть даже*', 8-е), выделительная ('*например, к примеру, вот*', 9-е).

Специальные словари дают разные описания частицы: выделительная (Шимчук, Щур 1999), безударная, акцентирующая (Стародумова 2001), без упоминания разряда, но с указанием на интенсивность действия, намерения (Морковкин 1997) и т. д.

Еще отмечается, что частица *хоть* обычно препозитивна, тяготеет к нейтральному или разговорному стилю (ср. вариант *хотя*, оцениваемый как просторечный: *Пропой, дружок, хотя немножко* [И. А. Крылов. Кошка и Соловей. 1823]).

Частица образует конструкции, среди которых, например:

хоть + 'нечто незначительное' (*хоть иногда, хоть небольшой, хоть один человек*), обычно со значением желательности, возможности, необходимости, сомнения;

хоть + 'отдаленный предел, высокая степень признака и пр.', *хоть + инфинитив* (*хоть до утра, хоть на край света, хоть плачь; хоть святых выноси*).

3. Словарная статья ХОТЬ и ее окружение в словаре поэтического языка

В СЯРП *хоть (хотя)* как союз и частица не расчленяются на омонимы и даются в рамках одной словарной статьи – как, впрочем, и в некоторых общеязыковых словарях – ср. (МАС; БАС-1), где выделяются отдельные значения союза и частицы. В СЯРП это не предусмотрено, и не только потому, что он не является толковым словарем, но и потому, что поэтический материал обнаруживает немалое число переходных случаев, с зыбкой, а иногда и не просматриваемой границей между значениями (такие «мерцающие» смыслы в поэтическом тексте могут быть особенно выразительны).

Жанр словаря помещает *хоть* в своего рода словообразовательное гнездо, смысловым центром которого выступает глагол *хотеть*, причем этимологическая близость *хоть / хотя* с этим гнездом подчеркивается и

² В 1–5-м значениях описывается семантика союза *хоть*.

наличием омонимичной формы деепричастия: *хотя*³. (Далее приводятся словарные статьи, целиком либо в сокращении: заголовочное слово, зона значения, все или выборочные контексты, или только их шифры; в примерах используются условные сокращения, принятые в СЯРП, — указание на автора и год создания текста и пр.; словарные статьи Словаря цитируются с сохранением принятых в нем условных знаков.)

ХОТЕВШИЙ АБ913 (III, 145).

ХОТЕЛЬ [нов.] И я свирел в свою свирель, И мир хотел в свою х. Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток. Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок. Хл908 (41.2).

ХОТЕНИЕ [род. мн. хотений Анн900-е, Цв924; см. тж ХОТЕНЬЕ].

ХОТЕНЬЕ [см. тж ХОТЕНИЕ].

ХОТЕТЬ [хощем Цв924].

ХОТЕТЬСЯ [хотелось ОМ916, Хл[922]; см. тж ХОЦЦА].

ХОТЯ [деепр.] Россия забыла напитки, В них вечности было вино, И в первом разобранном свитке Восчла роковое письмо. Ты свитку внимала немливо, Как взрослым внимает дитя, И подлая тайная сила Тебя наблюда-ла х. Хл908 (41.3); ...Невероятно себя нарядив, / пойду по земле, / чтоб нра-вился и жегся, / а впереди / на цепочке Наполеона поведу, как мопса. // Вся земля поляжет женщиной, / заерзает мясами, х. отжаться: / вещи ожи-вут — / губы вещины / засюсюкают: / «цаца цаца цаца!» М914 – 15 (397); После ушла корнями в семью: Возилась с детьми, детей обучала. И пересе-лилась на юг. Дети росли странные, дикие, Безвольные, как дитя, Вольные на всё, Ничего не х.: Художники, писатели, Изобретатели. Хл921 (295).

ХОЦЦА [прост.; хочется; см. тж ХОТЕТЬСЯ] О, Сад, Сад! <...> Где сло-ны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ре-бенка поест, влагая древний смысл в правду: «Есть хоцца! Поесть бы!» — и приседают, точно просят милостыню. РП Хл909,11 (185).

В таком окружении оказывается ряд единиц, включая и внелитера-турные (следует отметить, что эти статьи содержат контексты, принад-лежащие только Марине Цветаевой из десяти авторов Словаря):

ХОТЬ [союз и част.; тж в сочет.: х. бы, х. куда; см. тж ХОТЯ, ХОШЬ], словарная статья включает 250 поэтических контекстов.

ХОТЯ [союз и част.; тж в сочет.: х. бы; см. тж ХОТЬ, ХОША́], 68 контек-стов.

ХОША́ [обл.; тж в сочет.: х. б; вар. к ХОТЯ] Сколько б вас, Егорок, Ни рожала — // Мало! Мои сучья! Кровь чья? Соль чья? Мало! Мала куча: Больше! Больше! // Хоша б целый город Склала — живы! Сколько б вас, Егорок, Ни ложила — // В землю. Большеротый, Башка — вербой Вьется. Людям — сотый, А мне — первый! Цв928 (II,272); Проще бы хлеба просить у степи Лысой — не совеститься б хоша! Проще бы масла просить у мыса В море, и сала у Сиваша! Цв928,29 – 38 (III, 153).

ХОШЬ [прост.; тж в сочет.: х. бы; вар. к ХОТЬ] Черт: ползком не проде-русь! — а мне едётся! Хочешь, с зеркальцем пройдуся — в гололедицу? Ради

³ В СЯРП деепричастия, как и некоторые другие грамматические формы (на-пример, краткие формы прилагательных, краткие и полные формы причас-тий), образуют, в силу своей значимости в поэтическом языке, отдельные сло-варные статьи.

барских твоих нужд — х. в метельщицы! Только в мамки — не гожусь — в колыбельщицы! Цѳ916 (I, 279); Цѳ920 (III, 238); Где ладан-воск — тот-мех? Не оберусь прорех! Х. и нищее всех — Зато первое всех! // За верблюдом верблюд Гляди: на холм-твой-крут, Гляди: цари идут, Гляди: лари несут. // О — поз — дали! Аллюз. Цѳ921 (II, 74.1); Цѳ922 (III, 295); Цѳ922 (III, 315); — Где же мой андел-лик? — Барыня не велит! // Я ей: милость! Х. на малость! Распалась, Раскричалась: // — «Душу тебе, рабу, С косточкой разведу!» РП *ib.*; «Иди-ка, сынок, на побывку В свою африканскую дичь! // Плыви — ни об чем не печалься! Чай есть в паруса кому дуть! Соскучишься — так ворочайся, А нет — х. и и дверь позабудь! // Приказ: ледяные туманы Покинув — за пядию пядь Обследовать жаркие страны И виршами нам описать» [о Петре I и А. С. Пушкине] Цѳ931 (II, 283).

Приведенное соотношение вполне подтверждается материалом ПК НКРЯ: *хоть* — 10178 примеров, *хотя* — 3611, *хошь* — 83, *хоша* — 3, *хочь* — 2, *хучь* — 1.

Как видно, в корпусе обнаруживается еще более сниженная единица, отсутствующая в СЯРП: *хучь* (для сравнения — 290 примеров в основном корпусе НКРЯ, но 1 — в поэтическом): *Положим, не было и сена тоже, А с молоком — «Хучь плачь!»* [Б. А. Нарциссов. Молоко. «Я тоже был свидетелем бессильным...» 1974].

Ср. также пример из текста автора, не представленного в НКРЯ, но безусловно, хорошо известного: *Как во смутной волости, Лютой, злой губернии Выпали молодцу Все шипы да тернии. Он обиды зачерпнул, зачерпнул Полные пригоршни, Ну, а горя, что хлебнул, — Не бывает горше. Пей отраву, хочь залейся! Благо, денег не берут. Сколь веревочка ни вейся, Все равно совьешься в кнут!* [В. С. Высоцкий. Разбойничья] (в существующих источниках находим также *хоть*, но в живом исполнении, в котором песенный текст собственно и известен, отчетливо слышно *хучь*, более сильный элемент стилизации).

Очевидно, что частица *хоть* (и ее варианты) выступает в поэтическом тексте как выразительный элемент с яркой стилистической нагрузкой, часто как прием фольклорной или «просторечной» стилизации. Во многом это соотносится и с характерным для частицы *хоть* употреблением в составе конструкций.

4. Частица ХОТЬ в поэтических текстах

Итак, статья ХОТЬ в «Словаре языка русской поэзии» содержит 250 контекстов (включающих около 270 словоупотреблений), большую долю которых составляют примеры с частицей *хоть*.

Анализируя материал словарной статьи, мы учитывали различия в квалификации частицы *хоть* и ее принадлежности к определенным разрядам, двойственные характеристики частицы. На данном этапе исследования материал разделен, с определенной долей условности, на две группы: усилительная частица ХОТЬ и выделительная частица ХОТЬ. Такое разделение было подсказано самим контекстным материалом, при последовательном разборе которого выявлялись сочетаемость

частицы, состав конструкций с ней, обращалось внимание на их стилистическую окраску, на употребление частицы в разных видах речи (авторская речь, речь персонажа и др.), на адресацию строк и т.д. Также было важно выяснить, у кого из поэтов, представленных в Словаре, дискурсивная единица *хоть* является маркером идиостиля.

Остановимся на некоторых особенно выразительных случаях.

5. Усилительная частица ХОТЬ

Здесь, вопреки логике, начнем с сочетания, включающего две частицы: *хоть бы* (иногда оно рассматривается как отдельная частица или устойчивое сочетание, образуемое частицей *хоть*). В данном случае усилительность частицы, ее акцентирующее начало проявляется в «еще более усилительной» конструкции — *хоть бы* (ср. более подробно в (Морковкин 1997)).

Анализ контекстов (14 в СЯРП плюс примеры в корпусе) показывает, что сочетание *хоть бы* в поэтическом высказывании выражает обычно значение желательности: значение минимума (*хоть*) в сочетании со значением ирреальности (*бы*) проявляется как значение сильного желания, пожелания, иногда с оттенком надежды, нетерпения. Связывается оно с разными сущностями, например с природой в соотношении с состоянием человека, ср.:

Хоть бы ночь скорее, ночь! Самому бы изнемочь, Да забыться примиренным, И уйти бы одуренным В одуряющую ночь! *Анн900-е* (130);

Я и плакала и каялась, **Хоть бы с неба грянул гром!** Сердце темное измаялось В нежилом доме твоём. *Ахм911* (48);

Помирился я с мыслями слабыми, **Хоть бы стать мне кустом у воды.** Я хочу верить в лучшее с бабами, Тепля свечку вечерней звезды. *Ес914* (I, 147);

Тоска!.. / **Хоть бы,** / что ли, / **громовий раскат.** *М923* (113).

Ср. в обращении:

Глупое сердце, не бойся. // Жизнь не совсем обманула. Новой напьёмся силой. Сердце, ты **хоть бы заснуло** Здесь, на коленях у милой. Жизнь не совсем обманула. *Ес925* (III, 32).

Ср. в речи персонажа:

Я потушила газ В передней и легла, сомкнувши очи. Поутру встала. С виду все в порядке. Эдит вставала рано. Стук-стук-стук. Стучу... Еще... **Хоть бы единый звук** Из-за дверей в ответ! *РП Куз928* (320).

Как можно увидеть уже в приведенных примерах, стилистическая окраска контекстов тяготеет к сниженным пластам речи, а также к стилизации (*уйти одуренным, сердце измаялось, верить в лучшее с бабами, хоть бы, что ли*). Показателен пример из Цветаевой, отмеченный ощутимой трагической нотой, семантикой сильного желания в сочетании с надеж-

дой. Это целое стихотворение, включающее диалог матери и сына (к стихотворению есть авторское примечание: «Рассказ владимирской няни Нади»):

И зажег, голубчик, спичку. — Куды, матушка, дымок? — В двери, родный, прямо в двери, — Помирать тебе, сынок! // — Мне гулять еще охота. Неохота помирать. **Хоть бы кто** за меня помер!...Только до ночи и пожил. РП Ц8917 (I, 354.2).

Показательно, что конструкция *хоть бы* чаще всего встречается именно у Цветаевой (6 контекстов из 14), ср.:

Что, полная чаша куста, Находишь на сем — месте пусте? // Чего не видал (на ветвях Твоих — **хоть бы лист одинаков!**) В моих преткновения пнях, Сплошных препинания знаках? Ц8934 (II, 317.2) (*хоть бы лист одинаков* = даже листьев одинаковых нет);

С тем же страхом, с каким Переезжают с квартиры: // С той же лампою-вплоть, — Лампой нищенств, студенчеств, окраин. **Хоть бы деревце х. Для детей!** — И каков-то хозяин? Ц8922 (II, 154.2) (здесь усиительность подчеркнута прямым сближением сочетания *хоть бы* с частицей *хоть* в «обычном» виде).

Среди приведенных авторов уже есть те, у которых весьма частотно *хоть* и сочетания, конструкции с ним; такие употребления можно отнести к маркерам идиостилия. Наряду с Цветаевой это также Есенин, Маяковский, Пастернак (авторы, обращавшиеся к сниженным регистрам и стилизации).

В рамках усиительного ХОТЬ отметим также конструкцию «*хоть* + наречие / местоимение». Подобные употребления описаны в толковых словарях: в сочетании с местоимениями и наречиями (*кто, какой, где, как* и т. п.) *хоть* может вносить значения *любой, всякий* (предмет, место, время, способ и т. п.) или *безразлично сколько, где, какой*.

Обратим внимание на то, что такие конструкции тоже могут повторяться в поэтическом тексте, как бы поддерживая, продлевая усиительность, подчеркивая важную для автора мысль. Ср. у Цветаевой:

Говорят, на таких окраинах Воздух чище и легче жить. И пойдут лоскуты выкраивать, Перекладинами рябить, // Перевалы мои выструнивать, Все овраги мои вверх дном! Ибо надо ведь — **хоть кому-нибудь** Дома — в счастье, и *счастья* в дом! <...> Будут лавочки на отдыхе Пережевывать барыши, // Этажи и ходы надумывать, Чтобы каждая нитка — в дом! Ибо надо ведь — **хоть кому-нибудь** Крыши с аистовым гнездом! Ц8924,39 (III, 28.1).

Приведем также другие цветаевские строки, из посвящения Рильке, в которых за рассматриваемой конструкцией следуют другие сочетания с *хоть*, акцентирующим разные сущности:

Ничего, кроме — не жди из ряду Выходящего (неправ из такта Выходящий!) — а в какой бы, как бы Ряд вошедшего б? Припев извечный: Ничего **хоть чем-нибудь на нечто Что-нибудь** — **хоть издали бы** — **тень хоть Тени!** [посв. памяти Р.-М. Рильке] Ц8927 (III, 132).

Ср. пример из Мандельштама, в котором *хоть что* ('неважно что, любое') окружено сочетаниями с предметной однокоренной лексикой:

Я шел с чужого полустанка. Гляжу — изба, вошел в сенцы, Чай с солью
пили чернецы, И с ними балует цыганка... // У изголовья вновь и вновь
Цыганка вскидывает бровь, И разговор ее был жалок: Она сидела до зари
И говорила: — Подари **Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок...** *ОМ925*
(156.1).

Добавим к сказанному, что для языка поэзии менее характерны сильно сниженные употребления — например, конструкция *хоть куда* 'очень хороший'. Единичная иллюстрация в СЯРП принадлежит Есенину:

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка — Но косою выводят строчки **хоть куда**.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой Их читают люди всякие года. *Ес925* (III, 77).

В поэтическом корпусе НКРЯ 59 примеров, ср.: — *Словом, Теркин, тот, который На войне лихой солдат, На гулянке гость не лишний, На работе — хоть куда...* [А. Т. Твардовский. Василий Теркин. 1941—1945].

6. Выделительная частица ХОТЬ

Как отмечалось выше, общеязыковая конструкция «*хоть* + 'нечто незначительное'» (*хоть иногда, хоть небольшой, хоть один человек*) обычно употребляется со значением желательности, возможности, необходимости, сомнения. В поэтическом языке она предстает в типичных вариантах *хоть раз, хоть однажды, хоть (на) миг, хоть слово*, однако часто преобразуется в индивидуально-авторские варианты. Ср.:

Послушайте! / Ведь, если звезды / зажигают — / значит — это кому-нибудь
нужно? / Значит — это необходимо, / чтобы каждый вечер / над крышами
загоралась **хоть одна звезда?! M914** (33);

Как губы, — шепчут; как руки, — вяжут; Как вздох, — невнятен, как
кисти, — дряхлы, И кто узнает, и кто расскажет, Чем тут когда-то дело
пахло? // И кто отважится и кто осмелится Из сонной одури **хоть палец
высвободить**, Когда и ветряные мельницы Окоченели на лунной исповеди?
П915,28 (I, 98), *ср. 917* (I, 465);

Ну, Муза моя! **Хоть рифму еще!** *Цв925* (II, 255.2);

«Солнце! / Отец мой! / **Сжался хоть ты** и не мучай! / Это тобою пролитая
кровь моя летит дорогою дольней. / Это душа моя / ключьями порванной
тучи / в выжженном небе / на ржавом кресте колокольни! / Вре-
мя! / **Хоть ты**, хромой богомаз, / лик намалой мой / в божницу уродца ве-
ка! / Я одинок, как последний глаз / у идущего к слепым человека!» *M913*
(29.2).

В последнем примере отметим также акцентированное употребление *хоть ты* в контексте обращения.

Широко представлена в поэтическом языке и конструкция «*хоть* + глагол». Это идиоматические «агрессивные» сниженные обороты типа *хоть режь, хоть убей* и пр., но некоторые с иной окраской и с семантическими приращениями. Отметим, что в поэтических текстах расширяется круг объектов, с которыми соотносится эта конструкция. Некоторые примеры могут требовать пояснения или предполагать различные читательские интерпретации. Ср.:

Смеются и вырваться силятся И выпрямиться, как прежде, Да капле из рылец не вылиться, И не разлучатся, **хоть режьте**. П917 (I, 128.1);

Чай, не задаром: Звону — **хоть брось!** Красным товаром Тоже, небось! НАР Ц6922 (III, 280);

Ах, у луны такое Светит — **хоть кинься в воду**. Я не хочу покоя В синюю эту погоду. Ах, у луны такое Светит — **хоть кинься в воду**. Аллюз. Ес925 (III, 83);

Луна / в океан / накидала монет, / **хоть сбросься**, / вбежав на насыпь! / Недели / ни хлеба, / ни мяса нет. / Недели — / одни ананасы. М925 (181);

И еще века. Другие. Те, что после будут. Те, В уши чьи, пока тугие, Шепчет он в своей мечте. // — Жизнь моя средь вас — не очерк. Этого **хоть захлебнись**. Время пощадит мой почерк От критических скребниц. П936 (II, 10).

Обратим внимание на одну идиому такого рода (*темно*), *хоть глаз выколи*, варианты которой представлены в нашем материале в пяти контекстах, в том числе — в вариантах стихотворения Пастернака «Марбург». В первом примере (из канонического текста) идиома предстает в виде *глаз хоть выколи*, во втором (варианте из раздела «Другие редакции и варианты») — стилистически сниженное выражение облагорожено поэтизмом *очи*:

Одних это все ослепляло. Другим — Той тьмою казалось, что *глаз хоть выколи*. Копались цыплята в кустах георгин, Сверчки и стрекозы, как часики, тикали. П916,28 (I, 106);

Лиловою медью блистала плита, А в зарослях парковых **очи хоть выколи**, И лишь насекомые к солнцу с куста Слетают, как часики спящего тика [стих.-вар.]. П916 (I, 491.2).

В рамках выделительного ХОТЬ многообразны в анализируемом материале реализации конструкции «*хоть* + предел». Такого рода предел в поэтическом тексте может быть пространственным:

И тихий шелестит ответ: «Везде, где я, Где нет меня, ни счастья нет, Ни бытия. **Беги хоть на далекий Ганг**, Не скрыться там, — Вернешься вновь, как бумеранг, К моим ногам». РП Куз911 — 12 (109.3);

Я стал не тем, Кем был тогда. Не мучил бы я вас, Как это было раньше. За знамя вольности И светлого труда **Готов идти хоть до Ламанша** [обращ. к З.Н. Райх]. Ес924 (II, 203);

Ср.:

«Кто здесь Коломб? / До Индии? / В ночку! / (Чего не откроешь, / если в пузе орган!) / Выкатывай на палубу / белого бочку, / а там / **вези / хоть к черту на рога!**» РП М925 (189);

быть временным:

Чтоб ты слышать без трепета мог Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня Стала слаще, чем майская нега... Вспоминай же, мой ангел, меня, Вспоминай **хоть до первого снега**. Ахм959 (236.1);

иметь значение высокой степени признака:

Ну, целуй меня, **целуй, Хоть до крови, хоть до боли**. Не в ладу с холодной волей Кипяток сердечных струй. Ес925 (III, 55);

отсылать к исключительной, острой, предельной ситуации в человеческой жизни:

Мне жаль тебя. Останешься одна, А я готов **дойти Хоть до дуэли**. «Блажен, кто не допил до дна» И не дослушал глас свирели [обращ. к Е. А. Есениной, сестре поэта]. Аллюз. Ес925 (III, 61);

Теснога ищет — простора (Автор сам в рачьей клешне). // Потолок, рухнув — по росту Стал — уж горб нажил, крался. Правота ищет помоста: Всё сказать! Пусть **хоть с костра!** Цѳ926 (III, 130.1)

7. ХОТЬ: смысловые приращения в поэтическом тексте

Нередко в поэтическом тексте конструкции с *хоть* оказываются своего рода смысловой доминантой, основой образа. Среди рассмотренных контекстов заметное место занимает блок примеров с частицей *хоть* в разных сочетаниях, конструкциях. Нередко это строки, несущие коннотацию интимизации, обращенные к конкретным личностям или посвященные им (см. также примеры выше):

Завтра забудешь, / что тебя короновал, / что душу цветущую любовью выжег, / и суетных дней взметенный карнавал / растреплет страницы моих книжек... / Слов моих сухие листья ли / заставят остановиться, / жадно дыша? // **Дай хоть / последней нежностью** выстелить / твой уходящий шаг [обращ. к Л. Ю. Брику]. М916 (53);

В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду, Орльих, по всем утесам. **На пять-десять, хоть, восьмом году** — Стал рядовым, был способ! [посв. памяти М. А. Волошина]. Цѳ932 (II, 304);

Боже, боже, боже! Как пред тобой я тяжко согрешила! **Оставь мне жалость хоть...** [о В. Г. Гаршине]. Ахм945 (227.2).

Отметим, что окраску экспрессивных строк Цветаевой и Ахматовой формирует, кроме прочего, позиция частицы *хоть*. В первом случае это

слово «вставлено» внутрь порядкового числительного, как бы разряжая его, создавая паузу, во втором — употреблено постпозитивно по отношению к «своему» существительному и оказывается последним, с многогочием, словом стихотворения.

Особую смысловую нагрузку несут контексты, связанные с творчеством, поэзией, с ее афористическим началом, с адресатом стихотворения и адресантом, самим поэтом и т. д., а также совмещающие различные смыслы:

О царь Недоступного Света, Отец моего бытия, **Открой же хоть сердцу поэта**, Которое создал ты я. *Анн900-е (57.1)*;

Под зноем флорентийской лени Еще беднее чувством ты: Молчат церковные ступени, Цветут нерадостно цветы. // Так береги остаток чувства, **Храни хоть творческую ложь**: Лишь в легком челноке искусства От скуки мира уплывешь. *АБ909 (III, 108.3)*;

Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет. **Живи еще хоть четверть века** — Всё будет так. Исхода нет. *АБ912 (III, 37)*;

Мой бедный, мой далекий друг! **Пойми хоть в час тоски бессонной**, Таинственно и неуклонно Снедающий меня недуг... Зачем в моей стесненной груди Так много боли и тоски? *АБ912 (III, 82)*;

Курантов бой и тени государей: Россия, ты — на камне и крови — Участвовать в твоей железной каре **Хоть тяжестью меня благослови!** *ОМ913 (87.3)*.

8. Заключение

Опираясь на представленные в статье наблюдения и промежуточные выводы, отметим в заключение следующее.

Изучение дискурсивных слов как единиц поэтического лексикона плодотворно с опорой на сводный словарь языка поэзии, аккумулирующий в себе множество примеров употребления таких слов из текстов разных авторов. Фронтальный анализ контекстов из статьи ХОТЬ «Словаря языка русской поэзии XX века» показал, что усилительная / выделительная частица *хоть* весьма востребована поэтами Серебряного века. Она не только обнаруживает практически весь спектр значений, выделяемых общезыковыми словарями, но и демонстрирует приращение смыслов и коннотаций. Поэтическая специфика дискурсивного слова *хоть* хорошо видна в повышенной частотности отдельных сочетаний и конструкций, включающих его, в повторяемости их на небольших текстовых отрезках, в употреблении слова в речи автора и в речи персонажа, в яркой стилистической нагрузке и т. д. Не случайно то, что такая единица стала маркером идиостилия нескольких поэтов, в первую очередь Марины Цветаевой.

Проведенное исследование, очевидно, может иметь продолжение. Так, отдельного рассмотрения заслуживают случаи, когда *хоть* встречается в контекстах с повтором типа *хоть... хоть*, в том числе с редупликацией *хоть-хоть*.

Список литературы

Апресян, В.Ю., 2006. От *хотя* до *хоть бы*: к системному описанию уступительных единиц в языке. *Русский язык в научном освещении*, 1 (11), с. 7–44. [Aprésyan, V. Yu., 2006. From *khotja* to *khot' by*: towards a systematic description of the concessional units in the language. *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (11), pp. 7–44 (in Russ.)].

Апресян, Ю.Д. (ред.), 2003. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М. [Aprésjan, Yu.D., 2003. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow (in Russ.)].

Баранов, А.Н., Плунгян, В.А., Рахилина, Е.В., 1993. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М., 207 с. [Baranov, A.N., Plungian, V.A., Rakhilina, E.V., 1993. *A guide to discursive words*. Moscow, 207 p. (in Russ.)] EDN: PVZSPF.

Богданова-Бегларян, Н.В., 2021. *Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография*. СПб. [Bogdanova-Beglaryan, N. V., 2021. *Pragmatic markers of everyday Russian speech: a dictionary-monograph*. St Petersburg (in Russ.)].

Борисова, Е.Г., Паршин, П.Б., 2024. Описание усилительных (дискурсивных) частиц и развитие исследовательского аппарата науки о языке. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Лингвистика*, 1, с. 39–55. [Borisova, E.G., Parshin, P.B., 2024. Description of intensifying (discursive) particles and the development of research methods of linguistics. *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics*, 1, pp. 39–55 (in Russ.)] EDN: NAZIKY, <https://doi.org/10.31249/ling/2024.01.03>.

Глаголева, А.С., 2025. *Развитие частиц из единиц полнозначной лексики в истории русского языка: семантические и грамматические процессы*: дис. ... канд. филол. наук. М. [Glagoleva, A.S., 2025. *The development of particles from units of full-fledged vocabulary in the history of the Russian language: semantic and grammatical processes*. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.)].

Григорьев, В.П., 2001. Предисловие. В: *Словарь языка русской поэзии XX века*. Т. I М., с. 3–11. [Grigoriev, V.P., 2001. Preface. In: *Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century)*. Vol. 1. Moscow, pp. 3–11 (in Russ.)].

Захаркив, Е.В., 2024. *Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии*: дис. ... канд. филол. наук. М. [Zakharkiv, E.V., 2024. *Discourse markers in the modern Russian and English poetry*. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.)] EDN: HZYKQT.

Киселева, К., Пайар, Д. (ред.), 1998. *Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания*. М., 446 с. [Kiseleva, K.L., Paillard, D., eds., 1998. *Discourse words in Russian: An essay on contextual semantic description*. Moscow, 446 p. (in Russ.)].

Кулешова, А.В., Слестникова, Т.В., 2024. Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функциональнопрагматический и функциональносемантический подходы. *Научный диалог*, 13 (5), с. 84–103. [Kuleshova, A.V., Slastnikova, T.V., 2024. Discourse markers in works of Russian linguists: Functional-pragmatic and functional-semantic approaches. *Nauchnyi dialog*, 13 (5), pp. 84–103 (in Russ.)] EDN: PYZCBI, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103>.

Морковкин, В.В. (ред.), 1997. *Словарь структурных слов русского языка*. М. [Morkovkin, V.V., ed., 1997. *Dictionary of structural words of the Russian language*. Moscow (in Russ.)].

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.09. 2025). [Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 1 September 2025] (in Russ.)].

Николаева, Т. М., 1985. *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. М., 169 с. [Nikolaeva, T. M., 1985. *Functions of particles in the utterance (based on modern Slavic languages)*. Moscow, 169 p. (in Russ.)] EDN: UVYSFV.

Николаева, Т. М., 1999. *Хотя и хоть в исторической перспективе*. В: *Славянские этюды: сборник к юбилею С. М. Толстой*. М., с. 308–330. [Nikolaeva, T. M., 1999. *Khotja and khot' from a historical perspective*. In: *Slavic studies: collection dedicated to the anniversary of S. M. Tolstaya*. Moscow, pp. 308–330 (in Russ.)].

Паршин, П. Б., 1988. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*). В: *Референция и проблемы текстообразования*. Н. Д. Арутюнова (ред.). М., с. 146–169. [Parshin, P. B., 1988. *Concession and anti-concession in the deontic dialogue (functioning of the lexeme khot')*. In: N. D. Arutyunova, ed. *Reference and problems of text formation*. Moscow, pp. 146–169 (in Russ.)].

Плунгян, В. А., 2009. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М., 676 с. [Plungian, V. A., 2009. *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages*. Moscow, 676 p. (in Russ.)].

Санников, В. З., 2008. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. М., 625 с. [Sannikov, V. Z., 2008. *Russian syntax in the semantic-pragmatic space*. Moscow, 625 p. (in Russ.)] EDN: SUQJEN.

Словарь русского языка, 1981–1984. Т. 1–4. 2-е изд. Евгеньева, А. П. (ред.). М. [The Dictionary of the Russian Language, 1981–1984. Vol. 1–4. 2d ed. Evgen'eva, A. P., ed. Moscow (in Russ.)].

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т., 1950–1965. М.; Л. [A dictionary of modern standard Russian: in 17 volumes, 1950–1965. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

Словарь языка русской поэзии XX века, 2001–2022. Т. I–IX. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.) и др. М. [Grigoriev, V. P., Shestakova, L. L. et al., eds., 2001–2022. *Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century)*. Vol. 1–9. Moscow (in Russ.)].

Стародумова, Е. А. (ред.), 2001. *Словарь служебных слов русского языка*. Владивосток. [Starodumova, E. A., ed., 2001. *A dictionary of Russian auxiliary words*. Vladivostok (in Russ.)].

Фужерон, И., 1998. Не заблудиться бы в трех *хотя*. *Известия АН СЛЯ*, 3, с. 46–52. [Fougeron, I., 1998. *Three Khotja ("although") in Broad Daylight*. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literature i yazyka*, 3, pp. 46–52 (in Russ.)].

Храковский, В. С., 1998. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология). В: *Типология условных конструкций*. Храковский, В. С. (ред.). СПб., с. 7–96. [Khrakovsky, V. S., 1998. *Theoretical analysis of conditional constructions (semantics, calculus, typology)*. In: V. S. Khrakovsky, ed. *Typology of conditional constructions*. St. Petersburg, pp. 7–96 (in Russ.)].

Шестакова, Л. Л., Кулева, А. С., 2023. «Словарь языка русской поэзии XX века» в контексте цифровой авторской лексикографии. *Русская речь*, 6, с. 63–76. [Shestakova, L. L., Kuleva, A. S., 2023. "Dictionary of the Language of Russian Poetry (20th Century)" in the Context of Digital Author Dictionary. *Russian Speech = Russkaya Rech'*, 6, pp. 63–76 (in Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013161170029356-0>.

Шимчук, Э. Г., Шур, М. Г., 1999. *Словарь русских частиц*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien. [Shimchuk, E. G., Shchur, M. G. 1999. *Dictionary of Russian particles*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien (in Russ.)].

Шур, М. Г., 1999. *Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование*: дис. ... канд. филол. наук. М. [Shchur, M. G., 1999. *Lexicographic representation of Russian particles, their classes and functioning*. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.)].

Paršin, P. B., 1987. Le lexème *xof*: structure sémantique de l'unité linguistique *xof* et pragmatique de la concession dans le dialogue déontique. In: *Les particules énonciatives en russe contemporain*. Vol. 2. Paris, pp. 69–91.

Об авторах

Лариса Леонидовна Шестакова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9585-9472

SPIN-код: 5629-5474

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Анна Сергеевна Кулева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6536-3943

SPIN-код: 2155-1410

E-mail: an_kuleva@mail.ru

Для цитирования:

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Дискурсивное слово *хоть* в текстах поэтов Серебряного века // Слово.ру: балгийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 133–147. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE DISCOURSE WORD 'KHOT' IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

Larisa L. Shestakova, Anna S. Kuleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 05.10.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-7

The consolidated Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century) is based on a corpus of texts by ten major poets of the Silver Age, from Innokenty Annensky to Marina Tsvetaeva. The dictionary combines the features of a complete concordance with those of a differential explanatory dictionary. Its distinctive characteristic is the exhaustive scope of its lexical coverage: all units function as headwords, including function words. The functioning of discourse words in poetic language has attracted considerable attention in contemporary scholarship. This article examines the particle 'khot' ('even'), described in the dictionary entry ('KHOT') in this dictionary. In explanatory and specialised dictionaries, as well as in scholarly literature, 'khot' is classified as a particle homonymous with the conjunction 'khot'/khotya' ('although', 'even if'). In the poetic dictionary, however, 'khot' / khotya', both as a conjunction and as a particle in its different meanings, is not divided into separate homonymous entries but is presented within a single dictionary entry, with variant forms taken into account. This group of units is surrounded by a lexical nest formed by the verb 'khotet' ('to want'), and the

etymological connection between 'khot' / khotya' and this nest is further emphasised by the presence of the homonymous gerund form 'khot'. A systematic analysis of dictionary examples containing the particle 'khot' reveals the specific features of its poetic functioning. This specificity is manifested in the increased frequency of particular collocations and constructions involving this word, its recurrence in poetic contexts, its use both in the author's voice and in the speech of literary characters, and its contribution to the formation of a moderately lowered stylistic colouring of poetry.

Keywords: *author lexicography, corpus, discursive word, linguistic poetics, poetic language*

The authors

Prof. Larisa L. Shestakova, Associate Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9585-9472

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Dr Anna S. Kuleva, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6536-3943

E-mail: an_kuleva@mail.ru

To cite this article:

Shestakova, L.L., Kuleva, A.S., 2026, The discourse word 'khot' in the poetry of the Silver Age, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 133–147. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-7.

NON SEQUITUR: ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР СЛЕДОВАТЕЛЬНО В ПОЭТИЧЕСКОМ И СУДЕБНОМ ДИСКУРСАХ

О. В. Соколова

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 05.10.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8

Статья посвящена анализу маркера причинно-следственной связи следовательно в поэтическом и судебном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью прагматического потенциала дискурсивных маркеров в институциональных и художественных типах коммуникации. Цель работы заключается в выявлении различий в функционировании этих маркеров в дискурсах с противоположными коммуникативными установками – лингвокреативной и нормативно-регулятивной. Материал исследования включает корпусы поэтических и судебных текстов. Методология основана на корпусно-дискурсивном и прагматическом анализе с привлечением теории речевых актов. В поэтическом дискурсе причинно-следственные маркеры могут утрачивать функцию логического вывода и переосмысливаться как средства метаязыковой рефлексии и нарушения логико-синтаксических связей. В судебном дискурсе, напротив, данные маркеры включаются в устойчивые формулы и реализуют декларативную иллокутивную функцию, фиксируя институционально значимое решение и создавая эффект логической неизбежности. Сделаны выводы о дискурсивно обусловленной асимметрии прагматических эффектов причинно-следственных маркеров, что позволяет выявить их лингвокреативный потенциал в поэзии и манипулятивно-регулятивную функцию в судебной коммуникации.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, манипулятивность, метатекстовая функция, поэтический дискурс, прагматика, причинно-следственная связь, судебный дискурс

Следовательно я считаю, что подсудимый
не мог даже войти в ту комнату, бац доказано.
А. Введенский

1. Введение: функции дискурсивных маркеров

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных дискурсивным маркерам (ДМ), их статус, функции и классификация остаются предметом дискуссий, что отражается в разнообразии теоретических подходов и терминологических решений¹. Среди основных характеристик ДМ выделяется то, что они участвуют в организации

© Соколова О. В., 2026

¹ Обзор различных теорий и направлений исследования ДМ см., например, в (Dér 2010; Соколова, Захаркив 2025).

дискурса, в частности маркируют отношения между сегментами высказывания, выражают отношение говорящего и управляют процессом интерпретации со стороны слушающего. Количество функций, характеризующих ДМ, варьируется в зависимости от теоретического подхода. Наиболее широкие подходы исходят из выделения одной базовой функции, объединяющей ДМ, в качестве которой выступает «указание на структуру дискурса» (Schiffrin 1987) или «метакоммуникативная функция» (Furkó 2005, p. 16). В этом ключе ДМ могут рассматриваться как элементы метаязыка, то есть как средства «использования языка для сообщения о процессе его употребления», указывая не на внешнюю реальность, а на сам текст, на взаимодействие между его носителями или на процессы, лежащие в основе вербализации (Maschler 2009, p. 1).

Согласно классическому определению Д. Шиффрин и Й. Машлер, основной чертой ДМ является возможность «метаязыковой интерпретации»² в конкретном контексте употребления. В отличие от высказываний, отсылающих к внеязыковой действительности, ДМ ориентированы на организацию самого дискурса: они регулируют текстовые связи, межличностные отношения между участниками коммуникации (или между говорящим и высказыванием), а также выражают когнитивные процессы говорящего (Maschler, Schiffrin 2015, p. 194).

Хотя существующие классификации ДМ опираются на разные концепции и традиции, большинство из них строится вокруг разграничения базовых функциональных доменов, которые практически приравниваются к самим группам маркеров. Так, в классификации Д. Шиффрин и Й. Машлер выделяются текстовые, интерперсональные и когнитивные ДМ (Ibid., p. 196). Схожую функциональную триаду предлагает К. Баццанелла, выделяя интерперсональную, метатекстовую и когнитивную макрофункции, каждая из которых реализуется через набор микрофункций (Bazzanella 2005). В рамках метатекстовой макрофункции К. Баццанелла различает микрофункции, выраженные маркерами фокусирования, переформулировки и демаркации, или разграничения, которые включают итальянские ДМ введения / презентации (*qui, ecco, dirò*), перехода (*e poi, allora, (av)venne che, or(a)*), перечисления (*or/ora, e più fece*) и аргументативного вывода (*(a)dunque, or(a)*) (Bazzanella 2010).

Развивая модель Б. Фрейзера (Fraser 1996), который, в частности, выделяет ДМ причинно-следственной связи (“inferential markers”: *Donna left late. However, she arrived on time*), Э. Трауготт разграничивает три типа прагматических маркеров на материале английского языка: эпистемические (*surely*), интерперсональные (*well, please*) и метатекстовые (*therefore, moreover, admittedly*) (Traugott 2018, p. 27–28). Согласно Э. Трауготт, метатекстовые маркеры характеризуются прагматическим, а не содержательным значением и служат для установления отношений между

² Под «метаязыковой интерпретацией» (*metalingual interpretation*) понимается базовое свойство ДМ комментировать сам процесс коммуникации (организацию высказывания, отношения между говорящими, мыслительные процессы), а не описывать предметы и события внешнего мира. Ср. не метаязыковое высказывание о внешнем мире (*Дождь идет*) и высказывание с метаязыковым комментарием (*Ну и пусть дождь идет*).

предложениями или высказываниями. Их область действия распространяется на сопровождающую их клаузу, а позиционно они, как правило, предшествуют или следуют за соответствующей клаузой либо за ее финитным глаголом.

В русскоязычной традиции отсутствует единый термин для обозначения группы единиц, выражающих причинно-следственные отношения и относящихся к метатекстовым дискурсивным маркерам (МДМ). В литературе используются различные наименования, такие как «маркеры вывода» (Новикова 2015), «инференциальные маркеры» (Сытько 2023), «маркеры причинно-следственной связи» (Мишиева 2015) и др. В настоящей работе используется термин «маркеры причинно-следственной связи» (МПСС), который отражает функциональную специфику данных единиц и наиболее распространен в отечественной лингвистике.

Существуют специальные исследования, посвященные МДМ на материале обыденного языка (Bazzanella 2005; 2010; Sansò 2020; Traugott 2021), политических и художественных текстов (Furkó 2020), а также на базе параллельных корпусов (Говорухо 1998; Pecorari, Pinelli 2024). Однако сопоставительный анализ этих прагматических единиц с учетом языковой и дискурсивной специфики до настоящего времени не становился предметом систематического исследования.

Развивая принципы корпусно-дискурсивного анализа прагматических единиц³ в целом и МДМ⁴ в частности, в настоящей работе мы проведем сопоставительный анализ двух полярных типов дискурса, отличающихся как по целям, так и по средствам выражения — поэтического и судебного⁵, с тем чтобы выявить специфику функционирования ДМ *следовательно*⁶.

Полярность этих дискурсов определяется, во-первых, тем, что они соотносятся с различными дискурсивными модусами — персональным и институциональным. В терминологии В.И. Карасика поэтический дискурс относится к личностно-ориентированному дискурсу, а именно к его бытийному типу, «предназначенному для нахождения и переживания существенных смыслов», художественного и философского постижения мира (2002, с. 193). Вместе с тем отмечается, что «некоторые формы литературы и других вербальных искусств могут заимствовать черты как институциональных, так и бытовых разновидностей дискурса» (Фещенко 2023, с. 237).

³ См. подробнее: (Соколова, Фещенко 2024).

⁴ Междискурсивный анализ МДМ в современной поэзии и разговорной речи см.: (Sokolova 2025).

⁵ Отметим интерес исследователей к анализу языковых средств выражения аргументации в судебном дискурсе на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Зрелова 2018) и к изучению форм выражения процесса аргументации на материале гибридного жанра «поэтического трактата» в текстах русского авангарда, современной русскоязычной и американской поэзии (Фещенко 2024).

⁶ Благодарю Т.Б. Радбиля за вдохновляющий совет изучить специфику употребления *следовательно* в судебном дискурсе.

Таким образом, поэтический дискурс может рассматриваться как пограничный тип, расположенный между бытовым, бытийным и институциональным дискурсами. В противоположность этому судебный дискурс представляет собой прототипический институциональный дискурс. Согласно В.И. Карасику, институциональный, или статусно-ориентированный, дискурс определяется как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом» (2002, с. 193).

Во-вторых, полярность этих дискурсов обусловлена их коммуникативными установками: поэтический дискурс ориентирован на языковое творчество и продуцирование новых смыслов, тогда как судебный дискурс выполняет нормотворческую и регулятивную функцию. Из этого различия вытекают их ключевые свойства: поэтический дискурс характеризуется полисемией, полифункциональностью и отклонением от конвенциональных логико-семантических и грамматических связей, что во многом обусловлено нелинейным членением, ритмической и композиционной организацией поэтического текста⁷. Судебный дискурс, напротив, ориентирован на однозначность интерпретации, логическую непротиворечивость, связность и предсказуемость аргументации, поскольку от корректности вывода напрямую зависят институциональные и правовые последствия. Основной характеристикой юридического и судебного языка является использование «специализированных, шаблонных и конвенциональных выражений, имеющее решающее значение для формирования того или иного жанра судебного текста», что описывается как языковая «формульность» и «стандартизация» (Goźdz-Roszkowski 2011, p. 21)⁸.

В основе сопоставления поэтического и судебного дискурсов лежит гипотеза, что прагматические единицы в них обретают дополнительные функции, которые не зафиксированы лексикографически⁹. При этом изменение функций ДМ проявляется по-разному в разных типах дискурса, что позволяет говорить о тенденции к расширению спектра функций и неснятой полифункциональности¹⁰ в современной поэзии.

⁷ См. определение и характеристики поэтического дискурса в (Соколова, Захаркив 2025).

⁸ О судебном и юридическом дискурсах см. также: (Дубровская 2010; Радбиць, Юматов 2014), анализ судебного дискурса с точки зрения теории речевых актов см. в (Босов 2025).

⁹ Согласно (Морковкин 2003, с. 319–320), следовательно специализируется на выражении причинно-следственного и аргументативного вывода.

¹⁰ Под неснятой полифункциональностью мы понимаем одновременную актуализацию нескольких функций ДМ в одном и том же контексте без их сведения к одной доминирующей функции. Термин используется по аналогии с понятием неснятой полисемии, применяемым для описания случаев, когда разные значения языковой единицы сосуществуют и интерпретируются параллельно, не нейтрализуя друг друга. В случае ДМ речь идет не о множественности значений в лексико-семантическом смысле, а о наложении и взаимодействии различных функций (метатекстовой, интерперсональной, когнитивной) в конкретном дискурсивном окружении.

Хотя в исследованиях ДМ полифункциональность рассматривается как их ключевое свойство и подчеркивается, что одна и та же единица может выполнять различные функции в зависимости от контекста (о метатекстовой и интерперсональной функциях *you know* см.: (Müller 2005, p. 147)), в поэтическом дискурсе наблюдается не просто контекстуальная вариативность, а намеренное совмещение нескольких базовых функций, а также дополнительных функций в рамках одного употребления¹¹.

При этом функциональный диапазон в судебном дискурсе, хотя и отличается от обыденного употребления, в целом характеризуется ограниченным количеством функций, что связано с его эксплицитной установкой на фиксацию правовых норм и имплицитной установкой на манипулятивность.

2. Материал и методы

Исследование основано на материале корпусов поэтических и судебных текстов на русском языке. Поэтический материал включает составленный нами корпус новейшей поэзии (КНП; 1960–2020-е годы)¹² и Поэтический корпус НКРЯ (ПК НКРЯ). Ввиду отсутствия общедоступного аннотированного корпуса судебных текстов на русском языке нами был создан корпус на основе базы судебных и нормативных актов РФ (СудАкт: <https://sudact.ru/>)¹³. С целью создания сбалансированного корпуса мы включили в него документы, относящиеся к судебной практике разных судов (Верховного суда, арбитражных, республиканских, областных и других судов).

Методологически исследование опирается на корпусно-дискурсивный, прагматический и сопоставительный анализ, направленный на выявление функций МПСС в различных типах дискурса. Анализ проводился на уровне минимальных дискурсивных единиц, включающих два связанных сегмента высказывания.

Употребление маркера логической связи предполагает наличие в высказывании двух компонентов: *P* – аргумента, посылки или условия и *Q* – вывода или следствия. В конструкциях типа *P* [следовательно] *Q* ДМ служит для вербализации логической связи между *P* и *Q*, сигнализируя, что *Q* является не просто последующим событием, а именно логическим следствием *P*. Подчеркнем, что в отличие от логической формулы $P \rightarrow Q$, употребление того или иного маркера в высказывании связано с рядом дополнительных значений и функций, включая каузальность, эпистемическую уверенность и субъективное отношение говорящего.

¹¹ О «преднамеренной» или «случайной» неоднозначности (Furkó 2005, p. 60) как способе достижения манипулятивного эффекта в политическом дискурсе см.: (Furkó 2020, p. 75).

¹² Описание КНП см.: (Соколова, Фещенко 2024).

¹³ Данный интернет-ресурс представляет собой крупнейшую официальную базу судебных актов, решений и нормативных документов, размещенных онлайн.

Поскольку основными чертами поэтического высказывания являются нелинейное членение, ритмическая и композиционная организация, автореференциальность и автокоммуникативность, МДМ в поэзии регулярно участвуют в нехарактерной для них роли дезорганизаторов логико-семантических, грамматических и синтаксических связей, в силу чего их можно назвать своеобразными «дисконнекторами», когда они выступают в роли единиц, несущих дополнительную прагматическую нагрузку по выражению процедур инференции и по привлечению внимания адресата. При этом МДМ в поэтическом высказывании могут выступать в роли как коннекторов, так и «дисконнекторов», что позволяет выделить более широкий спектр их функций по сравнению с другими типами дискурса.

3. Функционирование *следовательно* в поэтическом дискурсе

Логичность как нормативная черта обыденной и институциональной коммуникации неоднократно становилась объектом метаязыковой рефлексии в литературе абсурда (Ревзина, Ревзин 1971). Особое место занимает судебный дискурс как образец предельной рациональности и стереотипности, что делает его языковые клише объектом пародирования у А. Введенского, Д. Хармса, Ф. Кафки и др. Характерный прием — формальное воспроизведение аргументативных структур при разрушении их логической валидности, когда маркеры функционируют как риторические сигналы вывода, не обеспечивая логического основания. Например, у А. Введенского в стихотворении «Пять или шесть» (1929): *Следовательно я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, бац доказано*, — логический маркер функционирует не как средство дедукции, а как перформативный указатель на завершение рассуждения, имитирующий институциональную доказательность и тем самым обнажающий ее условность. Схожий прием встречается у Д. Хармса в рассказе «Реабилитация» (1940): *Испражняться — потребность естественная, а, следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасность моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание, где следовательно оформляет логический вывод, который является тривиальным, а потому логически избыточным, что демонстрирует автоматизм юридического рассуждения.*

В диахронической перспективе в русской поэзии *следовательно* начинает встречаться с эпистол В. Тредиаковского (1750—1754), где оно употребляется в прямом значении как МПСС, но наделяется онтологическими коннотациями, указывая на божественную, а не человеческую логику: *Человечь ум сделан, следовательно, другим. / Но другой сей здатель, сотворен наш ум каким.* В текстах XIX века, по данным ПК НКРЯ, *следовательно* не встречается, и его вхождения выявляются лишь в текстах XX века, где оно обретает новые функции, превращаясь из маркера логической связи в объект метаязыковой рефлексии.

Например, в тексте Н. Байтова, насыщенном отсылками к математической логике и теории доказательства, *следовательно* лишено четкой логической посылки и не обозначает формального вывода в строгом смысле:

— Топчутся логики в тайном том уголке —
— Топчутся логий толпы
в пыльном том, который —
— Ржавая скобка. Скоро —
— И **следовательно** — из разбежавшегося и процветшего,
где просвечивает...
Теорема Ф[и] информирует <...> (Н. Байтов).

Напротив, ДМ выступает как знак самой процедуры доказательства, воспроизводящий шаблон логического рассуждения.

В XX и XXI веках взаимодействие поэтического и судебного дискурсов получает новое осмысление в рамках документальной поэзии (docupoetry), сближающей художественный текст с институциональными жанрами: свидетельством, протоколом, приговором. Характерными примерами являются поэмы Ч. Резникоффа «Свидетельство: Соединенные Штаты, 1885–1915» (“Testimony: The United States 1885–1915”, 1965) и «Холокост» (“Holocaust”, 1975), основанные на судебных материалах, а также поэма Н. Кули «Пострадавшие девушки» (“The Afflicted Girls”, 2004), созданная на базе архивных документов, связанных с процессами в Сейлеме XVII века. В русскоязычной поэзии сходная стратегия реализуется в книге Л. Юсуповой «Приговоры» (2020), написанной на материале судебных решений и обвинительных приговоров, где «специфическое транспонирование языка выставляемого документа осуществляет критику фактического судебного дискурса, вскрывает его шокирующую отчужденность от реальных индивидуальных человеческих трагедий и растворенную в нем нормативно закрепленную лексику и фразеологию насилия» (Лехциер 2020, с. 125).

В обобщенном виде в поэтическом корпусе можно выделить три основных вида отклонений от нормативного употребления: (1) нарушения логических связей в высказывании, которые в широком смысле могут быть обозначены как *non sequitur*¹⁴; (2) синтаксические и структурные аномалии; (3) изменения прагматических функций.

1) Нарушение причинно-следственных связей (*non sequitur*).

— *Формально корректная аргументация как элемент псевдонаучного дискурса* реализуется, когда логическая структура высказывания сохраняется, однако использование ДМ приобретает иронический или метарефлексивный характер.

В следующем примере логический оператор *следовательно* вводит вывод, который формально соотносится с предшествующим аргумен-

¹⁴ Лат. «не следует» — термин, обозначающий логическую ошибку. В настоящей работе термин *non sequitur* используется не в узком формально-логическом смысле, а как обобщающее обозначение прагматически маркированных отклонений, при которых МПСС формально сигнализирует вывод, статус которого оказывается неоднозначным.

том, но при этом редуцирует логику медицинского и религиозно-философского дискурсов до тривиального предписания, создавая эффект псевдонаучного обобщения:

О тибетской медицине:

Всех болезней четыреста четыре <...>
И предвестник смерти — гнев больного
На врачей, лекарства и на близких.

Следовательно,
Чтобы излечиться,
Надо научиться не сердиться
На врачей, лекарства и на близких (Л. Мартынов).

— «Обнажение» аргументативных клише судебного дискурса. В отличие от рассмотренных выше абсурдистских текстов обэриутов, где юридическая аргументация подвергается гротескному пародированию, в поэзии второй половины XX века этот прием приобретает форму фрагментарного воспроизведения судебно-административных клише. У А. Вознесенского маркер *следовательно* используется как формула институционального вывода, однако логическая цепочка намеренно обрывается или дублируется, утрачивая доказательную функцию:

Собрал на заводе боевой

автомат.

Отбыл срок,

следовательно...

ДОМОУПРАВ:

Намек?

ХУСАИНОВ:

Следовательно, не мог (А. Вознесенский).

— *Переосмысление картезианского вывода: non sequitur как рефлексия рационализма.* Особый подтип нарушения логического вывода в поэтическом тексте связан с рефлексией картезианской формулы *cogito ergo sum*, которая в философской традиции выступает образцом предельной рациональности и самообнаружения субъекта в акте мышления. В современной европейской поэзии данная формула неоднократно воспроизводится, трансформируется или рефлексивируется, при этом маркер логического вывода употребляется только формально, утрачивая функции логической связи.

В следующем примере из текста итальянского поэта М. Дзаффарано *quindi* актуализирует интертекстуальную отсылку к формуле *cogito ergo sum*¹⁵, однако из-за отсутствия логической связи между прошлым,

¹⁵ Хотя в итальянском переводе картезианской фразы употребляется *dunque* (*penso dunque sono*), можно отметить, что оба эти маркера обладают не только структурными свойствами, но и инференциальным потенциалом, стимулируя адресата достраивать логическую цепочку.

словом и мыслимым логическая импликация нарушается, смещая фокус на проблему смыслообразования и логико-семантических связей между языком, временем и мышлением:

il passato e **quindi** il pensato
il passato in quanto corrisponde alla parola
il pensato in quanto corrisponde alla parola
il pensato che va in direzione opposta¹⁶ (M. Zaffarano).

Сходная стратегия обнаруживается и в русскоязычной поэзии, где картезианская формула становится объектом систематического переосмысления и варьирования, когда *следовательно* сохраняет формальную позицию логического оператора, однако аргумент и вывод меняются местами и вступают во взаимное противоречие:

Я мыслю **следовательно** существую
я существую **следовательно** не мыслю
я мыслю **следовательно** не существую (К. Кедров).

Здесь нарушение логики носит структурный характер: повторяемость маркера вывода обнажает условность самой модели рационального обоснования субъекта.

В текстах В. Эрля картезианский вывод описывается как механически воспроизводимая формула, лишенная содержательной аргументации, — *заводной попугай*, повторяющий логическую связку:

Надо признаться, что философия издавна славится своими дурацкими вопросами. Сама она (философия) ни на один из них, конечно, ответить не может, а только повторяет, как заводной механический поп-арт («попугай»): «Я мыслю, **следовательно**, я существую! Я мыслю, следовательно...» (В. Эрль).

В диалогическом поэтическом фрагменте логическая связка функционирует как элемент доведенной до предела логики, когда вывод приобретает апофатический характер. Логика не нарушается, но доводится до точки самоотрицания, превращаясь из средства обоснования в средство отрицания субъекта:

Молодой Китаец: А вот теперь ты больше не мыслишь.
Пожилый Китаец: И, **следовательно**, больше не существуешь.
Мертвый Китаец: Но зато теперь мы с тобой почти что одно и то же (В. Эрль).

— *Вывод отсутствует либо не имеет прямых логических связей с аргументом.* В примере из текста А. Драгомощенко логическая организа-

¹⁶ Прошедшее и, следовательно, мыслимое / прошедшее, ибо оно соответствует слову / мыслимое, ибо оно соответствует слову / мыслимое, уходящее в обратную сторону (перевод автора статьи. — О.С.).

ция высказывания, маркированная *следовательно*, представляется нарушенной, поскольку ДМ расположен в конце строки и строфы, непосредственно не вводя какой-либо последующий фрагмент:

Он бросил собаку что неожиданно
Собака ест птицу **следовательно**

Она парит в воздухе kua kai he kuli epanu
Ты съешь собаку без перевода (А. Драгомощенко).

2) Переосмысление лексико-семантических отношений.

— *Антитеза, выраженная в форме вывода*, формируется, поскольку *зима* и *лето*, с одной стороны, употребляются как контекстуальные, или реляционные, антонимы, противопоставляясь в рамках системы времен года, а с другой — между ними выстраивается причинно-следственная связь, что усиливает эффект контраста:

Гипнотизирует сама
Идея что где лето там зима
А где зима там **следовательно** лето (Д. Давыдов).

— *Нарушение гипер-гипонимических отношений* приводит к размыванию логической и онтологической иерархии единиц времени:

У часов есть циферблат, но отсутствуют стрелки:
даже при самом пристальном изучении циферблата
мы все не узнаем определенный час суток,
а **следовательно**, мало кто догадывается, какой сейчас век:
каменный или не каменный, что ли (В. Соснора).

— *Нарушение оснований дедукции* осуществляется с помощью вывода, который построен на отрицании логической предпосылки: отсутствие начала истории парадоксальным образом становится аргументом в пользу ее будущего начала, что приводит к подрыву самой идеи линейного времени и причинности.

впрочем, история эта не имеет начала,
следовательно она из тех историй, которые
рано или поздно начнутся (В. Казаков).

3) Употребление МПСС в нестандартной дистрибуции.

— *Парцелляция* намеренно нарушает линейную логику с помощью неполных конструкций, которые синтаксически разделены на независимые фрагменты:

заголовки газет
в туалете,
мутное отражение в зеркале
(не вспомнить уже — чье).

В них живет
смерть.
Одна на всех — как причастие.
Следовательно, и моя (Е. Вежлян).

Витгенштейн говорит об исключении детали из общего механизма, который, надо полагать, продолжает действовать, — однако о прекращении действия машины в целом ничего не говорится. **Следовательно**, «не-работа» (А. Драгомощенко).

— *Нарушение типичной дистрибуции маркера вывода* возникает, когда между маркером *следовательно* и выводом включается протяженный описательный сегмент, из-за чего связь «аргумент → вывод» становится отсроченной в локальном контексте и размывается¹⁷. В следующем примере *следовательно* не маркирует непосредственный переход к выводу, как в нормативном употреблении, а функционирует как сигнал отложенного вывода, который требует дополнительной интерпретации читателем:

#несобственно прямая объективность в сценарной склейке есть лишь предлог, она нужна для того, чтобы показывать косвенно, с помощью какого-либо нарративного алиби, а **следовательно**, тип кадра, который используется для внутренних монологов такого рода маскирующего — это взгляд, видящий мир в основном в иррациональном свете... (Я. Выговский).

4) Расширение прагматических функций.

— *Повтор* ДМ в поэтическом высказывании, в отличие от обыденного языка, не является тавтологичным. В данном примере повтор *следовательно* ослабляет его собственно логическую функцию: вместо однократного вывода формируется цепочка дедукций, в которой *следовательно* структурирует градацию смыслов и ритм высказывания. В результате маркер оформляет не рациональный вывод, а проговаривание травматического содержания:

(похоже, вынужденного) она решила,
что одесской родни не существует,
как когда-то решила,
что в мире отсутствует смерть,
и, **следовательно**, кладбища,
и, **следовательно**, могилы родителей (Б. Херсонский).

— *Контекстуальная ресемантизация*. Процесс семантического «обесцвечивания» (десемантизации), характерный для формирования ДМ и связанный с утратой исходного лексического значения (Heine 2003, p. 579), становится объектом метаязыковой рефлексии в современной поэзии, что выражается в виде «контекстуальной ресемантизации» — реактуа-

¹⁷ О нормативном употреблении метатекстовых маркеров см. в приведенном выше определении (Traugott 2018).

лизации прагматической единицы как семантически нагруженной¹⁸. В тексте А. Скидана ресемантизация происходит за счет актуализации общего этимологического корня *след* у полнозначного слова и дискурсивного маркера:

и **следователь** говорит
и **следовательно** <не> существуешь (А. Скидан).

Таким образом, ресемантизация позволяет вернуть ДМ статус семантически нагруженных единиц. В результате маркер становится ключевым элементом высказывания, участвующим в метарефлексии о языке, коммуникации и границе между обыденным и поэтическим высказыванием.

4. Функционирование *следовательно* в судебном дискурсе

Анализ судебного дискурса показывает, что способы отклонения от базовой функции логической связки здесь ограничены по сравнению с поэтическим дискурсом. Основные типы отклонений в функционировании *следовательно* в судебных текстах включают:

1) Нарушение причинно-следственных связей (*non sequitur*) возникает в тех случаях, когда маркер формально вводит вывод, который логически не вытекает из аргумента, либо опирается на недостаточное / имплицитное основание. В таких контекстах МПСС усиливает риторический эффект вывода, создавая видимость строгой логики и маскируя логический разрыв: *Организация не представила подтвержденные кредитной организацией данные о ежемесячном обороте средств по имеющимся у заявителя счетам за три месяца, предшествующие подаче ходатайства, а следовательно, не доказала, что имущественное положение заявителя не позволяет уплатить государственную пошлину в установленном размере.*

Здесь *следовательно* сигнализирует логический переход, хотя вывод основан лишь на недостаточности информации, или *argumentum ad ignorantiam*¹⁹: X (неполно) → *следовательно* → Y (категорический вывод).

Исследуя роль идиом и метафор в одном из подвидов судебного дискурса, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский подчеркивают манипулятивный эффект речевых оборотов в судебных текстах, основанный на «принципиальной защищенности имплицитных элементов плана

¹⁸ В отличие от лексикализации, имеющей диахронический характер и приводящей к формированию нового слова с автономной семантикой (см. анализ *tout-à-fait* в (Bally 1944, p. 148)), ресемантизация осуществляется синхронно и направлена на восстановление этимологических и семантических связей дискурсивного маркера, что позволяет вернуть утраченные компоненты лексического значения.

¹⁹ Лат. *argumentum ad ignorantiam* — «аргумент к незнанию», логическая ошибка, при которой истинность или ложность утверждения выводится исключительно из отсутствия доказательств противоположного, хотя само по себе незнание не может служить достаточным основанием для такого вывода.

содержания высказывания от попыток выяснения их истинного статуса» (Баранов, Добровольский 2008, с. 488). Это согласуется с природой аргументативного дискурса, в котором «успешность акта аргументации означает понимание слушателем того конкретного вывода, который имел в виду говорящий, причем вывод может быть имплицитным» (Иоанесян 2023, с. 4).

Аналогичный манипулятивный потенциал характерен для МПСС в судебном дискурсе, когда они сочетают функцию маркеров логического перехода с эпистемической оценочностью, что наиболее последовательно реализуется при формульном употреблении.

2) Формульное употребление *следовательно*.

В судебных текстах *следовательно* может входить в устойчивые конструкции, ослабляя или утрачивая функцию логического вывода и выступая индикатором перехода к следующей части решения²⁰. Фиксированность иллокутивной силы позволяет таким конструкциям функционировать как декларативные высказывания, что сближает их с перформативно нагруженными речевыми формулами²¹. В судебном дискурсе конструкции со *следовательно* реализуют прежде всего декларативный речевой акт, поскольку они институционально фиксируют принятое решение. Это высказывания, которые меняют коммуникативную ситуацию или социальную реальность в момент произнесения (ср. с классическим примером Дж. Остина: *Я объявляю вас мужем и женой*).

Типы речевых формул со *следовательно*:

I. Формулы нормативной возможности / обязанности.

Схема: (DM(INFER))²² + [Institutional Subject] + Mod + V(INF).

Примеры: *следовательно, суд может / должен / вправе + INF.*

Контекст: *Задача суда состоит в устранении явной несоразмерности штрафных санкций, следовательно, суд может лишь уменьшить размер неустойки до пределов, при которых она перестает быть явно несоразмерной <...>.*

Манипулятивный эффект: использование *следовательно* в сочетании с модальными глаголами и предикатами (*может / должен*) создает эффект нормативной неизбежности, при котором санкционируемое действие представляется как логически вытекающее из предшествующего анализа. При этом сама операция («разрешение», «обязанность», «отсутствие необходимости») не выводится логически, а вводится институционально.

²⁰ Решение как судебный жанр включает вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части (где содержатся выводы и изложение позиции суда).

²¹ Ср. с идиомами-перформативами – законченными выражениями или пропозициональными формами, которые вводят в дискурс различные речевые акты (например, проклятия: *чтобы ему пусто было*) (Баранов, Добровольский 2008, с. 88).

²² Сокращение DM(INFER) обозначает “inferential discourse markers”, в терминологии (Fraser 2006, p. 196). Выделение скобками указывает на то, что маркер может занимать как инициальную, так и медиальную позицию в высказывании.

II. Формулы снятия альтернативы.

Схема: (DM(INFER)) + [Institutional Subject] + V(finding/conclusion)²³.

Примеры: *следовательно, суд приходит к выводу.*

Контекст: *Следовательно, суд первой инстанции приходит к выводу о наличии правовых оснований для списания пени по спорному договору.*

Манипулятивный эффект: в данных конструкциях *следовательно* «маскирует» переход от рассуждения к фиксации результата как логически необходимого вывода. Уже принятое решение оформляется в виде следствия, тем самым фиксируя правовую оценку и снижая возможность выбора. В имперсональных конструкциях дополнительно размывается субъект ответственности за вывод, что усиливает эффект его объективности.

III. Формулы резолютивного отклонения.

В связи с различными грамматическими способами реализации данной формулы в разных языках можно выделить несколько конструкций:

Схема: (DM(INFER)) + [Institutional Subject] + V(finite).

Примеры: *следовательно, суд отклоняет доводы ответчика.*

Контекст: *Таким образом, истец справедливо исходит из того, что ОУМИ администрации МО «Инта», должен выполнять обязанности собственника в отношении этой квартиры, как выморочного имущества (статья 1151, пункт 4 статьи 1152, пункт 1 статьи 1157 Гражданского кодекса Российской Федерации). Следовательно, суд отклоняет доводы ответчика.*

Манипулятивный эффект: *следовательно* функционирует как средство авторитетной дисквалификации аргумента, при котором отказ или отклонение представляется как логическое следствие.

IV. Маркер композиционного перехода между частями судебного решения.

В ряде случаев маркеры *следовательно* функционируют как метатекстовые индикаторы перехода от аналитической части решения к резолютивной, что характерно для устойчивых формул, привязанных к композиционной структуре судебного текста. В отличие от европейской судебной традиции, где части текста обозначаются эксплицитно (например, *Question 1/2, Sulla prima / seconda questione*), в русскоязычном судебном дискурсе композиционный переход не оформляется в виде вопросно-ответного блока, однако регулярно маркируется формулами, вводящими разрешение отдельного процессуального вопроса (*Следовательно, разрешая вопрос о и т. п.*).

Схемы выражения этой формулы могут быть разными, но в них часто присутствует метатекстовое указание на соответствующий пункт решения, например: *следовательно, при решении / рассмотрении судом вопроса о; следовательно, разрешая вопрос о.*

²³ Имеются в виду глаголы установления факта (*найти, установить*) и формулирования вывода (*решить, отклонить*).

Контекст: Они являются недвижимыми вещами как самостоятельные объекты гражданских прав, в силу чего их правовой режим отличается от правового режима помещений, установленного в пункте 1 статьи 290 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации. **Следовательно, разрешение вопроса о том, относится ли конкретное помещение к общему имуществу многоквартирного дома, зависит не только от технических характеристик объекта, но и от назначения данного помещения – возможности его использования как самостоятельного.**

Манипулятивный эффект: в композиционных формулах следовательно имитирует инференциальную связь между анализом и ответом, тем самым сглаживая разрыв между рассуждением и институциональным решением. Это усиливает восприятие резолютивной части как естественного и единственно возможного итога предшествующего обсуждения, даже в тех случаях, когда логическая необходимость такого перехода не эксплицируется.

Подчеркнем, что в результате формульного употребления МПСС сохраняют метатекстовую функцию, но не столько обеспечивают логическую связность, сколько «имитируют» ее, оформляя переход от анализа к ответу и организуя текстовую когезию.

Таким образом, в отличие от поэтического дискурса, где подобные маркеры становятся объектом лингвокреативного переосмысления, в судебной коммуникации они выполняют функцию жанровых индикаторов, обеспечивая воспроизводимость, авторитетность и процедурную предсказуемость речевого акта.

5. Выводы

Таким образом, маркер *следовательно*, традиционно описываемый как средство логической связности и аргументации, в поэтическом и судебном дискурсах реализует принципиально различные прагматические стратегии. В поэтическом дискурсе данные маркеры могут утрачивать функцию строгого инференциального оператора и становиться инструментами лингвокреативности и расширения спектра функций как объекты метаязыковой рефлексии. В судебном дискурсе, напротив, употребление МДМ характеризуется ограничением функций и формульностью: включаясь в устойчивые процедурно обусловленные конструкции, эти маркеры выполняют декларативную функцию фиксации институционального решения. В судебных текстах *следовательно* нередко маскирует переход от рассуждения к вердикту как логически обусловленный, что придает ему имплицитный манипулятивный потенциал. Таким образом, сопоставительный анализ выявляет асимметрию прагматических функций МДМ в зависимости от коммуникативной установки дискурса: лингвокреативной в поэзии и регулятивно-институциональной в судебной коммуникации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-20250001, поддержанного Министерством высшего образования и науки РФ.

Список литературы

Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О., 2008. *Аспекты теории фразеологии*. М., 656 с. [Baranov, A.N., Dobvol'skij, D.O., 2008. *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow (in Russ.)] EDN: PVXTDD.

Босов, А.Е., 2025. Мотивационно-прагматический эскиз русскоязычного судебного акта. *Иностранные языки в высшей школе*, 3 (74), с. 35–44. [Bosov, A.E., 2025. Russian court decision in terms of linguistic pragmatics. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 3 (74), pp. 35–44 (in Russ.)] EDN: CMFUFJ, <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.74.3.005>.

Говорухо, Р.А., 1998. Семантика и прагматика итальянских коннекторов *dunque* и *quindi*. В: *Актуальные проблемы романистики*. Смоленск, с. 65–74. [Govorukho, R.A., 1998. Semantics and pragmatics of Italian connectors *dunque* and *quindi*. In: *Current Issues in Romance Studies*. Smolensk, pp. 65–74 (in Russ.)].

Дубровская, Т.В., 2010. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М., 351 с. [Dubrovskaya, T.V., 2010. *Legal discourse: speech behavior of a judge (based on Russian and English)*. Moscow, 351 p. (in Russ.)] EDN: QRRXZB.

Зрелова, М.В., 2018. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе (на материале речи прокурора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). *Слово. ру: балтийский акцент*, 9 (1), с. 86–93. [Zrelova, M.V., 2018. Linguistic Means Expressing Argumentation in Judicial Discourse late 19th: The Prosecutor's Speech in Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*). *Slovo. ru: Baltic Accent*, 9 (1), pp. 86–93 (in Russ.)] EDN: YRTIML, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-7>.

Иоанесян, Е.Р., 2023. *Функционирование языковых единиц в аргументативном дискурсе (сопоставительный аспект)*. М., 214 с. [Ioanesyan, E.R., 2023. *Functioning of linguistic units in argumentative discourse (comparative aspect)*. Moscow, 214 p. (in Russ.)] EDN: DYQVQV.

Карасик, В.И., 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 477 с. [Karasik, V.I., 2002. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd, 477 p. (in Russ.)] EDN: UGQAMP.

Лехциер, В.Л., 2020. *Поэзия и ее иное: философские и литературно-критические тексты*. Екатеринбург; М., 190 с. [Lechtsier, V.L., 2020. *Poetry and Its Other: Philosophical and Literary-Critical Texts*. Yekaterinburg; Moscow, 190 p. (in Russ.)].

Мишиева, Е.М., 2015. *Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук*. М., 233 с. [Mishieva, E.M., 2015. *Discourse markers in youth online communication: evidence from English*. PhD Dissertation. Moscow, 233 p. (in Russ.)] EDN: GZZIRT.

Морковкин, В.В. и др., 2003. *Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц*. 2-е изд. М. [Morkovkin, V.V. et al., 2003. *Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Parenthetical Words, Pronouns, Numerals, Copular Verbs: about 1200 words*. 2d ed. Moscow (in Russ.)].

Новикова, А.С., 2015. *Отношения вывода и средства их оформления в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 22 с. [Novikova, A.S., 2015. *Inferential relations and their linguistic expression in contemporary Russian*. PhD thesis. Moscow, 22 p. (in Russ.)] EDN: XBHAOP.

Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А., 2014. *Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития*. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*.

чевского, 3–2, с. 185–190. [Radbil, T. B., Yumatov, V. A., 2014. The language of forensics: formation and development trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3–2, pp. 185–190 (in Russ.)] EDN: RIDEHX.

Ревзина, О. Г., Ревзин, И. И., 1971. Семиотический эксперимент на сцене (Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием). В: *Труды по знаковым системам V. Учёные записки Тартуского государственного университета*, Тарту, с. 232–254. [Revzina, O. G., Revzin, I. I., 1971. Semiotic experiment on stage (Violation of the postulate of normal communication as a dramaturgical device). In: *Sign Systems Studies V. Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu, pp. 232–254 (in Russ.)].

Соколова, О. В., Захаркив, Е. В., 2025. *Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа*. М., 328 с. [Sokolova, O. V., Zakharkiv, E. V., 2025. *Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media*. Moscow, 328 p. (in Russ.)] EDN: HMMCTS.

Соколова, О. В., Фещенко, В. В., 2024. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), с. 706–733. [Sokolova, O. V., Feshchenko, V. V., 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 28(3), pp. 706–733 (in Russ.)] EDN: YAADPP, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.

Сытько, А. В., 2023. Хеджирование в деонтических высказываниях (на материале немецкого и русского языков). *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*, 13, с. 392–412. [Sytko, A. V., 2023. Hedging in deontic statements (on the material of German and Russian languages). *German Philology in St. Petersburg State University*, 13, pp. 392–412 (in Russ.)] EDN: MTAPDL, <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122>.

Фещенко, В. В., 2023. *Язык в языке: Художественный дискурс и основания лингвoэстетики*. М., 368 с. [Feshchenko, V. V., 2023. *Language within language: literary discourse and the foundations of linguistic aesthetics*. Moscow, 368 p. (in Russ.)] EDN: FBAMBT.

Фещенко, В. В., 2024. Трактат в обличье поэмы: пограничный жанр и особенности его языковой организации. *Слово.ру: балтийский акцент*, 15 (2), с. 144–159. [Feshchenko, V. V., 2024. Treatise disguised as poem: the border-line genre and its linguistic features. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (2), pp. 144–159 (in Russ.)] EDN: BWDMTG, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-2-9>.

Bally, C., 1944. *Linguistique Générale et Linguistique Française*. Berne, 440 p.

Bazzanella, C., 2005. *Linguistica e pragmatica del linguaggio*. Roma, 264p.

Bazzanella, C., 2010. Segnali discorsivi. In: R. Lorenzo and S. Giampaolo, eds. *Grammatica dell'italiano antico*. Bologna, pp. 1339–1357.

Dér, C. I., 2010. On the status of discourse markers. *Acta Linguistica Hungarica*, 57 (1), pp. 3–28, <https://doi.org/10.1556/aling.57.2010.1.1>.

Fraser, B., 1996. Pragmatic markers. *Pragmatics*, 2 (6), pp. 167–190.

Fraser, B., 2006. Towards a theory of discourse markers. In: K. Fischer, ed. *Approaches to Discourse Particles*. Leiden, The Netherlands, pp. 189–204.

Furkó, B. P., 2005. *The pragmatic marker – discourse marker dichotomy reconsidered – The case of well and of course*. PhD Dissertation. Debrecen.

Furkó, B. P., 2020. *Discourse Markers and Beyond: Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages*. Cham, 285 p.

Goźdz-Roszkowski, S., 2011. *Patterns of Linguistic Variation in American Legal English. A Corpus-Based Study*. Frankfurt a/M, 280 p.

Heine, B., 2003. Grammaticalization. In: B. Joseph and R. Janda, eds. *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford, pp. 575–601.

Maschler, Y., 2009. *Metalanguage in Interaction: Hebrew Discourse Markers*. Amsterdam.

Maschler, Y. and Schiffrin, D., 2015. Discourse Markers: Language, Meaning and Context. In: *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, pp. 189–221.

Müller, S., 2005. *Discourse markers in native and non-native English discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 290 p.

Pecorari, F. and Pinelli, E., 2024. Architetture testuali in contrasto: preferenze d'uso dei connettivi avverbiali italiani e russi nei corpora paralleli del NKRJa. In: M. di Filippo, O. Inkova and P. Macruová, eds. *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto*. Napoli. pp. 297–323.

Sansò, A., 2020. *I segnali discorsivi*. Roma, 128 p.

Schiffrin, D., 1987. *Discourse markers*. Cambridge.

Sokolova, O.V., 2025. Metatextual discourse markers as pragmatic units: A corpus-based analysis of poetic discourse and colloquial speech. *Russian Journal of Linguistics*, 29 (4), pp. 769–794, EDN: KHCVAF, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-45733>.

Traugott, E. C., 2018. Modeling language change with constructional networks. In: S.P. Bordería and Ó.L. Lamas, eds. *Beyond Grammaticalization and Discourse Markers*. Leiden; Boston, pp. 17–50.

Traugott, E. C., 2021. A constructional perspective on the rise of metatextual discourse markers. *Cadernos de Linguística*, 2 (1), e269, <https://doi.org/10.25189/2675-4916.2021.v2.n1.id269>.

Об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4399-0094

SPIN-код: 7413-1962

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Для цитирования:

Соколова О. В. Non sequitur: дискурсивный маркер *следовательно* в поэтическом и судебном дискурсах // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 148–166. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

NON SEQUITUR: THE DISCOURSE MARKER 'SLEDOVATEL'NO' (THEREFORE) IN POETIC AND JUDICIAL DISCOURSE

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 05.10.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8

The paper presents a comparative analysis of the inferential discourse marker Rus. 'sledovatel'no' (Eng. therefore) in poetic and judicial discourses. The relevance of the study lies in the insufficient attention paid to the pragmatic dimension of discourse markers in insti-

tutional and literary communication. The research aims to identify discourse-specific patterns of functional change in inferential markers operating under opposing communicative orientations: linguistic creativity in poetry and normative regulation in judicial discourse. The data comprise corpora of poetic and judicial texts. The methodology combines corpus-based discourse analysis with pragmatic and speech act theory. In poetic discourse, inferential markers may lose their function of logical inference and be reinterpreted as means of metalinguistic reflection and disruption of logical-syntactic relations. In judicial discourse, by contrast, inferential markers are integrated into procedural formulas and perform a declarative illocutionary function, institutionally fixing decisions and presenting them as logically inevitable. The study reveals a discourse-driven asymmetry in the pragmatic effects of inferential discourse markers, demonstrating their linguo-creative potential in poetry and their manipulative as well as regulatory functions in judicial communication.

Keywords: discourse markers, metatextual function, cause-effect, poetic discourse, judicial discourse, pragmatics, manipulation

Acknowledgements. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-20250001.

The author

Prof. Olga V. Sokolova, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4399-0094

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

To cite this article:

Sokolova, O.V., 2026, Non sequitur: the discourse marker 'sledovatel'no' (therefore) in poetic and judicial discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 148–166. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8.

**ПРАГМАТИКА ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СВЕТЕ КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНОГО
АНАЛИЗА: ВЫРАЖЕНИЕ «ИЗ РЯДА ВОН (ВЫХОДЯЩИЙ)»**

Т. Б. Радбиль^{1, 2}, Р. Х. Абдуллаева²

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,

Россия, 603022, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 22

² Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова,
Узбекистан, 140104, Самарканд, Университетский бульвар, 15

Поступила в редакцию 15.11.2025 г.

Принята к публикации 29.01.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-9

Освещены прагматические механизмы дискурсивной реализации имплицитной оценочности устойчивых выражений русского языка. Цель исследования заключается в выявлении неявной, наведенной ближайшим и дальнейшим контекстным окружением позитивной или негативной оценочности фразеологизмов, для которых в словарях наличие оценочных коннотаций не отмечено. В центре исследования находится идиома «из ряда вон выходящий» и ее стяженный вариант «из ряда вон». Непосредственная процедура исследования основана на авторской методике контентного и количественного корпусно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются лексикографические толкования выражений в основных толковых и фразеологических словарях русского языка, а также контексты их употреблений, извлеченные методом сплошной выборки из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Количественный анализ осуществляется по первым 100 вхождениям в корпус тестируемых выражений. Исходная семантика идиомы заключается в представлении об исключительных качествах, свойствах, признаках кого-либо / чего-либо. Проведенный на предварительном этапе исследования анализ лексикографических толкований для указанных выражений показал, что ни в зоне толкования, ни в зоне стилистических помет, ни в области импликаций из компонентов толкования нет информации о наличии какой-либо оценочности; имеет место только общее указание на экспрессию и на стилистическое ограничение (принадлежность к разговорной речи). Однако изучение массива корпусных употреблений выявило значительное преобладание контекстов с негативно-оценочной тональностью. Иначе говоря, в речевых практиках носителей русского языка выражение «из ряда вон (выходящий)» не принято употреблять для характеристики кого-либо / чего-либо подлинно ценного, исключительно положительного, особенно в духовном или нравственном плане. Сделан вывод о возможной национально-культурной обусловленности «дрейфа» фразеологизма «из ряда вон (выходящий)» в направлении имплицитной отрицательной оценочности.

Ключевые слова: выражение «из ряда вон (выходящий)», имплицитная оценочность, количественный анализ, корпусно-дискурсивный анализ, прагматика, русская разговорная речь, фразеологизм

1. Введение

В статье на новом материале развиваются идеи, разрабатываемые в нашем исследовательском проекте по описанию прагмасемантических и дискурсивных механизмов реализации наведенной оценочности в словах и выражениях русского языка (Радбиль 2025). Предлагаемый комплексный (контенсивный и квантитативный) подход к изучению корпусных данных обнаруживает свою валидность в области выявления на массиве «больших данных» скрытых, неявных компонентов смысла языковых единиц, заведомо отсутствующих в их словарном представлении, но при этом имеющих культурную значимость. Это так или иначе осознается носителями языка и потому регулярно воспроизводится в типовых контекстах употребления интересующих нас слов и выражений — в так называемых «репрезентативных контекстах» (Радбиль 2023), что, как показано в классических исследованиях по корпусной лингвистике еще на заре ее становления, можно «выловить» из референциальных корпусов языка (Firth 1957; Sinclair 1991).

В сферу нашего непосредственного исследовательского внимания попадает прагматика «языка ценностей», то есть оценочный потенциал разноуровневых единиц, категорий и моделей естественного языка, который проявляется на разных участках языковой системы в их речевой актуализации (Радбиль 2019). В науке о языке уже давно известно, что аксиосфера языка устроена достаточно сложно и не поддается однозначной интерпретации и верификации (Арутюнова 1999; Милованова 2022). Согласно принятой концепции исследования, наиболее интересны в этом плане средства непрямой, имплицитной речевой реализации оценочности, поскольку именно они являются объективным свидетельством неосознанной ценностной реакции носителей языка на те или иные аспекты окружающей действительности.

Речь идет о том, что языковая оценка не обязательно выражена в лексеме или во фразеологической единице эксплицитно, входя в ее семантику как компонент толкования или в качестве обязательного семантического следствия. Оценка может быть наведенной в словоупотреблении посредством его словесного окружения, так называемых коллокатов.

Мы предположили, что весьма перспективной разрабатываемая нами научная процедура может стать и для анализа наведенной оценочности экспрессивных фразеологизмов по корпусным данным. По нашим наблюдениям, многие русские фразеологизмы на интуитивном, эмпирическом уровне представляются в реальном речевом употреблении в качестве маркеров положительной или отрицательной оценочности, но при этом толковые или фразеологические словари никакой негативной оценочности не указывают. В настоящем исследовании тестированию на наличие оценочности, имплицитной ближайшим или дальнейшим контекстным окружением, подвергается фразеологизм *из ряда вон выходящий* и его, так сказать, стяженная версия — *из ряда вон*.

2. Методология, методы и материал исследования

Методологической базой предпринятого исследования выступают идеи комплексного описания активных процессов в русском языке (Радибурская 2016), современного когнитивно ориентированного дискурса-анализа корпусных данных (Радибурская 2021; Чернявская, Хохлова 2024), а также разрабатываемые в зарубежной лингвистике и принципы прагматической стилистики (Black 2006), «аффективной прагматики» (Scarantino 2017) и экспериментальной прагматики (Noveck 2021). Корпусно ориентированный компонент предложенного научного инструментария базируется на концепции «семантической ауры» («семантической просодии») слова, под которой понимается фрагмент смысла, извлекаемый из совокупности корпусных вхождений анализируемой единицы, но при этом не отраженный в ее лексикографическом представлении (Louw, Milojkovic 2016). Как правило, речь идет о разнообразных интересующих нас оценочных оттенках смысла.

Непосредственная исследовательская процедура представляет собой авторскую методику комплексного (содержательного и количественного) корпусно-дискурсивного анализа, который проводится по первым 100 вхождениям тестируемых слов. В соответствии с технологией «сантимент»-анализа как компьютеризированной методики анализа эмоциональной тональности текста (Prabowo, Thelwall 2009; Колмогорова и др. 2018) оценивается контекст для тестируемых выражений. «Разметка» собранного материала осуществляется вручную: определяется частота негативно-оценочного, и позитивно-оценочного «сантимента», также размечаются установленные факты отсутствия «сантимента», то, что можно назвать внеоценочным (нейтральным) контекстом употребления. Ранее эмпирическим путем была установлена пороговая частота, позволяющая объективно говорить о наличии имплицитной, наведенной в дискурсе негативной или позитивной оценки в слове или выражении — примерно 55 % вхождений (+ / -5 % берется на возможные отклонения при подсчете) (Радбиль 2025).

Материалом исследования являются лексикографические толкования слов в основных толковых и фразеологических словарях русского языка (БАС 1961, т. 12; МАС 1987, т. 3; БТСРЯ 2000; Федоров 2008; Телия 2024), а также контексты, извлеченные методом сплошной выборки из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ 2025).

Принятая процедура исследования включает следующие этапы. На первоначальной стадии рассматриваются словарные толкования интересующих нас выражений. Далее осуществляется исследование корпусного материала, включая квантитативный анализ и его содержательную интерпретацию.

3. Результаты корпусно-дискурсивного анализа фразеологизма «ИЗ РЯДА ВОН (ВЫХОДЯЩИЙ)» и их обсуждение

Полная версия фразеологизма *из ряда вон выходящий* и его стяженная версия *из ряда вон* исследуются по отдельности, так как эти варианты обнаруживают **разные** семантические, грамматические и прагматические свойства.

3.1. Фразеологизм «из ряда вон выходящий»

Согласно принятой концепции исследования, сначала анализируются данные лексикографических источников. И толковые, и фразеологические словари единодушно, с незначительными вариациями толкуют семантику фразеологического оборота *из ряда вон выходящий* следующим образом: 'Разг. Резко отличающийся от других себе подобных, выдающийся в каком-либо отношении' (БАС 1961, т. 12); 'Необыкновенный, сильно отличающийся от других (МАС 1987, т. 3); 'Выдающийся, необычный' (БТСРЯ 2000); 'экспр. Выдающийся, необычный (о чём-либо)' (Федоров 2008). В «Большом фразеологическом словаре русского языка» данное выражение не зафиксировано (Телия 2024).

По морфологическим свойствам выражение *из ряда вон выходящий* можно квалифицировать как адъективный фразеологизм. Как и обычное прилагательное, он может выступать: (1) в синтаксической функции определения: *Основная сложность заключалась в том, что даже церковь не была в состоянии официально брак упразднить, если на то не было из ряда вон выходящих причин* [Федор Успенский. Как женились и разводились Рюриковичи (Конспект третьей лекции курса «Рождение, любовь и смерть русских князей») // Арзамас. 2022]; (2) как именная часть составного именного сказуемого: *Вы уже взрослые, должны понимать, что такой случай – из ряда вон выходящий, что такое поведение неприемлемо!* [Константин Арбенин. Секундант // Октябрь. 2013].

При этом в функции определения этот фразеологизм может быть в **препозиции**, когда в релативную зону попадает определяемое слово: *Однозначно, начальник, – ответствовал он, проделав все необходимые пацанские движения: раздвинул в заискивающей улыбке губы, расставил пальцы, всплеснул руками, глазами же изобразил чрезвычайную, из ряда вон выходящую законопослушность* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет. 2005], – и в **постпозиции**, когда релативически маркируется само свойство необычности, необыкновенности характеризуемого явления: *Но не только в княжеском роду случались смерти из ряда вон выходящие* [Федор Успенский. Посмертные прикличения князей (Конспект пятой лекции курса «Рождение, любовь и смерть русских князей») // Арзамас. 2022].

В целях нашего исследования важно, что ни в зоне толкования, ни в зоне стилистических помет, ни в области импликаций из компонентов толкования мы не обнаруживаем указания хоть на какую-либо оценочность: имеется только общее указание на экспрессию и на стилистическое ограничение (принадлежность к разговорной речи).

Однако анализ массива корпусных употреблений, который осуществляется на следующем этапе исследования, дает несколько иную картину. Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о наведенной оценочности. Анализируя особенности «поведения» тестируемой единицы в контекстном окружении, мы постараемся определить, какого рода объекты, явления, ситуации или их свойства говорящие по-русски маркируют как *из ряда вон выходящие* — условно «плохие», условно «хорошие» или ни плохие, ни хорошие, а нейтральные.

Подчеркнем, что избранный нами научный инструментарий прежде всего позволяет выяснить, насколько часто носители русского языка считают что-то *из ряда выходящее* плохим и насколько часто — хорошим. И только потом, в плане содержательной интерпретации значительно количественного корпусного материала, можно будет сделать какие-либо более или менее доказательные предположения о том, хорошо ли это вообще, в русской языковой картине мира, — быть *из ряда вон выходящим* — или плохо.

Даже при предварительном, эмпирическом изучении корпусного материала, до всяческих подсчетов, в глаза бросается значительное количество контекстов с негативно-оценочной тональностью. В наших предыдущих исследованиях (Радбиль 2025) было выявлено несколько типовых моделей, типов репрезентативных контекстов, где с достаточной степенью эвристичности, предсказуемости наводится имплицитная оценочность того или иного знака (в нашем случае — негативная).

Прежде всего — это контекст непосредственной сочетаемости с определяемым словом — существительным, которое содержит эксплицитную негативную оценку (то есть само по себе обозначает «что-то плохое»): *Если все было тихо, это всегда означало плохое: то ли кто-нибудь из мальчиков заболел, то ли они вместе замышляют какую-нибудь из ряда вон выходящую пакость* [И. Грекова. Под фонарем. 1963]; *Для того времени это была из ряда вон выходящая авария, сегодня сопоставимая разве что с падением вертолета на автомобиль* [В. О. Авченко. Правый руль. 2009]; *И хоть бы врал про себя что-нибудь хорошее. Ведь врет, чтоб показаться еще большим мерзавцем, чем есть. Сам — ординарное ничтожество, а изображает из ряда вон выходящего негодяя* [М. К. Кантор. Дом на пустыре. 2011]; *Хотя и твой рядовой человек — из ряда вон выходящая дрянь* [Леонид Зорин. Глас народа // Знамя. 2008].

Также сильной позицией для имплицитирования негативной оценочности у тестируемого фразеологизма является его постановка в ряд однородных членов с определениями, выраженными словами с эксплицитной негативной оценкой: *Торговля церквами в России наших дней воспринимается, конечно же, как из ряда вон выходящее, почти кошунственное явление* [Изгнание торгующих храмом // Коммерсант. 28.12.2020]; *У дур ведь хорошая интуиция на глупости, на событиях из ряда вон выходящих, на всякие патологические неординарности экстремального толка и прочую ерунду* [Кира Сурикова. Ира — дура. 2003].

В более сложных случаях негативная оценочность наводится в пределах содержания всего расширенного контекста посредством семантики употребляемых слов, не контактирующих непосредственно с ана-

лизируемым, или посредством импликаций из общего смысла всего фрагмента: *Впереди бежала Каринка. Сестра страсть как любила всякие приключения и, если где-то случалось что-то из ряда вон выходящее, первой оказывалась на месте происшествия. И первой же потом приносила дурные вести домой* [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник). 2012]; *В доме по улице Железнодорожников застрелили хозяина квартиры. «Огнестрел» – по тем временам событие из ряда вон выходящее. А потому раскрытию данного преступления придавалось особое значение* [Олег Логинов. Как раскрываются убийства // Криминальный отдел. 2010]; *Правители были спокойными, уравновешенными людьми. Если с ними и случалось что-то из ряда вон выходящее, они это никак не афишировали. Редко-редко до общественности доходила весть о том, что вице-Сидоров Самарской области арестован за избивание резиновой дубинкой подростка, а на ненецкого Сидорова возбуждено уголовное дело, потому что он отхлестал по мордасам гаишника, посмеявшегося остановить его автомобиль* [Юлия Калинина. Военная реформа пивного алкоголизма // Московский комсомолец. 14.01.2003].

Также в наших предыдущих работах был выявлен такой специфический прагмалингвистический механизм наведения оценочности того или иного знака, как **инференция**. Это информация, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. (Болдырев 2014):

А главное, случилось нечто из ряда вон выходящее, будь оно неладно! [Евгения Ярцева. Как опасно колдовать, не имея сноровки // Пионерская правда. 2009], – здесь наводится инференция ‘случилось что-то из ряда вон выходящее, негативно оцениваемое говорящим’;

Вы уже взрослые, должны понимать, что такой случай – из ряда вон выходящий, что такое поведение неприемлемо! [Константин Арбенин. Секундант // Октябрь. 2013], – здесь наводится инференция ‘случай из ряда вон выходящий как проявление неприемлемого поведения’;

В Эрмитаже творилось что-то из ряда вон выходящее, это Маша теперь знала точно. Она чувствовала это своим репортерским носом. Вынесли одну картину, вторая осталась в зале. Вот интересно, с которой из двух мадонн приключилось что-то плохое? [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи. 2010], – здесь наводится инференция ‘случилось что-то из ряда выходящее плохое’.

В корпусном материале обнаруживаются, пусть и в значительно меньшем количестве, примеры, где в непосредственном контекстном окружении наводится и положительная оценочность, когда как из ряда вон выходящее оценивается и что-то хорошее. Сами модели имплицирования позитивной оценочности аналогичны моделям наведения оценочности отрицательной.

Прежде всего это контекст непосредственной сочетаемости с определяемым словом – существительным, которое содержит эксплицитную позитивную оценку (то есть само по себе обозначает «что-то хорошее»): *Причем подобного рода поведение, скорее всего, не будет рассматриваться сторонами как проявление какой-то исключительной, из ряда вон*

выходящей щедрости... [Д. Г. Подвойский. Национальный характер как фактор хозяйственной жизни // Человек. 2004]; Думбадзе отмечал «*из ряда вон выходящие способности*» партизанских командиров, «их необыкновенную изобретательность в снабжении вооружением отрезанных от всего мира частей» и примеры «необыкновенного военного таланта, редко встречающегося даже у профессиональных военачальников» [В. О. Авченко. Фадеев. 2017].

Также имеются случаи реализации еще одного типа сильной позиции для имплицирования позитивной оценочности – употребление адъективного фразеологизма в ряду однородных членов с определениями, выраженными словами с эксплицитной положительной оценкой: *Дружба с Риной Зеленой очень меня возвышала, и я дорожил ею. Рина – и артистка особенная, и человек совершенно незаурядный, из ряда вон выходящий* [З. Е. Гердт. Рыцарь совести. 2010]; *Автор «Обломова» в своем мемуаре как бы мимоходом сообщает, что во время Крымской кампании главнокомандующий, князь Горчаков, «свидетельствовал, что прошедшие курс университетского образования были и отличными, из ряда вон выходящими офицерами»* [Игорь Волгин. Сокрушаемый Карфаген // Октябрь. 2005].

По аналогии с негативной оценочностью оценочность позитивная может наводиться и в пределах содержания всего расширенного контекста – посредством семантики употребляемых слов, не контактирующих непосредственно с анализируемым, или посредством импликаций из общего смысла всего фрагмента: *А в результате – запретили Юдиной играть в Ленинграде. Ну зачем эта глупая фрonda? Разве ж она чтец-декламатор? Пианистка из ряда вон выходящая. Вот и продолжала бы играть на фортепиано. И людям были бы радость и утешение* [Геннадий Горелик. Чудо-дерево Культуры – Дерево познания // Знание – сила. 2011]; *Я не хочу сказать, что спектакль «Тиль» в 1974 году был чем-то из ряда вон выходящим, вехой в мировой истории. Нет. Но по-моему, получилось долгожданное, красочное и весьма заразительное зрелище* [М. А. Захаров. Театр без вранья. 2007].

Также положительная оценочность может имплицироваться в контекстном окружении посредством прагмалингвистического механизма инференции:

Для нас осенняя фиеста, праздник Скинни Завета – событие из ряда вон выходящее: ведь мы готовимся к нему целый год! [Вероника Генина. Иерусалим: объяснение в любви (2003) // Вестник США. 29.10.2003], – наводится инференция ‘событие из ряда вон выходящее, которое оценивается как крайне желательное для говорящего’;

А вынесение оправдательного приговора является не чем иным, как из ряда вон выходящим событием всероссийского масштаба [Юлия Карапетян. Этот миф придуман не нами // Коммерсант. 08.12.2020], – наводится инференция ‘событие из ряда вон выходящее, которое оценивается как исключительно благоприятное в свете ожиданий говорящего’;

В этой церкви имеется кафедра, с которой иногда читаются проповеди на русском языке. Это что-то новое и из ряда вон выходящее, так как прежде у русских проповеди не говорились... [Т. А. Базарова. План петров-

ского Петербурга. Источниковедческое исследование. 2003], — наводится инференция ‘что-то из ряда вон выходящее, которое положительно оценивается говорящим’.

Достаточно большое количество контекстов было размечено нами как нейтральные, внеоценочные. Прежде всего это такие примеры, в которых определяемое слово при атрибутивном *из ряда вон выходящий* эксплицитно — ни в толковании, ни в импликации компонентов толкования, ни в стилистической коннотации, отраженной в пометах, — оценочности не содержит, а дальнейший контекст также не предполагает возможной негативно-оценочной или позитивно-оценочной интерпретации: *О, Боже, опять этот Галушко! Почему? Какая странность... За этим явно стоит что-то из ряда вон выходящее, какая-то тайна...* [Вацлав Михальский. Для радости нужны двое. 2005]; *По его словам, мавританская рыбалка с дельфинами не являлась чем-то из ряда вон выходящим* [Станислав Иванов. Плавание на «Тринакрии» // Октябрь. 2013]; *В принципе, в происходящем не было ничего из ряда вон выходящего, хотя вряд ли так уж часто начальник курса угощает коньяком офицеров-воспитателей* [Владимир Васильев. Шуруп. 2013]; *Живут спортсмены здесь же, в гостинице, и ни в чем не нуждаются, поспешил объяснить ошеломленным слушателям улыбочивый наставник, которому, видимо, это не казалось чем-то из ряда вон выходящим* [Большая китайская стена // Русский репортер. 21 — 28.08.2008].

Как правило, в таких случаях речь идет о каком-либо событии, которое выделяется в ряду остальных в силу своей яркости, оригинальности, экзотичности, но при этом никак не оценивается в поле действия общеоценочной оппозиции по шкале ‘хорошо’ — ‘плохо’: *Для сюжета любого произведения, чтобы заинтересовать читателя, надо что-то необычное, из ряда вон выходящее, экзотическое* [Д. И. Саврасов. Про искателей алмазов. 2003 — 2008]; *И если у папы выражение лица было однозначно свирепое, то дядя Миша выглядел так, словно только что увидел что-то из ряда вон выходящее. Говорящую лопату, например* [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник). 2012]; *И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: голубь привстал, перья на груди его раздвинулись, обнажив лысое пятно. На этом сюрпризы не завершились. Он потянулся, и вдруг в газету упало... яйцо!* [Майя Валеева. Кусаки, рыжий бес // Наука и жизнь. 2008].

На следующем этапе исследования по первым 100 вхождением в корпус осуществляется квантитативный анализ размеченных данных, который обобщается в таблице 1.

Таблица 1

**Количественный анализ контекстов с имплицитной оценочностью
для фразеологизма *из ряда вон выходящий***

Тип оценочности	Частотность, %
Контексты с негативной оценочностью	56
Нейтральные контексты	28
Контексты с позитивной оценочностью	16

Таким образом, мы видим преобладание примеров с негативной оценочностью почти в два раза над примерами с оценочностью нейтральной и более чем в четыре раза — над примерами с оценочностью позитивной. Исходя из определенной нами ранее пороговой величины примерно в 55 %, показатель для негативной оценочности у фразеологизма *из ряда вон выходящий* в 56 % — значимое свидетельство наличия существенного «дрейфа» семантической ауры этого фразеологизма в направлении развития негативно-оценочного потенциала.

И тогда возникает закономерный вопрос, как это можно интерпретировать? Мы можем предположить, что преобладание негативно-оценочной окраски для фразеологизма *из ряда вон выходящий* во многом связано с его внутренней формой — образной основой, которая заключается в визуальном представлении чего-либо как выделяющегося из ряда ему подобных существ, объектов, явлений, сущностей и т. п. А это, в свою очередь, связано с идеей некой чрезмерности, излишне сильного проявления чего-либо. Как показано в коллективных монографиях (Радибурская 2016; 2021), в системе ценностей, в «наивной аксиологии», русской языковой картине мира любая чрезмерность как индикатор отклонения от нормы потенциально оценивается отрицательно — даже в случае оценки самого явления как положительного.

Так, чрезмерными могут стать патриотизм, добродетельность, широта души и даже милосердие — см. в этой связи примечательный контекст из Интернета: В «*Sage о Греттире*» упоминается некий конунг (князь) по прозвищу Эльвин Детолоб. Это насмешливое прозвище он получил за то, что запрещал своим воинам во время набегов подбрасывать и ловить на копья грудных младенцев. Для той среды это было *из ряда вон выходящее милосердие* (Худиев и др. 2003).

В качестве косвенного подтверждения предлагаемой нами интерпретации приведем примечательный фрагмент из вопросно-ответного диалога на сайте «Грамота. ру»: [Вопрос №207658] *Можно ли к фразеологизму «из ряда вон выходящий» подобрать в качестве синонимов слова «выдающийся» и «знаменательный»? // [Ответ] Нельзя, поскольку «из ряда вон выходящий» — резко отличающийся от других, обычно в плохую сторону* (Грамота.ру 2006).

Видимо, в языковом сознании современных носителей языка все же так или иначе интуитивно ощущается какой-то негативно-оценочный шлейф, стоящий за фразеологизмом *из ряда вон выходящий*, своего рода установка на понижение ценностного регистра характеризуемого посредством данного выражения явления.

3.2. Фразеологизм «из ряда вон»

По аналогии с проанализированной выше полной версией фразеологизма для его стяженной версии *из ряда вон* также сначала рассмотрим словарные толкования. В первом приближении представляется, что различия между полной и элиминированной версией должно быть чисто формальным и не затрагивать семантики. Однако наши наблю-

дения показывают, что о полном параллелизме говорить все же не приходится: скорее, можно указать на наличие некоторых областей пересечения.

Первое расхождение связано с грамматическими функциями рассматриваемых единиц. Фразеологизм *из ряда вон* является:

(1) наречным фразеологизмом в роли обстоятельства меры и степени (относясь к прилагательному, безлично-предикативному слову или другому наречию): *Ведь речь идет не о единичных сбоях, волна отказов прошла везде вслед за волной холодов, которые вовсе не были из ряда вон суровыми* [Сергей Телегин. Царь-холод — 2 // Советская Россия. 08.04.2003]; *Когда пытаешься что-либо вложить, получается из ряда вон плохо* [Анастасия Гулина. Стремление к лучшему результату // Богатей (Саратов). 24.04.2003];

(2) несклоняемым предикативным прилагательным в функции именной части составного именного сказуемого: *И это был, скорее даже не куст, а дерево, которое не так давно начало жить на этом свете, но было видно, насколько оно исключительно, из ряда вон* [А. М. Тавров. Рассказы о Стече // Волга. 2013].

Видимо, фразеологизм *из ряда вон*, в отличие от своей полной версии *из ряда вон выходящий*, не может полноценно выступать в роли определения, хотя несколько примеров, которые можно было бы интерпретировать в подобном ключе, мы все же нашли: *Чашу терпения коллектива дошкольных педагогов переполнил последний из ряда вон поступок* [Александр Брейтман. Опыты быстротекущей жизни // Дальний Восток. 2019]; *Но к явлениям «из ряда вон» фильм никак не отнесешь, если, конечно, не брать во внимание кассу* [Андрей Гусев. VHS // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 16.12.2002]. Но эти примеры все-таки представляются несколько окказиональными.

Второе расхождение связано с бóльшим семантическим объемом стяженного варианта *из ряда вон*, что, в свою очередь, обуславливает и его бóльшую смысловую распределенность. Несмотря на то что в БАС и МАС для этого выражения указано лишь одно значение: 'Разг. В сочетании с именем прилагательным употребляется для обозначения наивысшей степени качества, указанного прилагательным' (БАС 1961, т. 12; МАС 1987, т. 3), более поздние лексикографические источники дают уже целых три значения. Это видим, например, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова:

'Разг. 1. какой. Очень, чрезвычайно, совсем. В сочетании с именем прилагательным употребляется для обозначения высшей степени качества, указанного прилагательным. *Лето в этом году выдалось из ряда вон скучное* (Салтыков-Щедрин. Старческое горе); 2. Очень плохо, скверно, никуда не годится. *Но когда отец или мать становятся в позу обиженного школьника, сквозь зубы здороваются с педагогом, — честное слово, такое уж совсем из ряда вон* (В. Бязьрова. Наша общая забота); 3. что. Необычный, ненормальный; выходящий из ряда вон. *В необитаемых дебрях Горного Алтая были обнаружены староверы-отшельники Лыковы. Случай из ряда вон, из категории очевидно-невероятного.* (С. Кондратов. В чужой стихии)' (Федоров 2008).

Также три значения представлены в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова: 'Разг. I. в значении наречия. 1. Очень плохо. *Пел из ряда вон*. 2. (в сочетании с последующим прилагательным). Необычайно, особенно. *Из ряда вон дурной день*. II. в значении прилагательного. Очень плохой. *Поведение твое — из ряда вон*' (БТСРЯ 2000).

На следующей стадии исследования рассмотрим, насколько данные лексикографических источников соответствуют корпусным данным, то есть реальному речевому употреблению фразеологизма *из ряда вон*. Как видим, в словарях для этого фразеологизма обнаруживается явный крен в сторону негативно-оценочной семантики, что эксплицитно представлено в словарных толкованиях — см. фрагменты толкований: 'очень плохо, скверно, никуда не годится' (Федоров 2008); 'очень плохо'; 'очень плохой' (БТСРЯ 2000). Однако, как мы покажем далее, корпусные употребления демонстрируют картину более пеструю, более неоднозначную.

Отметим, что полноценный квантитативный анализ по 100 вхождениям провести не удалось, так как по основному корпусу НКРЯ выявлено всего 96 примеров, а наша методика требует как минимум по 100 для каждого значения, то есть хотя бы 300. Однако кое-какие статистические закономерности мы все-таки выявили.

Начнем с употребления, маркированного в словаре А. И. Федорова как 3: 'Необычный, ненормальный; выходящий из ряда вон' (в словаре под ред. С. А. Кузнецова — II: 'в значении прилагательного. Очень плохой' — это значение ограничено только негативно-оценочной формулировкой). Только это значение реально представляется как элиминированное, с пропуском компонента *выходящий*; и оно по этой причине действительно полностью соответствует значению исходного, нестяженного фразеологизма *из ряда вон выходящий*.

Сигналом пропуска может являться, например, несколько странная сочетаемость стяженного компонента *из ряда вон*, которая воспринимается нормально только при восстановлении пропущенного компонента *выходящий*: *Чашу терпения коллектива дошкольных педагогов переполнил последний из ряда вон поступок* [Александр Брейтман. *Опыты быстрой жизни* // Дальний Восток. 2019]. — Здесь аномальная сочетаемость **последний из ряда вон поступок* нормализуется при восстановлении пропущенного компонента *выходящий* — *последний из ряда вон выходящий поступок*.

Также сигналом пропуска может быть попадание стяженного несклоняемого компонента *из ряда вон* в адъективном употреблении в ряд однородных членов, представленный обычными прилагательными: *И что-то было в этом безусловное, такое, что и следовало ожидать и от князя, и от Коли, и от ежа. И одновременно — совершенно из ряда вон, таинственное, абсурдное, уморительное* [Борис Рогинский. *Нечто об еже* // Звезда. 2003]. Имеется в виду — *из ряда вон выходящее, таинственное, абсурдное, уморительное*.

Несмотря на то что в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова такие употребления ограничены только эксплицитной негативно-оценочной семантикой, корпус дает примеры и нейтрального, и позитивно-оценочного употребления, которые, при незначительной преобладании негативно-оценочного, распределены примерно одинаково, что видно из таблицы 2.

Таблица 2

Стяженные употребления фразеологизма *из ряда вон*

Тип оценки	Примеры	Количество
Негативная	<i>Но бывают грехи из ряда вон, и тогда досрочно выталкивают домой в три шеи</i> [В. Лихоносков. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1–2. 1983] = из ряда вон выходящие	14
Нейтральная	<i>Интересное и есть необыкновенное, из ряда вон, то есть из этой действительности</i> [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь. 2002] = из ряда вон выходящее	8
Позитивная	<i>Уже с первых слов речи вы чувствуете, что имеете дело с талантом из ряда вон, с силой</i> [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год. 1876] = из ряда вон выходящим	10
	<i>Всего</i>	32

Теперь рассмотрим употребления, значение которых полностью расходится с исходным нестяженным фразеологизмом *из ряда вон выходящий*. Прежде всего это наречное употребление, отмеченное в словаре А. И. Федорова как 1: 'Очень, чрезвычайно, совсем. В сочетании с именем прилагательным употребляется для обозначения высшей степени качества, указанного прилагательным'; в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова оно указано как I. 2: '(в сочетании с последующим прилагательным). Необычайно, особенно'. Здесь уже нельзя восстановить компонент *выходящий*, потому что его место занимает в конструкции другое прилагательное или причастие.

По сути, в этом значении фразеологизм употребляется в функции обстоятельственного интенсификатора, усиливающего значение признака, выраженного опорным прилагательным. Поэтому знак наведенной оценочности обусловлен эксплицитной оценочной семантикой прилагательного или ее отсутствием. В корпусных примерах контексты негативно-оценочного, позитивно-оценочного и внеоценочного употреблений распределены примерно поровну, опять же с незначительным преобладанием употреблений с отрицательной оценочностью, что видно из таблицы 3.

Таблица 3

**Употребления фразеологизма *из ряда вон*
в функции обстоятельственного интенсификатора**

Тип оценки	Примеры	Количество
Негативная	<i>Она как чувствует, что я собираюсь заставить ее дочь сделать что-то из ряда вон неприятное, и всегда появляется в этот момент</i> [Борис Левин. Иностранное тело. 1965–1994]	12
Нейтральная	<i>Писали они, разумеется, то, что всегда пишут, – сообщали новости крупные, так сказать, общего характера и общего интереса и для больших и для детей – кто умер из соседей, у кого что случилось из ряда вон что-нибудь необыкновенное...</i> [С.Н. Терпигорев. Марфинынкино счастье. 1888]	7
Позитивная	<i>Уха из него была действительно чем-то из ряда вон хорошим и питательным</i> [К.К. Случевский. Поездки по Северу России в 1885–1886 годах. 1897]	9
	<i>Всего</i>	28

Здесь следует отметить, что корпусные данные позволяют сделать и некоторые наблюдения в области того, что в последнее время именуют как «микродиахронические корпусные исследования» (Олонцев 2024), то есть оценить динамику изменения значения во времени по близким периодам, например от XIX к XXI веку.

Применительно к обсуждаемому типу употребления *из ряд вон* укажем, что современные контексты все же имеют крен в сторону негативно-оценочной имплицитной оценочности. Видимо, *из ряда вон* все же имплицитно какое-то не вполне уловимое снижение оценочного регистра. Косвенным подтверждением этого наблюдения может послужить то обстоятельство, что этот фразеологизм очень плохо сочетается с прилагательными, обозначающими абсолютные, аксиоматические, высшие духовные или нравственные ценности непараметрического характера, для которых не может быть превышения по признаку нормы. Например, сомнительно – что-то вроде **из ряда вон милосердный*, а если так все-таки скажут, то это, скорее всего, будет, иронический контекст, контекст, несколько снижающий, дезавуирующий обозначенный признак.

В свое время мы постулировали понятие псевдоценностей, то есть ценностей, которые, в отличие от абсолютных ценностей, могут быть хорошими только при некоторых условиях, с оговорками (карьеризм, индивидуализм, эгоизм, успешность и под.). Нами также был обнаружен ряд репрезентативных контекстов, которые выявляют наличие псевдоценности для характеризуемой единицы: *в хорошем смысле слова, по-хорошему* и некоторые другие (Радбиль 2023).

Как выяснилось, фразеологизм *из ряда вон* также является подходящим кандидатом в репрезентативные контексты для выявления псев-

доценностей, потому что со словами и выражениями, обозначающими «претендентов» на статус псевдоценности, он сочетается хорошо, например: *Появление Льва Николаевича, подающего руку Льву Николаевичу, вызвало огромную сенсацию, как мне передавали потом, и вся затея оказалась из ряда вон остроумной, удачной и очень веселой* [Л. О. Пастернак. Записки разных лет. 1943]; *Идет? Можно даже на целую полосу. Да ну их, эти дела, не хочу сейчас о них. У меня событие из ряда вон произошло – кучу денег на скачках выиграл* [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть. 2000]. В свою очередь, со словами и выражениями, выражающими абсолютные положительные ценности, этот фразеологизм, напротив, практически не сочетается.

Однако так было не всегда. В примерах из сформированного нами на базе основного корпуса НКРЯ (НКРЯ 2025) подкорпуса 1800–1910 годов мы встретили употребления в экстенциональном контексте, то есть не в риторическом, не в ироническом или каком ином косвенном, где из ряда вон используется при интенсификации прилагательных, обозначающих безусловные положительные ценности: *... вот основные черты характера наседки, вот основные черты характера этой из ряда вон доброй матери* [А. К. Шеллер-Михайлов. Вешние грозы. 1892]; *Он – из ряда вон даровитый, разносторонне образованный, поразительно чуткий молодой деятель с огненными мыслями, широкими горизонтами...* [А. И. Богданович. Дневник. 1903]; *Это была девушка из ряда вон умная, как отец, но такая же сухая, сосредоточенная, как он, с очень пылкой головой, но едва ли с нежным сердцем* [Е. М. Феокистов. Воспоминания. 1896]; *Потому ли, что она действительно из ряда вон привлекательна, или же потому, что именно она-то одна для него и недостижима среди всех женщин Высоксы* [Е. А. Салиас. Владимирские Мономахи. 1891].

Содержательная интерпретация выявленного посредством научного аппарата микродиахронического корпусного анализа подобного «микродиахронического сдвига» в сторону усиления негативно-оценочных семантических аур у фразеологизма *из ряда вон* за период от XIX к XXI веку – дело дальнейших исследований.

Наконец, перейдем к наиболее интересному в плане выражения ценностей типу употребления фразеологизма *из ряда вон*: ‘очень плохо, скверно, никуда не годится’, который маркирован в словаре А. И. Федорова как значение 2, а в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова отмечен как значение I. 1: ‘в значении наречия. Очень плохо. *Пел из ряда вон*’. Уже на уровне словарного толкования для выражения *из ряда вон* отмечается эксплицитная негативная оценка.

Мы условно именуем это значение **эвфемистическим**, которое, в модуле косвенного речевого акта намек, смягчает прямые номинации типа *плохо* или *плохой*, например: *Но более всего поражала людей необычайная, нечеловеческая жестокость Петра <...>. В глазах народа он потерял человеческий облик – был из ряда вон, немислим* [Ольга Чайковская. Великий царь или Антихрист? // Звезда. 2001], – здесь наводится инференция ‘ужасен’.

В этих случаях используется уже описанный нами ранее прагмалингвистический механизм инференции, в области которой восстанавливается пропущенный негативно-оценочный смысл. Иногда дальнейший контекст позволяет конкретизировать, что нечто случившееся, характеризуемое посредством интенсификатора *из ряда вон*, — это именно что-то плохое: *Да и звонили-то ему по ночам нечасто: значит, что-то из ряда вон случилось. // — Меня Князев с другом своим похитили, привезли в Серпухов, — объяснял Вдовин, — пытали, резали меня* [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть. 2000], — здесь наводится инференция ‘случилось что-то ужасное’.

Однако анализ корпусного материала показал и определенные расхождения с лексикографическими представлениями *из ряда вон*. В частности, мы выявили контексты, в которых эвфемистические употребления могут имплицитировать и позитивно-оценочную инференцию:

Немногие оставшиеся от тех лет свидетели вспоминают это событие как из ряда вон: люди обнимались, целовались, поздравляли друг друга с явлением гения [Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе. 2003], — здесь наводится инференция ‘событие исключительно благоприятное’;

...и все-таки глазами первокурсника, причисленного к сонму счастливиц, принятого в ряды, где каждый из ряда вон, уникал, олимпиадник, гений вот он идет... [Екатерина Завершнева. Высота. 2012], — здесь наводится инференция ‘исключительно талантливый, одаренный’.

Как и в случае с описанной выше негативно-оценочной инференцией, позитивно-оценочная инференция также может конкретизироваться, расшифровываться в дальнейшем контекстном окружении, в последующем контексте:

Судьба не часто балует представителей девичьего знака, но уж к Новому году всегда припасет нечто из ряда вон (хорошее). Окружающим непросто отделаться дежурным парфюмом или практичным браслетиком, они готовы излить на вас накопленную (изрядно) любовь в полном объеме [Новогодний Зодиак // 100 % здоровья. 11.12.2002], — здесь наводится инференция ‘что-то неожиданно хорошее’;

– *Фрик. Его стабильность — из ряда вон. Он слишком хорош* [Отдел «Спорт». Кирьос назвал Медведева зверем и фриком после победы на турнире в Цинциннати // gazeta.ru. 19.08.2019], — здесь наводится инференция ‘исключительно хорош’.

При этом квантитативный анализ показал, что общее соотношение негативно-оценочных и позитивно оценочных инференций для условно эвфемистических употреблений *из ряда вон* все равно в пользу негативных: из общего массива в подкорпусе в 34 единицы к контекстам употреблений с имплицитной негативной оценочностью относится 21 единица против 13 позитивно-оценочных употреблений.

Однако микродиахронический корпусный анализ позволил, так же как это было сделано для употреблений выражения *из ряда вон* в функ-

ции обстоятельственного интенсификатора, выявить значительное увеличение контекстов эфемистических употреблений *из ряда вон* с позитивной оценочностью в предшествующий период развития языка — для XIX века:

– *А что, любезнейший Нестор Васильевич, — перешел Никольский в «партикулярный» тон, кладя руку на плечо любимого ученика, — скажите-ка по совести, совсем, знаете, откровенно: как вам мое творение показалось? // — Из ряда вон! — с почтительным поклоном отвечал ученик-дипломат. — И Сумароков, и Херасков, без сомнения, с радостью подписали бы под ним свое имя...* [В.П. Авенариус. Гоголь-студент. 1898], — здесь наводится инференция ‘исключительно талантливое’;

– *Не из ряда вон, а все же может вполне стать наряду с «Москалем Чаривником» Котляревского, тем более что и по содержанию с ним очень схожа. Так что иной зритель, чего доброго, заподозрит, что Гоголь-Яновский просто позаимствовал всю пьесу у Котляревского и только имена действующих лиц переставил?* [В.П. Авенариус. Гоголь-гимназист. 1897], — здесь наводится инференция ‘исключительно талантливая (пьеса)’.

Как видим, большинство позитивно оценочных употреблений связано с оценкой творцов и творчества, но, возможно, это обстоятельство следует отнести к отражению особенностей формирования источников для корпуса применительно к XIX веку.

В целом мы пока не готовы сказать, чем объясняется обнаруженный нами в подкорпусе 1800–1910 годов некоторый перекосяк в сторону позитивно-оценочных употреблений *из ряда вон* для предшествующего периода развития русского языка. Эта проблема также требует дальнейших исследований.

4. Заключение

Продемонстрированный в статье научный инструментарий комплексного корпусно-дискурсивного анализа прагматики имплицитной оценочности русских фразеологизмов призван внести свой вклад в проблему верификации лингвокультурологического знания и легитимации процедур исследования «языка культуры», по поводу которого существует много поверхностных суждений, необоснованных научных спекуляций. Чаще всего научные изыскания в этом направлении описывают интуицию исследователя, а предлагаемый нами подход способен подтвердить ее (или опровергнуть) с опорой на объективный материал репрезентативных массивов корпусных данных. Универсальность и простота методики позволяет распространить ее на разные типы дискурса, разные источники, разные периоды и пр. на предмет установления как вариативности имплицитной оценочности самих анализируемых единиц, так и особенностей коллокатов, генерирующих тот или иной тип оценки, и т. д.

Список источников и литературы

Арутюнова, Н.Д., 1999. *Язык и мир человека*. М. [Arutyunova, N.D., 1999. *Language and the World of a Man*. Moscow (in Russ.)].

БАС – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т., 1950–1965. Т. 12. М.; Л. [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes, 1950–1965. Vol. 12. Moscow; Leningrad (in Russ.)].

Болдырев, Н.Н., 2014. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику*. Тамбов, 236 с. [Boldyrev, N.N., 2014. *Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics*. Tambov, 236 p. (in Russ.)] EDN: TZCWPV.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий, 2024. Телия, В.Н. (ред.). 6-е изд. М. [Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary, 2024. V.N. Teliya, ed. 6th ed. Moscow (in Russ.)].

БТСРЯ – *Большой толковый словарь русского языка*, 2000. С.А. Кузнецов (ред.). СПб. [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language, 2000. S.A. Kuznetsov, ed. St. Petersburg (in Russ.)].

Грамота.ру, 2006. Справочно-информационный портал о русском языке (17 октября 2006 г.). URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/207658> (дата обращения: 14.10.2025). *Gramota.ru*, 2006. Reference and Information Portal on the Russian Language (October 17, 2006). Available at: <https://gramota.ru/spravka/vopros/207658> [Accessed 14 October 2025] (in Russ.)].

Колмогорова, А.В., Калинин, А.А., Маликова, А.В., 2018. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1 (29), с. 139–148. [Kolmogorova, A.V., Kalinin A.A., and Malikova A.V., 2018. Linguistic principles and computational linguistics methods for the purposes of sentiment analysis of russian texts. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1 (29), pp. 139–148 (in Russ.)] EDN: YRHARM, [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-1\(29\)-139-148](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148).

МАС – *Словарь русского языка*: в 4 т., 1987. Т. 3. А.П. Евгеньева (ред.). 3-е изд. М. [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols., 1987. Vol. 3. A.P. Yevgen'yeva, ed. 3rd ed. Moscow (in Russ.)].

Милованова, М.С. (ред.), 2022. *Общая и русская лингвоаксиология*. М.; Ярославль [Milovanova, M.S., ed., 2022. *General and Russian Linguoaxiology*. Moscow; Yaroslavl (in Russ.)].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ), 2025. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.10.2025). *Russian National Corpus*, 2025. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 14 October 2025] (in Russ.)].

Олонцев, А.А., 2024. Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 5, с. 235–242. [Olontsev, A.A., 2024. Semantic and functional differentiation of the lexeme “okhotno” (“willingly”): the experience of micro-diachronic corpus analysis. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5, pp. 235–242 (in Russ.)] EDN: MCVVXX, https://doi.org/10.32326/19931778_2024_5_235.

Радбиль, Т.Б., 2019. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. В: *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах*. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковцова (ред.). М., с. 23–35. [Radbil, T.B., 2019. Faith as the basis of worldview and world understanding in the Russian language picture of the world. In:

N. D. Arutyunova and M. L. Kovshova, eds. *Linguocultural Studies. Logical Analysis of Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures*. Moscow, pp. 23–35 (in Russ.)] EDN: VDFGGT.

Радбиль, Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*). *Научный диалог*, 12 (6), с. 170–189 [Radbil, T. B., 2023. Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu'). *Nauchnyi dialog*, 12 (6), pp. 170–189 (in Russ.)] EDN: UZKQQJ, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>.

Радбиль, Т. Б., 2025. ИмPLICITная оценочность по данным квантитативного корпусно-дискурсивного анализа: «свершиться» vs «совершиться» в языке отечественных интернет-СМИ. *Слово.ру: балтийский акцент*, 16 (3), с. 84–97. [Radbil, T. B., 2025. Quantitative corpus analysis of implicit evaluativeness: the case of 'sovershit'sya' and 'svershit'sya' in Russian internet discourse. *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (3), pp. 84–97 (in Russ.)] EDN: BHTJJK, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-3-6>.

Рацибурская, Л. В. (ред.), 2016. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века*. М. [Ratsiburskaya, L. V., ed., 2016. *New Trends in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century*. Moscow (in Russ.)].

Рацибурская, Л. В. (ред.), 2021. *Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты*. М. [Ratsiburskaya, L. V., ed., 2021. *Russian Language in Online Communication: Linguacognitive and Pragmatic Aspects*. Moscow (in Russ.)].

Федоров, А. И., 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц*. 3-е изд. М. [Fedorov, A. I., 2008. *Phraseological Dictionary of the Russian Standard Language: About 13,000 Phraseological Units*. 3d ed. Moscow (in Russ.)] EDN: QYNEOX.

Худиев, С., Брилева, О., Логачев, М., 2003. *Христианство: трудные вопросы. Православный, католичка и протестант отвечают на вопросы о христианской вере*. М., 271 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Hudiev/hristianstvo-trudnye-voprosy/ (дата обращения: 14.10.2025). [Khudiev, S., Brileva, O. and Logachev, M., 2003. *Christianity: Difficult Questions. An Orthodox Christian, a Catholic, and a Protestant Answer Questions about the Christian Faith*. Moscow. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Hudiev/hristianstvo-trudnye-voprosy/ [Accessed 14 October 2025] (in Russ.)] EDN: QTFFPL.

Чернявская, В. Е., Хохлова М. В., 2024. *Дискурсивный анализ текста и корпусные методы*. М., 224 с. [Chernyavskaya, V. E. and Khokhlova, M. V., 2024. *Discourse Analysis of the Text and Corpus Methods*. Moscow, 224 p. (in Russ.)] EDN: NVBPYC.

Black, E., 2006. *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh.

Firth, J. R., 1957. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford.

Louw, W. and Milojkovic, M., 2016. *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*. Amsterdam.

Noveck, I., 2021. *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge.

Prabowo, R. and Thelwall, M., 2009. Sentiment analysis: A combined approach. *Journal of Informetrics*, 3 (2), pp. 143–157, <https://doi.org/10.1016/j.joi.2009.01.003>.

Scarantino, A., 2017. How to do things with emotional expressions: the theory of affective pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2–3), pp. 65–185, <https://doi.org/10.1080/1047840x.2017.1328951>.

Sinclair, J. M., 1991. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford.

Об авторах

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; профессор кафедры русского и общего языкознания, Институт языков и культуры народов Центральной Азии, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд, Узбекистан.

ORCID ID: 0000-0002-7516-6705

SPIN-код: 2835-0370

E-mail: timur@radbil.ru

Раъно Хикматовна Абдуллаева, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент, заведующий кафедрой русского и общего языкознания, Институт языков и культуры народов Центральной Азии, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд, Узбекистан.

ORCID ID: 0000-0003-4024-714X

E-mail: abdullaeva14rano@mail.ru

Для цитирования:

Радбиль Т. Б., Абдуллаева Р. Х. Прагматика имплицитной оценочности фразеологизмов в свете корпусно-дискурсивного анализа: выражение «из ряда вон (выходящий)» // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 167–186. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE PRAGMATICS OF IMPLICIT EVALUATIVENESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS: A CORPUS-DISOURSE ANALYSIS OF THE EXPRESSION 'IZ RYADA VON' (VYKHODYASHCHIY) (‘OUT OF THE ORDINARY’)

Timur B. Radbil^{1, 2}, *Raъno H. Abdullaeva*²

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

² Samarkand State University named after Sharof Rashidov,
15 University Blvd., Samarkand, 140104, Uzbekistan

Submitted on 15.11.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-9

The article examines the pragmatic and semantic mechanisms underlying the discursive realisation of implicit evaluativeness in Russian idioms. The aim of the study is to identify the implicit positive or negative evaluative meanings of phraseological units whose evaluative

connotations are not recorded in dictionaries but emerge through their immediate and broader contextual environment. The analysis focuses on the idiom 'iz ryada von' (vykhodyashchiy) (Eng. 'out of the ordinary') and its reduced variant 'iz ryada von'. The research procedure is based on the author's methodology of content-based and quantitative corpus-discourse analysis. The material includes lexicographic definitions of these expressions in the major Russian explanatory and phraseological dictionaries, as well as usage contexts extracted by continuous sampling from the main corpus of the Russian National Corpus. The quantitative analysis is based on the first 100 occurrences of the target expressions in the corpus. The core semantics of the idiom involves the idea of exceptional qualities, properties, or characteristics of a person or object. A preliminary analysis of dictionary definitions showed that neither the definitional zone, nor stylistic labels and the implications of the definitional components contain any indication of evaluative meaning. The only information provided is general expressiveness and stylistic restriction, namely, their association with colloquial speech. However, corpus analysis revealed a clear predominance of contexts with negative evaluative colouring. In other words, in actual usage by native speakers of Russian, the expression 'iz ryada von' (vykhodyashchiy) is rarely used to describe someone or something genuinely valuable or exclusively positive, particularly in moral or spiritual terms. The study concludes that the semantic drift of this phraseological unit towards implicit negative evaluativeness may be determined by national and cultural factors.

Keywords: pragmatics, implicit evaluativeness, phraseological unit, the expression 'iz ryada von (vykhodyashchiy)', corpus-discourse analysis, quantitative analysis, Russian colloquial speech

The authors

Prof. Timur B. Radbil, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; Professor, the Department of Russian and General Linguistics, Institute of Languages and Culture of the Peoples of Central Asia, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan.

ORCID ID: 0000-0002-7516-6705

E-mail: timur@radbil.ru

Dr Ra'no H. Abdullaeva, Associate Professor, Head of the Department of Russian and General Linguistics, Institute of Languages and Culture of the Peoples of Central Asia, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan.

ORCID ID: 0000-0003-4024-714X

E-mail: abdullaeva14rano@mail.ru

To cite this article:

Radbil, T.B., Abdullaeva, R.H., 2026, The pragmatics of implicit evaluativeness of phraseological units: a corpus-discourse analysis of the expression 'iz ryada von' (vykhodyashchiy) ('out of the ordinary'), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 167 – 186. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-9.

РЕЧЕВЫЕ И ЖЕСТОВЫЕ СИГНАЛЫ
ПРОДОЛЖЕНИЯ / ЗАВЕРШЕНИЯ МОНОЛОГА

А. А. Кибрик^{1, 2}, Н. А. Коротаев^{1, 3}, Ю. В. Николаева⁴

¹ Институт языкознания РАН,

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

³ Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Поступила в редакцию 15.12.2025 г.

Принята к публикации 29.01.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10

В ходе разговора встречаются длительные монологические пассажи. Исследование направлено на поиск речевых и жестовых средств, с помощью которых говорящие сигнализируют о намерении продолжить монолог или, напротив, о приближении к концу монолога и готовности передать слово собеседникам. Материалом исследования послужил корпус «Русские рассказы и разговоры о грушах» (RUPEX), снабженный подробной мультимедийной разметкой. Каждая входящая в корпус запись содержит монологический этап рассказа, за которым следует этап интерактивного обсуждения. Такое устройство корпуса удобно для нашей исследовательской задачи. Опираясь на эпизодическую структуру рассказов, понятия элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ), устного предложения и функциональных типов мануальных жестов, мы получили следующие результаты. Речевым сигналом завершения монологического пассажа является уменьшение средней длины устных предложений, то есть последовательностей ЭДЕ, образующих единый просодический комплекс. Во всех изученных записях корпуса говорящие завершают рассказы серией предложений, состоящих из 1–2 ЭДЕ. Кроме того, большая часть рассказчиков также использует обратную стратегию: они увеличивают длину предложений в интервале, непосредственно предшествующем заключительному. Что касается жестовых сигналов завершения монолога, было обнаружено, что в финальном эпизоде по сравнению с нефинальными эпизодами уменьшается доля изобразительных жестов, иллюстрирующих описываемые события, и возрастает доля прагматических жестов и битов, связанных с выражением позиции говорящего и структуры дискурса. Указанные изменения в речи и жестах могут быть интерпретированы собеседниками как признаки завершения монолога и перспектива скорого перехода права говорить от текущего рассказчика к другому участнику разговора.

Ключевые слова: жестикуляция, монолог, мультимедийная коммуникация, Русские рассказы и разговоры о грушах, устное предложение, чередование реплик в разговоре, элементарная дискурсивная единица

1. Введение

Бытовой разговор представляет собой самую каноническую форму использования языка (Щерба 1915, с. 3–4; Якубинский 1986, с. 25; Clark 1996, р. 24). Разговор состоит из участков, в течение которых роль основного говорящего принадлежит одному собеседнику. Эти участки именуются репликами. Организация реплик и принципы перехода от одной реплики к другой традиционно рассматриваются как центральный вопрос устройства коммуникации (Sacks et al. 1974). Реплики в составе разговора часто бывают относительно короткими и сопоставимыми по длительности. Однако в составе разговора встречаются монологические реплики, то есть пассажи, в течение которых один из собеседников в течение длительного времени удерживает роль основного говорящего. Это явление в разных терминах и под разными углами зрения рассматривалось в литературе (Houtkoop, Mazeland 1985; Auer 1992; Selting 2000; Борисова 2002; Ford 2004; Marian et al. 2021; и др.). В последнее время преобладающий термин, обозначающий данное явление, — это «реплики с множественным составом» (multi-unit turns). В этой статье мы будем говорить о *монологах*, входящих в состав более объемной коммуникации. Одна из типичных причин для появления такого монолога — это рассказывание рассказа, вкрапленного в разговор (Chafe 1994, р. 128).

Представляет интерес вопрос о том, каким образом автору монолога удастся контролировать свою роль основного говорящего. Этот вопрос распадается на два более частных вопроса:

- Каким образом говорящий сигнализирует собеседникам, что он намерен продолжить свой монолог?
- Каким образом говорящий сигнализирует собеседникам, что он приближается к концу монолога и вскоре готов передать право говорить собеседникам?

Имеется ряд исследований, в которых эти вопросы изучались (см., напр.: de Ruiter et al. 2006; Mondada 2007; Riest et al. 2015; Magyari 2022; Mlakar et al. 2023; Reece et al. 2023; Богданова-Бегларян 2023; Костина 2023)).

Мы рассмотрим указанные вопросы на материале мультиканального корпуса «Русские рассказы и разговоры о грушах» (Russian Pear Chats and Stories, сокращенно RUPEX), который мы вместе с соавторами развиваем в течение ряда лет (см.: multidiscourse.ru). Этот корпус состоит из множества отдельных и параллельных по структуре записей. Каждая запись, в которой участвовали четыре человека (Рассказчик, Комментатор, Пересказчик и Слушатель), представляет собой совокупность медиафайлов и соответствующих им аннотаций вокального и кинетического поведения.

Записям предшествовал просмотр «Фильма о грушах» (Chafe 1980) Рассказчиком и Комментатором. Запись начинается с монологического этапа *рассказа*, в ходе которого Рассказчик рассказывает Пересказчику содержание фильма. После этого следует интерактивный этап обсуждения, в котором участвуют Пересказчик, Рассказчик и Комментатор.

Пересказчик задает видевопросам фильму Рассказчику и Комментатору уточняющие вопросы, Комментатор может вносить уточнения, касающиеся содержания фильма. Наконец, на завершающем этапе к группе присоединяется Слушатель, и Пересказчик пересказывает ему содержание фильма. Подробнее см.: (Кибрик 2018).

Медиафайлы, созданные при формировании корпуса, были подвергнуты подробной аннотации. Поскольку коммуникация протекает одновременно по множеству каналов, наш подход именуется *мультимедийным*. Аннотация двух вокальных каналов — вербального и просодического — реализуется объединенно в виде транскриптов звучащей речи. Аннотация кинетических каналов — мануального, цефалического, окуломоторного — реализуется по отдельности. В рамках настоящей статьи будут показаны результаты вокальной аннотации речи и аннотации жестов рук.

Аннотация различных коммуникативных каналов в корпусе характеризуется высокой степенью подробности. Мультимедийный характер этой аннотации позволяет увидеть, какое количество одновременных коммуникативных действий собеседники выполняют с огромной скоростью. В силу высокой подробности аннотации корпус RUPEX является многоцелевым, то есть может использоваться для самых различных задач в области изучения естественной коммуникации.

Материал корпуса удобен для рассмотрения вышеуказанных исследовательских вопросов, поскольку в каждой записи содержится монологический этап *рассказа*; как уже упоминалось, рассказы являются типичными монологами в составе разговора. Именно поведение Рассказчика на этапе рассказа и будет предметом нашего рассмотрения. Надо заметить, что по ходу рассказа Рассказчика Комментатор иногда проявляет нетерпение и желает начать что-то исправлять или уточнить, хотя согласно правилам должен дожидаться завершения рассказа. Рассказчик остается основным говорящим на всем протяжении этапа рассказа и при этом может подавать собеседникам сигналы о том, что он пока что продолжает рассказ или, наоборот, уже близок к завершению. Именно такие сигналы мы попробуем выявить в настоящей статье. Мы остановимся на двух типах поведения Рассказчика — на организации звучащей *речи* и на *жестах рук*. Эти два типа поведения будут рассмотрены в разделах 2 и 3 соответственно.

2. Речевые явления

2.1. Ключевые понятия: ЭДЕ и предложение

Анализируя речевые аспекты завершения / продолжения монологических фрагментов, мы опираемся на два ключевых понятия: элементарная дискурсивная единица и предложение.

Под *элементарной дискурсивной единицей* (далее — ЭДЕ) мы понимаем минимальный шаг в построении локальной структуры дискурса. При порождении дискурса, с одной стороны, говорящий следует некоторому общему плану, который определяется стоящей перед ним гло-

бальной задачей (например, пересказать события фильма), с другой — этот план реализуется не одномоментно, а в виде последовательности отдельных речевых действий. Языковым воплощением этих действий и выступают ЭДЕ. В потоке речи ЭДЕ выделяются на основании ряда просодических характеристик, таких как наличие общего интонационного контура и акцентных пиков, закономерностей в распределении темпа и громкости речи, паузации (Кибрик, Подлеская 2009; Kibrik et al. 2020).

Результат сегментации речи на ЭДЕ фиксируется в транскриптах — аннотациях устных дискурсов. В транскрипте каждая ЭДЕ записывается в отдельной нумерованной строке. Рассмотрим фрагмент транскрипта одной из записей корпуса — рассказа Pears35N.

(1) Pears35N¹: фрагмент транскрипта

N-vE037	:(ə 0.62) 'Он /→едет,
N-vE038	:по /→дороге-е,
pN-018	:(0.29)
N-vE039	:и навстречу /ему едет \девочка.
N-vE040	:Тоже на \велосипеде.
pN-019	:(0.18)
N-vN014	:(ц 0.70)
N-vE041	:(е 0.43) В какой-то — момент они-и (0.26) (? 0.69) {sm 0.22} (е 0.42) :(0.23) /пересекаются,
pN-020	:(0.32)
N-vE042	:и-и (0.19) — 'мальчик (ə 0.71) (0.51) (ц 0.31) /оборачивается на неё,
N-vE043	:и в \этот момент он наезжает на большой /камень,
pN-021	:(1.30)
N-vE044	:(ə 0.20) падает с / — велосипеда,,,
pN-022	:(0.17)
N-vE045	:его \шляпа /→падает,,,
pN-023	:(0.44)
N-vE046	:\группы /рассыпаются,,,
pN-024	:(1.21)
N-vE047	:(ə 0.36) и /\он-н (? 0.25) ударяет \ногу.

В приведенном отрывке содержится 11 ЭДЕ. Из десяти границ между ЭДЕ семь границ в (1) содержат паузы: либо абсолютные (участки молчания; например, pN-018), либо смешанные (участки молчания с

¹ Обозначение «Pears35» указывает на запись номер 35 корпуса RUPEX, а индекс N — на то, что разметке подвергается речь Рассказчика (Narrator). Строки, содержащие ЭДЕ, обозначаются в левом столбце при помощи идентификатора, начинающегося с последовательности N-vE; также в отдельных строках размечаются абсолютные и заполненные паузы между ЭДЕ. При помощи слэшей и стрелок обозначены движения частоты основного тона в ударных слогах акцентированных словоформ и вне их. Суть пунктуационных знаков в конце строк, а также подчеркивания ударной гласной в некоторых из акцентированных словоформ кратко пояснены далее в тексте статьи. Подробнее об используемых обозначениях см.: (Kibrik et al. 2020).

последующей нелексической вокализацией; например, последовательность строк pN-019, N-vN014 и начального элемента строки N-vE041). Паузация, впрочем, является лишь дополнительным критерием при сегментации рассказов корпуса на ЭДЕ. Среди основных критериев можно выделить наличие единого интонационного контура и акцентных пиков. На рисунке 1 приведена тонограмма, соответствующая строкам N-vE037 – N-vE039 примера (1). Можно заметить, что каждая из трех ЭДЕ этого отрывка обладает самостоятельным интонационным контуром – конфигурацией изменения частоты основного тона во времени. В первых двух единицах эти конфигурации весьма похожи: после относительно ровного участка тональной кривой следует восходящее движение, переходящее в ровный высокий тон; эта восходяще-ровная фигура локализована в ударных и заударных слогах акцентированных (выделенных) словоформ *едет* и *дороге* (соответствующие участки тональной кривой выделены на рисунке при помощи эллипсов). В ЭДЕ N-vE039 интонационный контур содержит два акцентных пика: восходящее тональное движение, локализованное на ударном слоге словоформы *ему*, и нисходящий тон на словоформе *девочка* (также выделен эллипсом на рисунке). Обе конфигурации, представленные в этом отрывке, хорошо узнаваемы и реализуют стандартные интонационные стратегии русского языка (Брызгунова 1980; Янко 2001). Кроме того, в ЭДЕ N-vE038 и N-vE039 наблюдается тональный ресет – начальная установка частоты основного тона на некоторое дефолтное значение, комфортное для данного говорящего. В обеих указанных ЭДЕ это значение близко к 200 Гц, и это значительно ниже, чем значение, достигнутое в конце предшествующих ЭДЕ; на рисунке места ресета дополнительно отмечены стрелками.

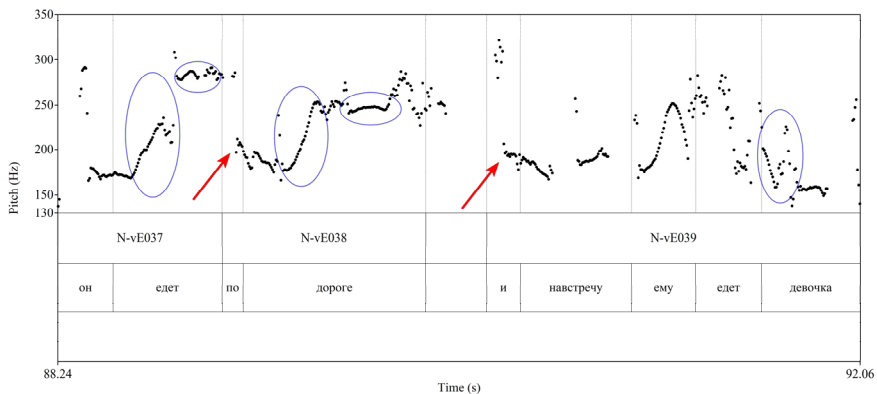

Рис. 1. Тонограмма отрывка, соответствующего ЭДЕ N-vE037 – N-vE039 из примера (1)

В целом набор критериев, используемых для сегментации речевого потока, может различаться; см. обзор существующих подходов в (Izre'el et al. 2020). Однако, даже опираясь на не полностью совпадающие наборы формальных признаков, разметчики могут достигать довольно вы-

сокой степени согласованности (Panunzi et al. 2020). Одно из возможных объяснений этого факта — укорененность минимальных дискурсивных шагов в когнитивной системе говорящего (Chafe 1994, p. 53–70).

В свою очередь, под *предложением* мы понимаем объединение ЭДЕ в потенциально сложный комплекс, основанное на противопоставлении значений абстрактной категории фазы (Кодзасов 2009). В устной речи это противопоставление обслуживается в первую очередь интонационными средствами: нефинальные фазовые значения чаще всего выражаются при помощи того или иного восходящего акцента (Янко 2008, с. 128–170), финальное значение (в случае иллокуции сообщения) — при помощи глубокого нисходящего акцента. Именно этот случай представлен во фрагменте на рис. 1, где ЭДЕ N-vE037 и N-vE038 произносятся с восходяще-ровным главным фразовым акцентом, а ЭДЕ N-v039 — с нисходящим. Таким образом, последовательность этих трех ЭДЕ составляет одно предложение.

В транскриптах границы предложений отмечаются при помощи точки и некоторых других финальных пунктуационных знаков, границы неконечных ЭДЕ в предложениях — при помощи запятой и ряда других нефинальных знаков; статус акцента как главного в строке фиксируется посредством подчеркивания ударной гласной в акцентированной словоформе. Длина предложений в ЭДЕ может различаться. Так, второе предложение в примере (1) состоит только из одной ЭДЕ (N-vE040), а после этого говорящая реализует предложение, содержащее в себе шесть ЭДЕ (N-vE041 — N-vE046). Общим для трех предложений в составе (1) является то, что в каждой из них только одна — последняя по порядку — ЭДЕ демонстрирует интонационные признаки фазовой завершенности.

Близкое понимание термина «предложение» используется в работах У. Чейфа, который также выдвигает дополнительную когнитивную интерпретацию. Если интонационная единица (аналог ЭДЕ в его концепции) представляет собой вербализацию одного «фокуса сознания», то в предложении могут агрегироваться понятия, находящиеся в течение некоторого времени в так называемой полуактивной зоне сознания (Chafe 1994, p. 139–145).

Итак, при анализе речевого компонента мультиканальной коммуникации мы исходим из того, что он может быть представлен в виде последовательности ЭДЕ, объединенных в предложения.

2.2. Предварительные наблюдения и метод анализа

Как уже было продемонстрировано выше в примере (1), длина предложений, измеряемая в количестве входящих в них ЭДЕ, может варьировать. Предварительные наблюдения позволяют предположить, что чередование более длинных и более коротких предложений орга-

низовано неслучайным образом. На рисунке 2 в формате гистограммы приведены данные о длине всех 47 предложений, входящих в рассказ записи Pears37. Как видно из представленных данных, разброс значений составляет от 1 до 12, причем в целом длина предложений в рассказе распределена неравномерно: участки с сериями коротких предложений (1–2 ЭДЕ) перемежаются участками существенно более длинных предложений. Особый интерес в контексте нашего основного исследовательского вопроса представляет конечный отрезок рассказа. Несложно заметить, что рассказ завершается последовательностью коротких предложений, а непосредственно до этого говорящая, напротив, реализует сразу несколько значительно более продолжительных предложений — в том числе два самых длинных в рассказе (из 12 и 11 ЭДЕ).

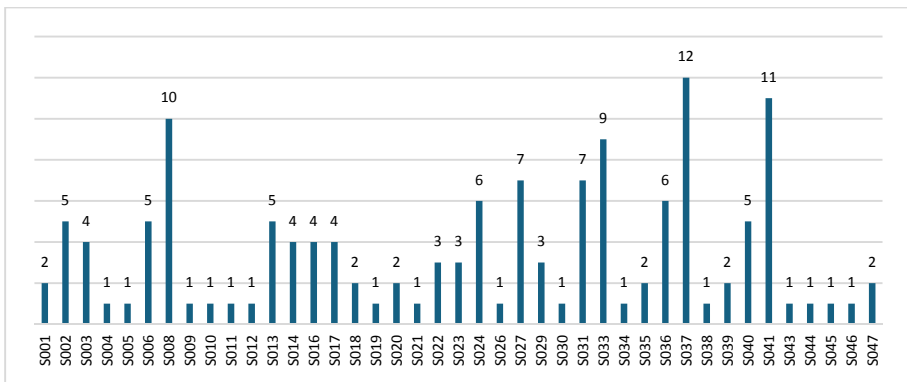

Рис. 2. Количество ЭДЕ в предложениях рассказа записи Pears37

Исходя из предварительного качественного анализа ряда рассказов, мы предположили, что описанное выше явление реализует определенный паттерн, релевантный при завершении длительного монологического участка разговора. Наша гипотеза заключается в следующем.

(а) Когда Рассказчик начинает приближаться к завершению монолога, он нуждается в том, чтобы сигнализировать собеседникам: «Стадия завершения еще не наступила, я удерживаю право говорить». Для этого используются относительно длинные предложения.

(Ср. представление о том, что более сложные предложения позволяют говорящему дольше сохранять очередь хода (Auer 1992, р. 52).)

(б) В заключительной части рассказа, когда Рассказчик уже готов передать право говорить собеседникам, он, напротив, сигнализирует об этом при помощи коротких предложений.

Иными словами, мы предполагаем, что на завершающих стадиях рассказа обнаруживаются два противопоставленных друг другу интервала: первый из них можно обозначить как *интервал удержания*, второй — как *заключительный интервал*. В интервале удержания должно происходить увеличение средней длительности предложений в количестве ЭДЕ, в заключительном интервале — сокращение длительности.

Для выявления потенциальных интервалов удержания и заключения и дальнейшей количественной и статистической проверки нашего предположения мы использовали схему эпизодов «Фильма о грушах», предложенную в (Kruger 2012) и уточненную в (Федорова 2025). Схема состоит из пяти эпизодов, или сцен, содержание которых можно описать следующим образом:

1. Сбор груш (*The picking scene*): Садовник собирает груши.
2. Кража (*The theft scene*): Мальчик на велосипеде увозит одну корзину с грушами.
3. Столкновение (*The crash scene*): Мальчик врезается в камень и падает с велосипеда.
4. Дарение (*The Samaritan scene*): Три других мальчика помогают ему собрать груши и поднять велосипед, за это он им отдает три груши.
5. Обнаружение (*The discovery scene*): Садовник спускается с дерева, в это время мимо проходят три мальчика и едят груши.

Безусловно, речевое наполнение этих эпизодов может различаться от рассказчика к рассказчику — причем иногда весьма существенно. Например, в рассказе записи Pears37 отсутствует описание эпизода обнаружения, а в качестве финального выступает эпизод с дарением груш. (Позже, на этапе разговора, Рассказчица признает, что забыла включить этот эпизод в рассказ.) Также в ряде случаев границы предложений могут соотноситься с границами эпизодов нетривиальным образом: в одном предложении может идти речь о событиях, относящихся сразу к двум эпизодам (в подобных случаях мы обычно приписывали предложение ко второму по порядку эпизоду). В большинстве случаев, однако, удается привязать предложение к конкретному эпизоду с достаточной степенью надежности.

В качестве интервалов удержания и заключения мы рассматривали последовательности предложений, входящих в финальный для данного рассказа эпизод. За заключительный интервал принимались три последних предложения финального эпизода, за интервал удержания — все предшествующие предложения этого же эпизода. Для проверки исходного предположения мы сопоставляли длительность предложений в заключительном интервале, в интервале удержания и в предшествующей части рассказа, то есть в нефинальных эпизодах.

2.3. Результаты анализа

Мы проанализировали семь рассказов суммарной длительностью более 31 минуты, общее число словоупотреблений — 3982. В этих рассказах были выявлены 1169 ЭДЕ и 356 предложений. Общие сведения о количестве предложений и средних значениях числа ЭДЕ в предложениях для каждого рассказа по отдельности и для всех рассказов выборки приведены в таблице 1.

Таблица 1

Длина предложений в интервалах различных типов: отдельные рассказы

	Рассказ	До финального эпизода	Удержание	Заключение	Весь рассказ
Pears04	Число предложений	39	4	3	46
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	4,33	6,25	1,33	4,30
Pears16	Число предложений	48	6	3	57
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,23	4,17	1,33	3,23
Pears22	Число предложений	34	4	3	41
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,88	5,00	1,00	3,78
Pears23	Число предложений	33	8	3	44
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,82	<u>2,38</u>	1,33	3,39
Pears35	Число предложений	17	4	3	24
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,82	<u>2,50</u>	1,00	3,25
Pears37	Число предложений	29	9	3	41
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,31	4,56	1,33	3,44
Pears39	Число предложений	89	11	3	103
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	2,99	3,82	1,67	3,04
Всего	Число предложений	289	46	21	356
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,49	3,96	1,29	3,42

Как видно из таблицы, у всех семи рассказчиков проявляется одна из предполагаемых тенденций — заметное уменьшение длины предложений в заключительных трех предложениях рассказа. Ни у одного из рассказчиков средняя длина предложений заключительного интервала

не достигает значения 2; во всех рассказах средние длины предложений в предшествующих интервалах заметно выше. В то же время другая гипотеза — о временном увеличении длины предложений в интервале удержания — количественно подтверждается для пяти говорящих из семи, тогда как у двух оставшихся (рассказчиков в записях Pears23 и Pears35) средняя длина предложения в этом интервале оказалась ниже, чем в предшествующих эпизодах, хотя и выше, чем в заключительном интервале. (Для удобства ознакомления с данными таблицы те значения в интервале удержания и в заключительном интервале, которые соответствуют нашим первоначальным гипотезам, выделены полужирным шрифтом, а значения, противоречащие гипотезе, — подчеркиванием.)

Сходные результаты получены и при анализе всей выборки без разбиения по рассказам. На рисунке 3 показаны диаграммы рассеяния («ящички с усами») для каждого из трех сопоставляемых интервалов. Медианные значения длины предложений распределены в соответствии с исходными предположениями: наименьшее значение (1) зафиксировано в заключительном интервале, наибольшее (3) — в интервале удержания, а в эпизодах, предшествующих финальному, медиана равна 2. Согласно результатам непараметрического теста Краскела — Уоллиса, эти различия обладают статистической значимостью ($p < 0,001$). Однако, как показывают апостериорные попарные тесты (критерий Манна — Уитни), значимость различий достигается за счет заключительного интервала, который с точки зрения длины предложений значимо отличается как от интервала удержания, так и от нефинальных эпизодов ($p < 0,001$ в обоих случаях); в то же время различия в длине предложений между нефинальными эпизодами и интервалом удержания статистической значимостью не обладают ($p = 0,21$).

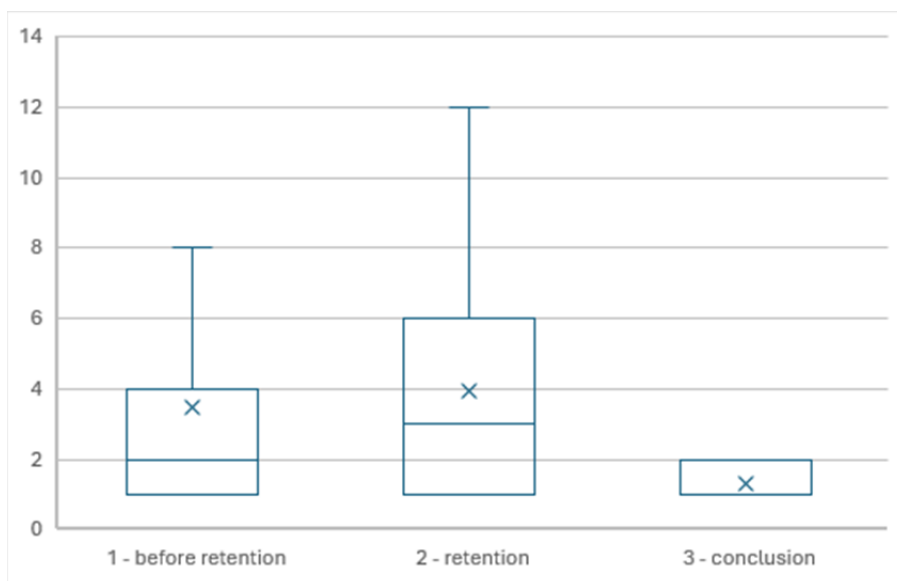

Рис. 3. Длина предложений в интервалах трех типов: все рассказы выборки

Таким образом, в результате проведенного анализа мы смогли надежно подтвердить только одно из двух изначальных наблюдений: в абсолютном конце рассказа, непосредственно перед переходом к этапу разговора, рассказчики используют значительно более короткие предложения, чем в «основном теле» своего монолога. Второе наблюдение, которое состояло в том, что перед тем как перейти к заключительному интервалу, рассказчики, наоборот, на протяжении некоторого участка реализуют более длинные предложения, чем до этого, подтвердилось лишь в качестве тенденции.

Впрочем, к данным об удлинении предложений в интервале удержания можно подойти и в терминах варьирующих индивидуальных стратегий. Можно предположить, что есть значимое большинство рассказчиков, которые удлиняют предложения в этом интервале, и в нашей выборке такими оказались пять из семи рассказчиков. Двое рассказчиков «не владеют» данной стратегией и не используют ее. Если ограничить область статистической проверки пятью рассказчиками, которые использовали стратегию удлинения, то отличие интервала удержания от предшествующей части рассказа оказывается очень близким к статистической значимости ($p=0,06$). Представляется, что этот вопрос требует дальнейшего анализа на большем объеме материала.

3. Жестовые явления

3.1. Функциональные типы мануальных жестов

Аннотация жестов рук в корпусе RUPEX производится по большому числу различных параметров (Литвиненко и др. 2017; Litvinenko et al. 2018). В частности, для каждого жеста отмечается время начала движения руки или окончания предыдущего жеста (подготовка), основная часть жеста (мах) и завершающая фаза (ретракция) в тех случаях, когда она имеется в составе жеста (Kita et al. 1997; Kendon 2004). Разметка фаз жеста проводится с точностью до кадра видеофайла (10 мс). Мы определяли жесты в соответствии с подходом работ (Kendon 2004; Гришина 2017) как движения рук, которые выглядят как результат сознательного усилия и не имеют никакой другой практической цели, кроме передачи информации адресату. Аннотация движений рук производилась независимо от речи (с выключенным звуком).

Для целей данной статьи особое значение имеет такой аспект аннотации, как определение функциональных типов жестов. За основу была взята классификация жестов Д. Макнилла (McNeill 1992). В ходе аннотации мы выделяем следующие функциональные типы жестов: указательные, изобразительные, биты и прагматические жесты. Поясним эти типы жестов, одновременно иллюстрируя некоторые из них жестами, реализованными Рассказчицей записи Pears35 на протяжении фрагмента, текстовый транскрипт которого был разобран выше в примере (1).

(i) Указательные жесты: отличаются простой узнаваемой формой, связывают точку в пространстве вокруг говорящего и упоминаемый в рассказе референт или событие; в рассказе могут служить для (ре)акти-

вазии референта или разрешения референциального конфликта, а также маркирования структуры дискурса или указания на ситуацию, в которой происходит коммуникация, и ее участников.

(ii) Изобразительные жесты: отличаются сложной конфигурацией и / или траекторией, передают некоторую информацию в дополнение к речевому описанию, например о форме, размерах (пример (2), рис. 4), положении объекта или особенностях его движения (пример (3), рис. 5). В примерах вербальные элементы, совпавшие со всем жестом целиком, включая вспомогательные фазы (подготовку или ретракцию), показаны в квадратных скобках, а элементы, совпавшие с махом, выделены полужирным шрифтом.

(2) Pears35N: ЭДЕ с изобразительным жестом

N-vE043 ;и в \этот момент он наезжает [на **большой /камень**],

Рис. 4. Изобразительный жест: форма предмета (*большой камень*)

(3) Pears35N: ЭДЕ с изобразительным жестом

N-vE045 ;его \шляпа /→[**падает**],,,

Рис. 5. Изобразительный жест: направление и траектория движения (*шляпа падает*)

(iii) Биты: движения с нейтральной конфигурацией руки по прямой траектории, описываемой двумя векторами, обычно вверх-вниз или вниз-вверх, их можно сравнить с просодическим выделением некоторого фрагмента. В примере (4) (рис. 6) бит можно интерпретировать как жест, связанный со структурой рассказа (он предваряет описание падения мальчика, то есть привлекает внимание к неожиданному повороту сюжета).

(4) Pears35N: ЭДЕ с битом

N-vE043 ;и в \ [этот момент он] наезжает на большой /камень,

Рис. 6. Бит: короткое движение вверх-вниз с маховой фазой вниз (правой рукой)

(iv) Прагматические жесты (Kendon 2004; Bressemer, Müller 2014; Николаева 2017; Nikolaeva 2017): связаны не с миром описываемых в рассказе событий (как изобразительные жесты), а с выражением позиции говорящего (уверенность / неуверенность в точности передаваемой информации; важность / второстепенность сообщения), указанием на структуру дискурса (например, вводная и / или завершающая части рассказа в противоположность описанию сюжета), на когнитивные процессы при порождении дискурса (процесс воспоминания, сопоставление информации), трудности вербализации (выбор оптимального описания) и т. п. Самый частый прагматический жест в рассказе – «открытая ладонь вверх» (ПУОН) (Cooperrider et al. 2018; Cienki 2021), который связывают с фактом передачи информации (в этом жесте изложение событий метафорически передается адресату как объект).

Для целей данного исследования используется упрощенная классификация жестов, включающая изобразительные жесты, прагматические жесты и биты. Указательные жесты не учитывались, поскольку, по нашим наблюдениям, они не демонстрируют различных паттернов распределения в разных частях рассказа.

Прочие детали наших принципов аннотации мануальных жестов выходят за пределы данной статьи, но с ее образцами можно ознакомиться на сайте <https://multidiscourse.ru/annotation>.

3.2. Предварительные наблюдения и метод анализа

Предварительные наблюдения показали, что в конце рассказа Рассказчик увеличивает долю прагматических жестов и битов и, соответственно, уменьшает долю изобразительных жестов. Причем это не связано с завершением описания сюжета и переходом к оценке рассказа: в финальном эпизоде на клаузах, относящихся к основной линии, также появляются прагматические жесты, что нетипично для нефинальных эпизодов.

В примере (5) приведен фрагмент из финального эпизода рассказа записи Pears35, в котором прагматические жесты (открытая ладонь вверх) сопровождают в том числе описание сюжета. В тех случаях, когда в ЭДЕ было больше одного жеста, верхний индекс перед квадратной скобкой обозначает номер жеста, а тип жеста с соответствующим индексом указан в правом столбце

(5) Pears35N: жесты в финальном эпизоде рассказа

N-vE064	¹ [ʔa-a (0.41) (ʔ 0.37)] ² [/ребя] ³ [та /доволь] ⁴ [ные /идут],	¹ прагматический ² указательный ³ изобразительный ⁴ бит
N-vE065	[и-и жуют \груши].	¹ бит
N-vN020	{ц 0.54}	
N-vE066	¹ [И /они \про]ходят (э 0.45) ² [(0.91) {cl 0.28}] \мимо-о ^ш ³ /са[довника],	¹ прагматический ² прагматический ³ прагматический
N-vE067	¹ [кот]орый-й (ц 0.67) (в 0.82) (0.26) (ʔ 0.28) ² [в \этот момент уже успел] спуститься с /дерева,	¹ бит ² изобразительный
N-vE068	и /обнаружить,	
N-vE069	что-о ¹ [корзина (ʔ 0.12) с] ² [с /грушами] ³ [\пропала].	¹ прагматический ² бит ³ бит

Чтобы верифицировать эту гипотезу, мы сравнили распределение типов жестов в финальном эпизоде рассказов «Обнаружение» с их распределением до финального эпизода (структуру эпизодов см. раздел 2.2 выше).

3.3. Результаты анализа

В рамках данного исследования мы изучили жестикуляцию в рассказах Рассказчиков в четырех записях корпуса. Суммарная продолжительность четырех рассказов составила 16 минут, в них встретилось 895 жестов. В таблице 2 можно видеть доли указательных жестов, изобразительных жестов, битов и прагматических жестов в первых четырех эпизодах рассказов и в финальном эпизоде. Из приведенных данных ясно, что в финальном эпизоде у всех рассказчиков снижается доля изобразительных жестов и растет доля прагматических жестов и битов.

Таблица 2

Соотношение указательных жестов, изобразительных жестов, битов и прагматических жестов (%) в первых четырех эпизодах и в финальном эпизоде рассказа

Запись	Жесты	До финального эпизода		Финальный эпизод		Весь рассказ	
		Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Pears04	Указательные	53	16 %	3	8 %	56	15 %
	Изобразительные	164	48 %	12	32 %	176	47 %
	Биты	34	10 %	7	19 %	41	11 %
	Прагматические	88	26 %	15	41 %	103	27 %
Pears22	Указательные	12	7 %	1	4 %	13	6 %
	Изобразительные	97	54 %	1	4 %	98	48 %
	Биты	18	10 %	4	18 %	22	11 %
	Прагматические	53	29 %	17	74 %	70	35 %
Pears23	Указательные	22	12 %	8	28 %	30	14 %
	Изобразительные	109	60 %	10	34 %	119	57 %
	Биты	6	3 %	3	10 %	9	4 %
	Прагматические	44	25 %	8	28 %	52	25 %
Pears35	Указательные	7	7 %	1	10 %	8	7 %
	Изобразительные	55	57 %	2	20 %	57	54 %
	Биты	13	14 %	3	30 %	16	15 %
	Прагматические	21	22 %	4	40 %	25	24 %

Изменения в долях типов жестов проявляются у разных рассказчиков в разной степени. На рисунке 7 показана общая картина долей трех типов жестов (изобразительные, прагматические и биты) в целом по четырём рассказам. Как было отмечено выше, в данном исследовании мы не рассматривали указательные жесты, поскольку они могут выполнять разные функции в рассказе (поэтому сумма процентов для всех типов жестов меньше 100).

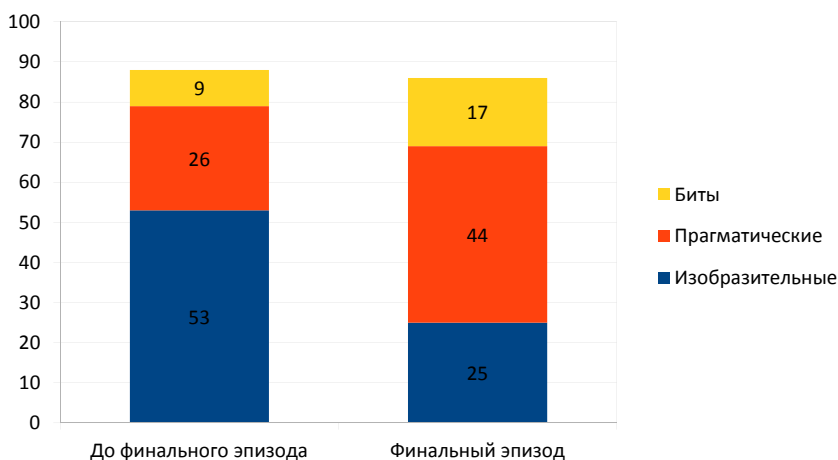

Рис. 7. Суммарные доли изобразительных жестов, прагматических жестов и битов в первых четырех эпизодах и в финальном эпизоде, %

Показанные на рисунке 7 различия между жестикуляцией в финальном эпизоде и в предшествующих эпизодах обладают статистической значимостью (тест «хи-квадрат», $p < 0,00001$). Таким образом, наша гипотеза о повышении частоты прагматических жестов и битов в финальной части рассказа, а также о соответствующем снижении частоты изобразительных жестов полностью подтвердилась на исследованном материале.

4. Обсуждение и выводы

Главный результат проведенного нами анализа речевого материала состоит в том, что Рассказчики обычно завершают рассказ при помощи коротких предложений. Таким образом, Рассказчики сигнализируют о том, что готовы перейти от монологического режима к интерактивному и приглашают к этому своих собеседников. В качестве косвенного подтверждения этой интерпретации приведем данные о соотношении длительности предложений в речи Рассказчиков четырех записей на этапе рассказа и на этапе обсуждения (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление длительности предложений в ЭДЕ на этапах рассказа и обсуждения

Запись	Число предложений		Средняя и медианная длительность предложений в ЭДЕ	
	рассказ	обсуждение	рассказ	обсуждение
Pears04	46	116	4,30; 1	1,66; 1
Pears16	57	263	3,23; 2	1,86; 1
Pears22	41	113	3,78; 3	1,73; 1
Pears23	44	131	3,39; 2	1,90; 1
<i>Всего</i>	<i>188</i>	<i>623</i>	<i>3,65; 2</i>	<i>1,81; 1</i>

Как показывают эти данные, на этапе обсуждения говорящие порождают значительно более короткие предложения, чем при рассказе. Таким образом, обнаруженное нами уменьшение длительности предложений в абсолютном конце рассказа можно рассматривать как своего рода адаптацию к приближающемуся интерактивному режиму.

Вывод из анализа жестового поведения состоит в том, что к концу рассказа Рассказчики уменьшают количество изобразительных жестов, одновременно наращивая количество прагматических жестов и битов. Этот результат можно интерпретировать следующим образом. По ходу изложения основной линии рассказа преобладают изобразительные жесты, которые передают действия персонажей, описывают их внешний вид и облик предметов, которые упоминает Рассказчик. По мере приближения к финалу рассказа Рассказчик сообщает собеседникам о том, что описание основных и самых динамичных событий завершено

(доля изобразительных жестов снижается), добавляет свои оценки сюжета или персонажей (чаще появляются прагматические жесты и биты). Биты, как отмечалось выше, служат, в частности, для выделения некоторого фрагмента дискурса, аналогично просодическим средствам. В связи с этим биты также могут передавать прагматические функции, такие как указание на структуру рассказа и различение важной и второстепенной информации (см., напр.: (McNeill et al. 2015)). Наше исследование показывает, что биты в рассказе с точки зрения момента их появления используются аналогично прагматическим жестам. В конце рассказа доля битов и прагматических жестов растет даже на сюжетных клаузах. Рассказчик буквально «заворачивает» рассказ руками, хотя вокально еще продолжает сюжет. Таким образом Рассказчик сигнализирует собеседникам о том, что его монолог подходит к концу, то есть изменение пропорций жестов разных типов служит инструментом управления сменой ролей в разговоре.

В целом мы можем заключить, что материал корпуса «Русские рассказы и разговоры о грушах», в силу своего изначального устройства, позволил обнаружить новые систематически проявляющиеся речевые и жестовые сигналы продолжения / завершения монолога, входящего в состав более обширной коммуникации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта Института языкознания РАН FMNE-2025-0006 (А. А. Кибрик), проекта Института языкознания РАН FMNE-2025-0016 (Н. А. Коротаев) и проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-027) (Ю. В. Николаева), поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ. А. А. Кибриком написаны разделы 1 и 4, осуществлена общая редакция текста статьи. Н. А. Коротаевым написан раздел 2, предоставлены дополнительные данные для раздела 4. Ю. В. Николаевой написан раздел 3, предоставлены дополнительные данные для раздела 4.

Список литературы

Богданова-Бегларян, Н. В., 2023. Вздох глубокий... (о функциях вздоха в спонтанном монологе). В: «...Вперед и вверх по лестнице звучащей»: сборник статей к 80-летию Ольги Федоровны Кривновой. Л. М. Захаров, И. М. Кобозева, А. Э. Костюк, Н. Д. Светозарова, Кс. П. Семенова (ред.). М., с. 271–280. [Bogdanova-Beglaryan, N. V., 2023. A deep sigh... (on the functions of sighing in spontaneous monologue). In: L. M. Zakharov, I. M. Kobozeva, A. E. Kostyuk, N. D. Svetozarova and Ks. P. Semenova, eds. "...Forward and upward on the sounding staircase": a collection of articles for the 80th anniversary of Olga Fedorovna Krivnova. Moscow, pp. 271–280 (in Russ.)].

Борисова, И. Н., 2002. Нарратив как диалогический жанр. *Жанры речи*, 3, с. 245–262. [Borisova, I. N., 2002. Narrative as a dialogic genre. *Speech Genres*, 3, pp. 245–262 (in Russ.)] EDN: YNDDOX.

Брызгунова, Е. В., 1980. Интонация. В: *Русская грамматика*. Том 2. Н. Ю. Шведова и др. (ред.). М., с. 98–118. [Bryzgunova, E. A., 1980. Intonation. In: N. Yu. Shvedova et al., eds. *Russian grammar*. Volume 2. Moscow, pp. 98–118 (in Russ.)].

Гришина, Е. А., 2017. *Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М. [Grishina, E. A., 2017. *Russian gesticulation from a linguistic point of view. Corpus studies*. Moscow (in Russ.)].

Кибрик, А. А., 2018. Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, 39 (2), с. 79–90. [Kibrik, A. A., 2018. Russian multichannel discourse. Part II. A corpus development and avenues of research. *Psychological Journal*, 39 (2), pp. 79–90 (in Russ.)] EDN: YRHITL, <https://doi.org/10.7868/80205959218020083>.

Кибрик, А. А., Подлеская, В. И. (ред.), 2009. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 735 с. [Kibrik, A. A. and Podlesskaya, V. I., eds., 2009. *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow, 735 p. (in Russ.)] EDN: RBONUT.

Кодзасов, С. В., 2009. Исследования в области русской просодии. М., 496 с. [Kodzazov, S. V., 2009. *Studies in Russian prosody*. Moscow, 496 p. (in Russ.)] EDN: RBBZHХ.

Костина, Е. Д., 2023. Паралингвистические элементы и метакоммуникативные единицы в спонтанной монологической речи. *Социо- и психолингвистические исследования*, 11, с. 85–88. [Kostina, E. D., 2023. Paralinguistic and metacommunicative elements in spontaneous monologic speech. *Socio-and psycholinguistic studies*, 11, pp. 85–88 (in Russ.)] EDN: TYSSCY.

Литвиненко, А. О., Николаева, Ю. В., Кибрик, А. А., 2017. Аннотирование русских мануальных жестов: Теоретические и практические вопросы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 16 (23), с. 271–286. [Litvinenko, A. O., Nikolaeva, Yu. V., Kibrik, A. A., 2017. Annotation of Russian manual gestures: theoretical and practical issues. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16 (23), pp. 271–286 (in Russ.)] EDN: PRMZTV.

Николаева, Ю. В., 2017. Жесты, которые оформляют устный рассказ. В: *Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции*. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.). М., с. 545–549. [Nikolaeva, Yu. V., 2017. Gestures that structure an oral narrative. In: E. V. Pechenkova and M. V. Falikman, eds. *Cognitive Science in Moscow: New Research: conference Proceedings*. Moscow, pp. 545–549 (in Russ.)] EDN: YJEWLQ.

Федорова, О. В., 2025. Основы экспериментальной психолингвистики: «Фильм о грушах» Уолласа Чейфа: учебное пособие для студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики. М. [Fedorova, O. V., 2025. *Fundamentals of experimental psycholinguistics: Wallace Chafe's "Pear Film": a study guide for students of the Department of Theoretical and Applied Linguistics*. Moscow (in Russ.)].

Шерба, Л. В., 1915. Восточно-лужицкое наречие. Том 1. Петроград. [Shcherba, L. V., 1915. *The Eastern Lusatian dialect*. Vol. 1. Petrograd (in Russ.)].

Якубинский, Л. П., 1986 [1923]. О диалогической речи. В: *Избранные работы. Язык и его функционирование*. Л. П. Якубинский, А. А. Леонтьев (отв. ред.). М. [Yakubinsky, L. P., 1986 [1923]. On dialogic speech. In: L. P. Yakubinsky and A. A. Leontiev, eds. *Selected works. Language and its functioning*. Moscow (in Russ.)].

Янко, Т. Е., 2001. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 386 с. [Yanko, T. E., 2001. *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow, 386 p. (in Russ.)] EDN: ZGJMBL.

Янко, Т. Е., 2008. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 312 с. [Yanko, T. E., 2008. *Intonational strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow, 312 p. (in Russ.)] EDN: RBBZHD.

Auer, P., 1992. The neverending sentence: Rightward expansion in spoken language. In: M. Kontra, ed. *Studies in Spoken Languages: English, German, Finno-Ugric*. Budapest, pp. 41–59.

Bressem, J. and Müller, C., 2014. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke et al., eds. *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Berlin, pp. 1575–1591, <https://doi.org/10.1515/9783110302028.1575>.

Chafe, W., 1994. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago.

Chafe, W., ed., 1980. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood.

Cienki, A., 2021. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions. *Languages and Modalities*, 1 (1), pp. 17–30, EDN: YCDGIU, <https://doi.org/10.3897/lamo.1.68914>.

Clark, H., 1996. *Using language*. Cambridge.

Cooperrider, K., Abner, N. and Goldin-Meadow, S., 2018. The palm-up puzzle: Meanings and origins of a widespread form in gesture and sign. *Frontiers in Communication*, 3, <https://doi.org/10.3389/fcomm.2018.00023>.

de Ruiter, J.P., Mitterer, H. and Enfield, N.J., 2006. Projecting the end of a speaker's turn: A cognitive cornerstone of conversation. *Language*, 82(3), pp. 515–535, <https://doi.org/10.1353/lan.2006.0130>.

Ford, C.E., 2004. Contingency and units in interaction. *Discourse Studies*, 6(1), pp. 27–52, <https://doi.org/10.1177/1461445604039438>.

Houtkoop, H. and Mazeland, H., 1985. Turns and discourse units in everyday conversation. *Journal of Pragmatics*, 9, pp. 595–619.

Izre'el, S., Mello, H., Panunzi, A. and Raso, T., 2020. Introduction. In: *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 1–32, <https://doi.org/10.1075/scl.94.int>.

Kendon, A., 2004. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511807572>.

Kibrik, A.A., Korotaev, N.A. and Podlesskaya, V.I., 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi and T. Raso, eds. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 37–76, EDN: QIYHZE, <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>.

Kita, S., van Gijn, I. and van der Hulst, H., 1997. Movement phases in signs and co-speech gestures, and their transcription by human coders. In: I. Wachsmuth and M. Fröhlich, eds. *Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction*. Berlin; Heidelberg, pp. 23–35, <https://doi.org/10.1007/BFb0052986>.

Kruger, J.-L., 2012. Making meaning in AVT: Eyetracking and viewer construction of narrative. *Perspectives: Studies in Translatology*, 20(1), pp. 67–86, <https://doi.org/10.1080/0907676X.2011.632688>.

Litvinenko, A.O., Kibrik, A.A., Fedorova, O.V. and Nikolaeva, Y.V., 2018. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5 (2), pp. 4–17, EDN: YYKJDF.

Magyari, L., 2022. Predictions in conversation. In: J. Gervain, G. Csibra and K. Kovács, eds. *A Life in Cognition: Studies in Cognitive Science in Honor of Csaba Pléh*. Cham, pp. 59–75, https://doi.org/10.1007/978-3-030-66175-5_5.

Marian, K.S., Malabarba, T. and Weatherall, A., 2021. Multi-unit turns that begin with a resaying of a prior speaker's turn. *Language & Communication*, 78, pp. 77–87, EDN: LXAYASS, <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.01.004>.

McNeill, D., 1992. *Hand and mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago.

McNeill, D., Levy, E.T. and Duncan, S.D., 2015. Gesture in discourse. In: D. Tannen, H.E. Hamilton and D. Schiffrin, eds. *The Handbook of Discourse Analysis*, 2nd ed. Chichester, pp. 262–289, <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch12>.

Mlakar, I., Verdonik, D., Majhenič, S. and Rojc, M., 2023. Understanding conversational interaction in multiparty conversations: The EVA Corpus. *Language Resources and Evaluation*, 57 (2), pp. 641–671, EDN: DLQQFT, <https://doi.org/10.1007/s10579-022-09627-y>.

Mondada, L., 2007. Multimodal resources for turn-taking: Pointing and the emergence of possible next speakers. *Discourse Studies*, 9 (2), 194–225, <https://doi.org/10.1177/1461445607075346>.

Nikolaeva, Ju. V., 2017. Pragmatic gestures in Russian retellings of “The Pear Stories”. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 4 (2–3), pp. 6–12, EDN: XZRPYL.

Panunzi, A., Gregori, L. and Rocha, B., 2020. Comparing annotations for the prosodic segmentation of spontaneous speech. In: S. Izre’el, H. Mello, A. Panunzi and T. Raso, eds. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 403–432, <https://doi.org/10.1075/scl.94.17pan>.

Reece, A., Cooney, G., Bull, P. et al., 2023. The CANDOR corpus: Insights from a large multimodal dataset of naturalistic conversation. *Science Advances*, 9 (13), eadf3197, EDN: TPOHES, <https://doi.org/10.1126/sciadv.adf3197>.

Riest, C., Jorschick, A.B. and de Ruiter, J.P., 2015. Anticipation in turn-taking: Mechanisms and information sources. *Frontiers in Psychology*, 6 (89), <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00089>.

Sacks, H., Schegloff, E. A. and Jefferson, G., 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50 (4), pp. 696–735, <https://doi.org/10.2307/412243>.

Selting, M., 2000. The construction of units in conversational talk. *Language in Society*, 29 (4), pp. 477–517, EDN: FOIPUR.

Об авторах

Андрей Александрович Кибрик, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН; заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики ИЯз РАН, профессор, Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; член Европейской академии (Academia Europaea).

ORCID ID: 0000-0002-3541-7637

SPIN-код: 5234-5102

E-mail: aakibrik@iling-ran.ru

Николай Алексеевич Коротаев, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория мультимедийной коммуникации, Институт языкознания РАН; доцент, УНЦ лингвистической типологии, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2184-6959

SPIN-код: 3567-9620

E-mail: n_korotaev@hotmail.com

Юлия Владимировна Николаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Центр языка и мозга, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8753-5945

SPIN-код: 1043-4421

E-mail: julianikk@gmail.com

Для цитирования:

Кибрик А. А., Коротаев Н. А., Николаева Ю. В. Речевые и жестовые сигналы продолжения / завершения монолога // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 187–208. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

SIGNALS OF MONOLOGUE CONTINUATION / COMPLETION: SPEECH AND GESTURE

Andrej A. Kibrik^{1, 2}, Nikolay A. Korotaev^{1, 3}, Yulia V. Nikolaeva⁴

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

³ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia

⁴ National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 15.12.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10

During conversation, extended monologic passages may occasionally occur. The aim of this study is to identify the features of speech and gesticulation that speakers use to signal either their intention to continue a monologue or, conversely, the approaching completion of the monologue and their readiness to yield the floor to an interlocutor. The study is based on the corpus Russian Pear Chats and Stories (RUPEX), which is equipped with detailed multi-channel annotation. Each session included in the corpus contains a monologic stage, during which a story is narrated, followed by an interactive conversation. This design makes the corpus particularly suitable for the present research purpose. Relying on the episodic structure of the narratives, as well as on the notions of the elementary discourse unit (EDU), the spoken sentence, and the functional types of manual gestures, the study arrives at the following results. Among the verbal signals of monologue completion, it was found that speakers tend to reduce the length of spoken sentences, that is, sequences of EDUs forming a single prosodic complex. In all the sessions examined, speakers concluded their stories with sentences consisting of only one or two EDUs. Moreover, in the interval immediately preceding the final segment, most speakers increased sentence length.

As for gestural signals of monologue completion, the analysis shows that the final episode, in contrast to the preceding ones, is characterised by a lower proportion of depictive gestures illustrating the events being described, as well as by a higher proportion of pragmatic gestures and beats expressing the speaker's stance or organising discourse structure. These changes in speech and gesticulation may be interpreted by interlocutors as indications of the forthcoming completion of the monologue and the prospect of turn-taking.

Keywords: turn-taking in conversation, monologue, multichannel communication, elementary discourse unit, spoken sentence, gesticulation, Russian Pear Chats and Stories

Acknowledgements. Research underlying this article was supported by project FMNE-2025-0006 (A. A. Kibrik, Institute of Linguistics RAS), project FMNE-2025-0016 (N. A. Korotaev, Institute of Linguistics RAS), and project HSE-BR-2025-027 (Yu. V. Nikolaeva, Hi-

gher School of Economics), supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Andrej A. Kibrik wrote sections 1 and 4, and also conducted general editorial work on this article. Nikolay A. Korotaev wrote section 2 and provided additional data for section 4. Yulia V. Nikolaeva wrote section 3 and provided additional data for section 4.

The authors

Prof. Andrej A. Kibrik, Director of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Typology and Areal Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science; Professor, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the European Academy (Academia Europaea), Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3541-7637

E-mail: aakibrik@iling-ran.ru

Dr Nikolay A. Korotaev, Senior Research Fellow, Laboratory of Multichannel Communication, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, UC Linguistic Typology, the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2184-6959

E-mail: n_korotaev@hotmail.com

Dr Yulia V. Nikolaeva, Research Fellow, the Center for Language and Brain, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8753-5945

E-mail: julianikk@gmail.com

To cite this article:

Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Nikolaeva, Y. V., 2026, Signals of monologue continuation/completion: speech and gesture, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 187 – 208. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10.

УДК 81`37

ПЕРВЫЕ ВАУЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: ГОРИЗОНТЫ МОДАЛЬНОСТИ

*Н. А. Пробст*¹, *А. И. Ткаченко*¹, *И. Ю. Кукса*²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Западный филиал РАНХиГС,
Россия, 236038, Калининград, ул. Артиллерийская, 62
Поступила в редакцию 03.01.2026 г.
Принята к публикации 31.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-11

Представлен обзор состоявшейся в Балтийском федеральном университете им. И. Канта 29 – 30 сентября 2025 года первой международной научной конференции «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве». Конференция была посвящена памяти профессора Светланы Сергеевны Ваулиной (1945 – 2024), многие годы работавшей в БФУ им. И. Канта. Рассмотрены основные идеи и ключевые положения докладов пленарных и секционных заседаний.

Ключевые слова: коммуникация, модальность, семантический подход, С. С. Ваулина, текст, функционально-калининградская модальная школа

29 – 30 сентября 2025 года на базе Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта впервые прошла международная научная конференция «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве», посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Светланы Сергеевны Ваулиной (1945 – 2024), которой в 2025 году исполнилось бы 80 лет.

Это первая в формате Ваулинских чтений конференция, организация которой в БФУ им. И. Канта не случайна, поскольку определяется несколькими ключевыми обстоятельствами.

Вот уже на протяжении десятилетий модальность остается в центре научной филологической и даже шире – гуманитарной – повестки как одна из важных языковых универсалий, которая устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий.

При этом в БФУ им. И. Канта исследование модальности на системной основе осуществляется в течение почти 30 лет в рамках известной в стране и за ее пределами калининградской школы, созданной

профессором Ваулиной. Ее научные интересы в широком смысле были связаны с историей русского языка и функциональной грамматикой, но делом всей научной жизни профессора стало изучение категории языковой модальности, взятой в аспекте истории ее становления и эволюции.

Соответственно, в число ключевых задач указанной конференции (помимо привлечения внимания отечественного филологического сообщества к научному наследию Светланы Сергеевны Ваулиной) входили, с одной стороны, рассмотрение различных аспектов реализации коммуникативного потенциала категории модальности в разных видах дискурса, с другой — демонстрация тематического богатства и многообразия методологического и инструментального комплекса актуальных исследований данной языковой универсалии, которые демонстрируют не снижающуюся перспективность последней как объекта лингвистического изучения. Конференция стала и своеобразной «витриной» некоторых результатов многолетней работы калининградской научной школы модальности, созданной и вдохновлявшейся Светланой Сергеевной Ваулиной.

Участниками Ваулинских чтений стали известные ученые из ведущих вузов России, а также университетов Армении, Белоруссии и Китая. В работе конференции приняли участие более 70 человек как очно, так и удаленно¹.

Первое пленарное заседание, посвященное модальности как междисциплинарному феномену, открыл совместный доклад учеников Светланы Сергеевны — доцентов *И.Ю. Куксы* и *А.И. Ткаченко* (Калининград). В докладе «Калининградская школа модальности профессора Ваулиной: этапы и перспективы развития» была показана история формирования и развития школы, ее концептуальный и методологический «фундамент», наглядно представлены актуальные достижения и дальнейшие направления развития школы, ее обширные связи с ведущими научными коллективами и известными учеными как в нашей стране, так и за рубежом.

Некоторые ранее недостаточно освещенные специфические характеристики категории в контексте концептуальной и в определенном отношении экзистенциально-ценностной модели С.С. Ваулиной в легкой и остроумной манере были освещены в докладе «Модальность: в поисках граней» профессора *Т.М. Шкапенко* (Калининград). В фокусе внимания докладчика находились также наиболее дискуссионные вопросы изучения модальности, начиная с идеологической ангажированности классического определения модальности, предложенного академиком В.В. Виноградовым, и заканчивая критикой заимствованного термина «мультимодальность», входящего в отношения межъязыковой омонимии с классическим пониманием модальности как функционально-семантической категории.

¹ Ряд материалов конференции был опубликован в сборнике: (Бондарева и др. 2025).

Профессор *В. А. Плунгян* (Москва) в своем докладе «Об аквизитивной модальности» представил весьма интересный в контексте классической («логической») концепции модальности феномен – так называемую аквизитивную модальность. Данный модальный конституент, являющийся пока малоизученным, предполагает характеристику действия с точки зрения его успешной реализации. На примере современного языкового материала академик Плунгян убедительно продемонстрировал уникальную особенность аквизитивной модальности в рамках вышеуказанной концепции – связь с фактом совершения действия (тогда как другие ее значения традиционно связаны с пространством потенциальности (возможности, необходимости)).

Завершал первое пленарное заседание доклад профессора *Т. В. Шмелевой* (Великий Новгород) на тему «Ирреальная модальность в авторском начале медиатекста». На базе текстов, созданных в жанре авторской колонки и посвященных злободневным для нашего современного общества темам, была детально рассмотрена ирреальная модальность как один из организующих компонентов авторского начала текста, обеспечивающий его полифоничность, полемическую направленность и объемный взгляд на обсуждаемые проблемы. При этом Т. В. Шмелева представила формальный аспект выражения ирреальной модальности, включающий в себя грамматические формы глаголов (сослагательное и повелительное наклонение) и лексические единицы типа *нельзя, может, умеет, возможность, готовность*.

Второе пленарное заседание «Коммуникативно-прагматический потенциал категории модальности» открывал доклад профессора *С. Т. Золяна* (Ереван, Армения) «Субъективная модальность в прагмасемантической перспективе», в котором была оригинально представлена модальность с точки зрения перспективного методологического инструмента – прагмасемантического подхода. Основываясь на известной семиотической идее о множественности ипостасей говорящего («Я как рассказчик», «Я как описываемое лицо», «Я как передатчик чужой речи» и др.), докладчик предложил понимать субъективную модальность как результат рассогласования этих функций, когда говорящий тем или иным образом уклоняется от ответственности за истинность сказанного.

Доцент *О. А. Полетаева* (Минск, Беларусь) обозначила важность коммуникативно-прагматического аспекта модальности в практике преподавания русского языка как иностранного, прежде всего с точки зрения экспликации разных модальных смыслов.

Третье пленарное заседание было посвящено проблемам рассмотрения текста и дискурса в аспекте модальных значений и началось с двух докладов, связанных с областью делопроизводства и документационного обеспечения управлением. Оба доклада были представлены профессорами Волгоградского государственного университета, с научным коллективом которого Светлану Сергеевну связывали многолет-

ние профессиональные и дружеские отношения. Открывал заседание доклад профессора *М. В. Косовой* (Волгоград) «Модальность необходимости и долженствования в тексте регламентирующего документа». На базе соответствующих текстов (кодексов, инструкций и т. д.) докладчик показал, как посредством модальности долженствования реализуется директивная интенция, а модальности необходимости — разъяснительная.

В другом докладе, «Дипломатические письма XVIII века в аспекте категории модальности», представленном профессором *Е. М. Шентухиной* (Волгоград), определялся доминантный компонент модальной структуры дипломатических писем знаменитого русского политического деятеля и ученого *В. Н. Татищева* — модальность побуждения. На основе интереснейшего исторического материала автор показала различные семантические и интенциональные оттенки данного значения, реализуемые как эксплицитно, так и имплицитно.

Иной вектор изучения категории модальности — ее субъективно-авторский компонент в контексте системных связей с категорией оценочности — был предложен в докладе профессора *Л. М. Бондаревой* (Калининград) «Самопрезентация как форма актуализации авторской модальности в автобиографическом дискурсе». На примере немецкоязычных автобиографий XIX—XX веков докладчица раскрыла значительный аксиологический коннотативный потенциал такого языкового инструмента, как объективирующие автономинации.

Завершающим как финальное заседание, так и первый день конференции в целом стало выступление профессора, члена-корреспондента РАН *Е. В. Рахилиной* (Москва) «О модальном предикативе *охота*». В яркой интерактивной манере автор доклада продемонстрировал различные аспекты внутрисинтаксических модальных значений данного существительного, реализуемого в различных фразеологических вариациях.

На второй день конференции было запланировано проведение пяти секционных заседаний, связанных с различными дискурсивными областями реализации различных модальных значений.

Работа первой секции, «Русская литература: смысловые доминанты модальности», представленной двумя подсекциями, была связана с разнообразными аспектами формирования модального рисунка разножанровых произведений отечественной литературы различной временной отнесенности — от памятников древнерусской письменности до поэтических текстов Тарковского, Бродского и мн. др.

Оригинальным образом изучение вопросов организации модальной структуры текста были объединены с исследованием одной из центральных концепций православной духовной культуры — послушанием — в докладе профессора *Л. Г. Дорофеевой* (Калининград) «Идея послушания в “Лествице” прп. Иоанна Синайского и в духовных письмах прп. Амвросия Оптинского».

Значительная часть докладов была связана с изучением особенностей реализации такого комплексного и широко интерпретируемого компонента категории модальности, как модальность авторская. Данная модальная разновидность, как известно, наиболее ярко проявляется в пространстве языка художественной литературы и позволяет авторам использовать весь доступный им языковой арсенал выражения смыслов — а, следовательно, и создавать разнообразные и порой весьма необычные модальные портреты соответствующих текстов.

В частности, специфике индивидуально-авторской модальной организации прозаических текстов малой формы таких писателей, как В. Г. Короленко и Н. С. Лесков, были посвящены доклады профессора *Н. П. Жилиной* (Калининград) «Специфика авторской модальности в рассказах В. Г. Короленко» и доцента *Л. И. Прихожей* (Калининград) «Специфика авторской модальности в святочных рассказах Н. С. Лескова “Христос в гостях у мужика”, “Под Рождество обидели”». Участие значений желательности и необходимости, часто выступающих как модальные антагонисты, в конструировании авторской модальности произведения были рассмотрены в докладе независимой калининградской исследовательницы *О. А. Реймер* «Хочется и надо как категории авторской модальности в дневниковой прозе М. М. Пришвина».

Вопросы формирования и функционирования системы средств авторской модальности, но уже в пространстве русского поэтического текста, были представлены в докладах профессора *Н. Г. Бабенко* (Калининград) «Палитра модальностей в лирике Арсения Тарковского», профессора *М. Н. Конновой* (Калининград) «Авторская модальность в стихотворении А. С. Пушкина “Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...”», профессора *И. А. Королевой* (Смоленск) «Авторская модальность в текстах поздней лирики А. Т. Твардовского».

В фокусе исследовательского внимания участников секции оказались и другие модальные средства формирования смыслового пространства художественного текста, изучение которых позволяет по-новому взглянуть на творчество русских классиков. Этот факт наглядно проиллюстрировали два доклада, посвященных творчеству Н. В. Гоголя. Экспликаторы такого значения субъективной модальности, как уверенность, а также проблема поиска их эквивалентов в английском языке были описаны в докладе доцента *Л. В. Коковиной* (Калининград) «Средства выражения модального значения уверенности/ неуверенности в повести Н. В. Гоголя “Портрет” и его переводе на английский язык». Тема связи модальности с другой объемной категорией — оценочностью (соотношение которых до сих пор является одним из дискуссионных вопросов модалистики) — через призму формирования сатирического образа действительности в творчестве Н. В. Гоголя была затронута в выступлении доцента *Е. В. Булатой* (Барановичи, Беларусь) «Цветобозначения как способ иронического смыслообразования в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя)».

Вопросы корреляции аксиологической и модальной категорий, но уже в контексте характеристики пишущим «чужого» текста, были рассмотрены в докладе профессора Ю. А. Говорухиной (Калининград) «Юрий Трифонов как читатель: формы выражения отношения к чужому тексту».

Интересные наблюдения о трансформации модальной картины произведения как репрезентанте эволюции творческого потенциала автора были представлены в докладе Е. Д. Генераловой (Москва) «Модальность ранней и поздней драматургии А. Н. Афиногенова».

Возможности раскрытия поэтического замысла через анализ опосредованной экспликации модальных значений (в том числе возможности, необходимости и др.) с помощью инфинитивных глаголов были продемонстрированы исследователем В. Д. Кравцовой (Калининград) в докладе «Имплицитная модальность инфинитивов в поэзии Ю. Д. Левитанского». Потенциал модальных операторов в контексте репрезентации интенционно-смысловых аспектов поэтического текста был представлен и в выступлении И. Э. Лосевой (Калининград) на тему «Языковые средства выражения желания-побуждения в зрелой лирике И. Бродского». Изучение этого аспекта, но уже в отношении прозаического текста, продолжил завершавший секционное заседание доклад А. В. Корчагиной (Калининград) на тему «Модальность заглавий рассказов сборника Марины Степновой “Где-то под Гроссето”».

В фокусе внимания участников второй секции, «Модальность в коммуникативном пространстве мировой литературы», и ее двух подсекций находились вопросы объективации категории модальности в текстах зарубежных авторов разной временной отнесенности.

Так, профессор В. Х. Гильманов (Калининград) в докладе «Тайна морфемы *mod* в “Гимне” Кадмона (VIII век) в контексте борьбы модальных операторов» предпринял попытку исследовать феномен временной модальности, которому, по его мнению, не уделено пока должного внимания.

Очень необычный иллюстративный материал исследования вопросов продуцирования и перцепции системы модальных и аксиологических аспектов содержательного плана послания был представлен в докладе доцента С. Г. Горбовской (Санкт-Петербург) «Модальность “саламных списков”». О чем и с кем “говорят” цветы?». Был рассмотрен вопрос содержания «реплик» цветов в «саламных списках» сборников «Язык цветов» XIX—XX веков.

Фундаментальные вопросы реализации текстообразующего потенциала категории модальности в иноязычных текстах были представлены в докладах доцента М. С. Потеминой (Калининград) «Мультимодальный код современной немецкой литературы» и доцента Д. А. Дацко (Калининград) «Модальность как текстообразующая категория в современном немецкоязычном и русскоязычном поэтическом дискурсах».

При этом, как и в первой секции, значительное число докладов закономерно было связано с различными аспектами реализации автор-

ской модальности в соответствующих произведениях: «Категориальный статус авторской модальности в семантическом пространстве художественного текста» профессора *А. В. Кузнецовой* (Ростов-на-Дону), «Рассказ Дж. Р. Р. Толкина “Лист Нигтля” в свете теории авторской модальности» доцента *А. С. Косинской* (Калининград), «Особенности авторской модальности в романе Э. Боуэн “Смерть сердца”» доцента *Т. С. Жилиной-Элс* (Калининград), а также выступления аспирантов БФУ им. И. Канта — *Э. И. Прасовой* «Авторская модальность в прозе П. Хандке» и *Лю Лэ* «Специфика авторской модальности в лирике В. Перелешина».

С аспектами реализации авторской модальности в переводном тексте был связан и доклад профессора *Л. А. Мальцева* (Калининград) «“Ответное дать вещи слово...”: художественная модальность поэзии Ц. К. Норвида в русскоязычной переводческой трансформации». В контексте анализа композиционной структуры стихотворения «Общие места» в аспекте его модальных смыслов докладчиком были представлены особенности их репрезентации в двух переводах на русский язык.

Другой популярный вопрос, связанный с комплексным взаимодействием в художественном тексте модальной, аксиологической и иных системосмысловых составляющих, был затронут в докладах профессора *Н. Г. Владимировой* (Калининград) «Живописный текст в вербальном коммуникативном пространстве романа Донны Тартт “Щегол”» и доцента *Г. Р. Насибулловой* (Казань) «Аксиологическая модальность в романах С. Павловой “Голод” и Х. Филдинг “Дневник Бриджит Джонс”».

Частным вопросам имплементации в содержательную структуру иноязычных романов тех или иных модальных значений были посвящены доклады *Р. Д. Ведерникова* (Калининград) «Прецедентные имена как способ реализации игровой модальности постмодернистского художественного текста (на материале романа Р. Бротигана “Trout Fishing in America”)», *М. А. Баранова* (Калининград) «Модальность желания как доминирующий нарративный прием в речи персонажей (на материале романа Т. Драйзера “Сестра Керри”)», *Н. В. Макарова* (Калининград) «Категория модальности в контексте индейской картины мира (роман С. Наварра Момадея “Дом, из рассвета сотворенный...”», *А. А. Райкевич* (Калининград) «Традиции мессианизма в коммуникативном пространстве польской литературы XXI в.», *М. О. Жировой-Лубневской* (Калининград) «Нарративная модальность в романе О. Токарчук “Веди свой плут по костям мертвецов”».

Третье секционное заседание, «Модально-коммуникативные целеустановки в различных видах дискурса», было посвящено рассмотрению многоаспектной репрезентации видов языковой категории модальности.

Так, в открывающем заседании указанной секции докладе профессора *Л. В. Рацибурской* (Нижегород) «Аксиологические аффиксы в медийных текстах» в модальном разрезе на материале современных электронных и печатных СМИ был продемонстрирован аксиологиче-

ский потенциал словообразовательных аффиксов. В докладе профессора Г. А. Заварзиной (Воронеж) на материале газетных текстов периода Первой мировой войны убедительно показан модальный потенциал синтаксических конструкций, что безусловно открывает перспективы для изучения исторических изменений в разрезе языковой категории модальности. А доцент Н. А. Пробст (Калининград) на примере текстов русскоязычных интернет-комментариев продемонстрировал возможность реализации различных модальных значений в содержательном пространстве речевых актов насмешки как инструмента речевой агрессии.

Процессы переосмысления модальных значений, выявления их личностной значимости, социокультурной окраски и коммуникативного потенциала в контексте конкретных ситуаций общения были охарактеризованы в докладе М. Н. Зыковой (Калининград) и доцента Л. Н. Калининковой (Калининград) «Открытие субъектом ценностно-коммуникативного аспекта лексических единиц “должен” и “обязан” через лингвопсихологическую ресемантизацию».

Завершал секционное заседание доклад доцента А. И. Ткаченко (Калининград), в рамках которого был представлен функционально-семантический анализ экспликаторов модальных значений возможности, необходимости и желательности на примере живой речи носителей русских говоров.

Четвертое секционное заседание, посвященное диахроническим аспектам коммуникативного потенциала модальности, заняло центральное место в рамках Ваулинских чтений, поскольку диахронический анализ модальности как языковой универсалии представлял собой основополагающее направление научных исследований профессора Ваулиной.

Работу секции открыл доклад профессора Л. П. Дроновой (Томск) «История древнерусского языка в современной исследовательской перспективе (к вопросу о “новых” восточнославянских языках)», в котором был охарактеризован новый уровень исторических исследований в области восточнославянских языков.

В докладах Н. В. Патроевой (Петрозаводск), Н. А. Суворовой, Д. А. Сергановой (Калининград), были обобщены данные о грамматических механизмах выражения модальности в русском языке периода его становления в качестве национального, когда происходила институционализация норм письменной речи. Профессор Н. В. Патроева раскрыла модально-коммуникативную палитру поэтических высказываний Феофана Прокоповича, доцент Н. А. Суворова продемонстрировала функционально-семантическую специфику фразеологизмов как экспликаторов модального значения возможности, а старший преподаватель Д. А. Серганова представила типологию побудительных значений в памятниках ораторской прозы старорусского периода.

Отдельные доклады были посвящены актуальным вопросам модальности текста. Так, в докладе доцента И. Ю. Куксы (Калининград)

предметом анализа стало модальное пространство «Ведомостей Петра Великого» с точки зрения их коммуникативно-прагматического потенциала. В докладе доцентов *А. В. Петрухиной* и *О. В. Трофимовой* (Тюмень) было установлено, что в эпистолярных текстах модальные частицы выполняют самые разные функции, в том числе и текстообразующие, а в докладе *Е. В. Германовой* (Калининград) на материале переписки Екатерины II с князем Г. А. Потемкиным модальные микрополя были рассмотрены как инструмент авторских интенций.

Завершал секцию доклад доцента *М. А. Белей* (Калининград), в котором был продемонстрирован сравнительно-сопоставительный анализ гендерных обращений в русском и французском языках в диахроническом аспекте.

На заседании пятой секции, «Модальность как семантическая универсалия», был представлен широкий тематический диапазон докладов, посвященных специфическим аспектам реализации коммуникативного потенциала титульной категории.

Открывало заседание выступление профессора *В. В. Казаковской* (Санкт-Петербург) «Модальность: от первых слов до первого класса», посвященное описанию ряда особенностей формирования и развития модальной картины речи детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Участие наречий в формировании содержательно-модальной рамки предложений с двумя и более пропозициями было отражено в докладе профессора *А. В. Дегальцевой* (Саратов) «Реализация модальности в полипропозитивных предложениях с наречиями».

Доцент *Е. В. Зубрицкая* (Калининград) в выступлении на тему «Средства экспликации модальности необходимости / долженствования в русском и польском языках» убедительно продемонстрировала этнокультурный характер причин, обуславливающих разницу в осмыслении и языковой репрезентации данных модальных значений в указанных языках.

Весьма интересный объект исследования был представлен доцентом *А. И. Дзюбенко* (Ростов-на-Дону) в докладе «Художественный вымысел в координатах текстовой модальности: лингвопрагматический аспект». Данный объект был описан автором как феномен, имплементируемый в ткань повествования (как в авторском, так и персонажном его сегментах) языковыми инструментами текстовой модальности.

«Модально-аксиологические мотивы», но уже в контексте актуального вопроса гендерно обусловленных механизмов речепорождения, были рассмотрены в выступлении исследователя *Р. Ф. Абдуллаева* (Калининград) «Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности». А категория персональности в аспекте репрезентации тех или иных модальных значений была затронута в завершавшем секционное заседание докладе исследователя *А. В. Скогоревой* (Калининград) «Взаимосвязь категорий лица и модальности в песенном дискурсе».

Подвело черту под итогами работы настоящей конференции заключительное собрание, где были кратко рассмотрены ключевые события и результаты этого насыщенного двухдневного мероприятия, а также были заслушаны мнения и пожелания его участников.

В целом объединяющим научным смысловым стержнем конференции стала концепция языковой модальности как широкой семантической категории, структурно-содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двуаспектностью предложения, а именно – его номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами, которая была обоснована профессором С. С. Ваулиной и убедительно развернута в работах как ее учеников, так и коллег из вузов и академических институтов России и зарубежья. Практически в каждом докладе как преамбула или послесловие звучали слова признательности в адрес С. С. Ваулиной, которая сумела вдохновить на изучение модальности многие поколения исследователей, а также снискала известность в научных кругах как блестящий организатор масштабных и глубоких конференций по теме модальности. Докладчики также отметили множественность подходов к изучению различных аспектов этой языковой универсалии, в том числе в определенные периоды в истории русского и других языков, в разных типах текстов и дискурса с акцентом на эволюционных изменениях, с разных исследовательских точек зрения (коммуникативно-прагматической, функционально-семантической, текстово-дискурсивной и др.), что, безусловно, определяет дальнейшие векторы научной разработки темы модальности.

Список литературы

Бондарева, Л. М., Мальцев, Л. А., Шкапенко Т. М. (ред.), 2025. *Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве*: сборник статей по материалам международной научной конференции. Калининград, 240 с. [Bondareva, L. M., Maltsev, L. A. and Shkapenko, T. M., ed., 2025. *Modality: language and text in the communicative space*: a collection of articles based on the materials of an international scientific conference. Kaliningrad, 240 p. (in Russ.)].

Об авторах

Никита Артурович Пробст, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6173-4305

SPIN-код: 8563-8196

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Арина Игоревна Ткаченко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-1603-7962

SPIN-код: 7813-5518

E-mail: ATkachenko@kantiana.ru

Ирина Юрьевна Кукса, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Западного филиала РАНХиГС, Калининград, Россия.
ORCID ID: 0000-0001-7177-6541
SPIN-код: 3517-3124
E-mail: kuksa-iy@ranepa.ru

Для цитирования:

Пробст Н.А., Ткаченко А.И., Кукса И.Ю. Первые Ваулинские чтения: горизонты модальности // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 209–220. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE FIRST VAULINA READINGS: HORIZONS OF MODALITY

*Nikita A. Probst*¹, *Arina I. Tkachenko*¹, *Irina Yu. Kuksa*²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Western Branch of RANEPА,
62 Artilleriyskaya St., Kaliningrad, 236038, Russia

Submitted on 03.01.2026

Accepted on 31.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-11

The article presents an overview of the First International Scientific Conference, “Vaulina Readings. Modality: Language and Text in the Communicative Space”, dedicated to the memory of Professor Svetlana S. Vaulina. It examines the main ideas and key arguments presented in the plenary and breakout sessions, highlighting the principal directions of discussion and the most significant theoretical and methodological contributions of the participants.

Keywords: *modality, text, communication, functional-semantic approach, Kaliningrad modal school, Svetlana S. Vaulina*

The authors

Dr Nikita A. Probst, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6173-4305

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Dr Arina I. Tkachenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-1603-7962

E-mail: ATkachenko@kantiana.ru

Dr Irina Y. Kuksa, Associate Professor, Deputy Director of the Western Branch of RANEPА, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-7177-6541

E-mail: kuksa-iy@ranepa.ru

To cite this article:

Probst, N. A., Tkachenko, A. I., Kuksa, I. Y., 2026, The first Vaulina Readings: horizons of modality, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2026, Vol. 17, no. 2, pp. 209–220. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

**ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»**

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2026

Том 17
Vol. 17
№ 2

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 25.05.2026 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,4
Тираж 300 экз. (1-й завод — 31 экз.). Заказ 44
Свободная цена

Signed 25.05.2026
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 19,4
Edition 300 copies (first print: 31 copies). Order 44
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia